КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОЛИЭТНИЧНЫЙ РЕГИОН В XXI ВЕКЕ: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ

КАЗАНЬ
2015

УДК 314.02:316.3

ББК 60.5

П49

Печатается по рекомендации Ученого совета

Института социально-философских наук и массовых коммуникаций

Научный редактор

доктор социологических наук, профессор **Р.Г. Минзарипов**

Редакторы:

кандидат философских наук, доцент **С.А. Ахметова;**

кандидат социологических наук, доцент **Ф.Ф. Ишкинеева**

П49 Полиэтничный регион в XXI веке: демографические и социокультурные процессы / под ред. С.А. Ахметовой, Ф.Ф. Ишкинеевой. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. – 250 с.

ISBN 978-5-00019-562-8

В данной публикации представлены результаты исследований сотрудников кафедры общей и этнической социологии и лаборатории социологических исследований Института социально-философских наук и массовых коммуникаций КФУ за период с 2012 по 2015 гг. Выбор направлений исследований предопределен их социальной значимостью для татарстанского общества. В фокусе внимания исследователей – социокультурное пространство Республики Татарстан, проблемные зоны, связанные с воспроизводством населения региона, межэтническими и межконфессиональными отношениями, а также повседневными социальными практиками его жителей.

УДК 314.02:316.3

ББК 60.5

ISBN 978-5-00019-562-8

© Издательство Казанского университета, 2015

Оглавление

Предисловие (Минзарипов Р.Г.)……. 5

Глава I. Демографическое развитие региона: проблемы и перспективы……... 8

1.1. Тенденции воспроизводственных процессов в Республике Татарстан: сдержанный оптимизм (Минзарипов Р.Г., Ишкинеева Ф.Ф., Ахметова С.А.)……. 8

2.1. Анализ факторов риска развития сердечно-сосудистых заболеваний населения региона (Ишкинеева Ф.Ф., Ахметова С.А., Гайфуллина Р.Ф.)……. 29

3.1. К постановке проблемы сверхсмертности мужчин трудоспособного возраста (Ахметова С.А., Ишкинеева Ф.Ф.)……... 36

4.1. Репродуктивный потенциал населения региона: реалии и перспективы (Ахметова С.А., Ишкинеева Ф.Ф.)…….. 39

Глава II. Этноконфессиональные отношения в региональном сообществе: практики и репрезентации…… 49

1.2. Этноконфессиональный портрет регионального сообщества (по материалам социологического исследования в Республике Татарстан) (Ахметова С.А., Гузельбаева Г.Я., Ефлова М.Ю., Минзарипов Р.Г., Низамова Л.Р., Нурутдинова А.Н.)…… 49

2.2. Межкультурные отношения и миграционные процессы в массовом сознании татарстанцев и дискурсе региональных массмедиа (Низамова Л.Р.)…… 69

3.2. Православие и православные в Республике Татарстан: социологический портрет (Ефлова М.Ю., Минзарипов Р.Г.)…….. 98

4.2. Образ «врага» в массмедийном дискурсе религиозного экстремизма в Татарстане (Нурутдинова А.Н.)…… 105

5.2. Динамика образа национальной истории в музыкальных произведениях на татарском языке (Озерова К.А.)…….. 124

Глава III. Тенденции социокультурных процессов в регионе… 152

1.3. Экскурс в историю регионального социологического сообщества (Ахметова С.А.)…….. 152

2.3. Динамика экологического сознания татарстанцев (Егорова Л.Г., Ермолаева П.О., Носкова Е.П.)……... 159

3.3. Поле государственных услуг Республики Татарстан: социологический анализ социального и физического пространства (Кавеев Т.Н.)……. 182

4.3. К проблеме поиска оптимальных траекторий городского развития (Ишкинеева Г.Ф.)…… 198

5.3. Система общественного транспорта г. Казани как объект социологического анализа (Игнашин В.А.)…….. 208

6.3. Блогосфера и социальные проблемы: конструирование повестки дня татарстанскими блоггерами (Кавеева А.Д.)……... 222

7.3. Профессиональная самореализация молодежи: перспективы востребованности на рынке труда (Ишкинеева Ф.Ф., Ахметова С.А.)….. 238

Послесловие (Ишкинеева Ф.Ф.)……... 245

Информация об авторах…… 248

ПРЕДИСЛОВИЕ

В обстановке сложных геополитических процессов укрепление внутренних и внешних позиций России возможно лишь при сохранении социально-политической консолидации общества, национального и территориального единства страны, реализации ее демографического потенциала. Решение этих задач предполагает теоретическое осмысление специфики общественного развития, его тенденций, противоречий и движущих сил как в стране в целом, так и в конкретных регионах.

Успех государственной политики в области формирования социального согласия непосредственно зависит от учета особенностей и возможностей регионов, самочувствия этносов и местных сообществ при реализации общего курса политических и экономических реформ. Этнокультурное многообразие России отнюдь не помеха, а огромный потенциал многообразия возможностей успешного развития, сохранения и укрепления государства, духовного единства многонационального народа Российской Федерации.

События последних лет показывают, что особую актуальность в международном сообществе приобретает фактор диалога культур и цивилизаций, который в современном мире является альтернативой противостоянию и конфликтам. В этой связи не ослабевает интерес ученых, политиков и международных организаций к Татарстану как к одному из активно развивающихся и динамичных регионов Российской Федерации, обеспечивающих межконфессиональный диалог и межэтническую толерантность.

В данной монографии представлены результаты исследований преподавателей и сотрудников кафедры общей и этнической социологии и лаборатории социологических исследований Института социально-философских наук и массовых коммуникаций КФУ за 2012–2015 гг.[*] Основная часть исследований осуществлена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ на темы: «Состояние и динамика межэтнических и межконфессио-

[*] В данную монографию частично включены ранее опубликованные материалы, а также новые, еще не публиковавшиеся работы.

нальных отношений в Республике Татарстан» (2012–2013), «Социально-значимые проблемы развития региона» (2014–2015). Выбор направлений исследований, оказавшихся в центре внимания, предопределен социальной значимостью выделенных проблем для татарстанского общества. Монография состоит из трех глав, характеризующих основные направления исследований социологов Казанского федерального университета.

Первая глава посвящена демографическому развитию и воспроизводственным процессам в регионе. Актуальность этого направления исследований обусловлена тем, что в России продолжается депопуляция населения, сохраняется высокий уровень смертности людей дееспособного возраста. Одной из наиболее распространенных причин смертности в России являются заболевания органов кровообращения. В связи с этим актуализируется необходимость исследований, способствующих выявлению факторов риска развития сердечно-сосудистых заболеваний. Данное исследование реализуется в междисциплинарном – медико-социологическом – ракурсе: одновременно реализуются различные методики сбора и анализа информации, в том числе лабораторно-клинические методы, которые предваряет комплексное социологическое исследование. Основным источником информации служат статистические данные, размещенные на официальных сайтах Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан, в том числе «Окончательные итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.». Для характеристики воспроизводственных процессов в регионе применен сравнительный метод, позволяющий выявить те изменения, которые произошли на протяжении XXI века по сравнению с 1990 гг., а также сопоставить динамику воспроизводственных процессов в РТ и РФ.

Во второй главе представлены результаты исследований по проблемам межэтнических и межконфессиональных отношений и миграции в РТ. Выбор тематики этноконфессиональных отношений в регионе не случаен. В ситуации культурного многообразия социума Республики Татарстан – этнического, язы-

кового, религиозного – а также в контексте нарастания вызовов интолерантности в стране, в межэтнических, межконфессиональных отношениях существуют риски возникновения и визуального проявления недовольства отдельных групп населения. В связи с этим актуально выяснение наличия или отсутствия латентных, неявных, визуально не наблюдаемых проявлений интолерантности в РТ, а также возможности их возникновения в экстремальных ситуациях, способных проявиться среди тех или иных групп населения в определенных городах, сельских поселениях республики в случае их недовольства политикой федеральной, республиканской, муниципальной власти.

В третьей главе поднимается широкий круг проблем, связанных с функционированием современного татарстанского общества. Сложные социально-экономические преобразования, перманентно продолжающийся кризис превращают современное российское общество в общество риска, что негативно сказывается на социальном самочувствии различных групп населения региона. В связи с этим как на федеральном, так и на региональном уровнях целесообразно своевременное выявление «болевых точек», реагирование на вновь возникающие вызовы, адекватная оценка динамики социального самочувствия различных групп населения и содержания социокультурных процессов. В материалах исследовательского проекта, посвященного социальному самочувствию населения региона, применяются различные исследовательские стратегии – статистическая и гуманистическая – предполагающие использование многообразного социологического инструментария. Данный подход позволяет выявить совокупность факторов, определяющих социальное самочувствие различных групп населения республики, и дать содержательную интерпретацию и оценку происходящих сдвигов в их поведении, установках и ориентациях.

Представленные материалы могут быть интересны для широкого круга читателей и специалистов и позволят получить более глубокую информацию и представления о многообразных, зачастую противоречивых процессах, происходящих в полиэтничном регионе.

ГЛАВА I. ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В главе анализируются демографические процессы в Республике Татарстан (далее – РТ) на основе статистических материалов за период с начала XXI века по настоящее время, определяется их специфика по сравнению с ситуацией в Российской Федерации. На основе динамики воспроизводственных процессов в РТ делается вывод о том, что общая картина демографических процессов неоднозначна: одновременно наблюдаются разнонаправленные тенденции. При сохранении кризисных явлений возникают основания для сдержанного оптимизма, так как наметился перелом в воспроизводственных процессах: с 2011 г. население республики численно растёт за счёт естественного движения, причём прирост даёт преимущественно городское население.

1.1. Тенденции воспроизводственных процессов в Республике Татарстан: сдержанный оптимизм

Для России конец XX – начало XXI века ознаменовались беспрецедентным снижением численности населения. Всё чаще стали говорить о так называемом «русском кресте». В российских средствах массовой информации начали появляться тревожные публикации: «Нас становится всё меньше. Откроем правду о русском кресте» (I), «Через 100 лет Россия может исчезнуть» (II), «Умирает больше, чем рождается» (III), «Нужны ли нашей стране… дети?» (IV) и многие другие. Не только отдельные учёные озаботились сложившейся в стране ситуацией – демографические проблемы попали в фокус внимания общественности, о чём свидетельствуют научные конференции различного уровня, в том числе прошедшая в Казани в 2008 году конференция «Национальная идентичность России и демографический кризис» [1].

Основания для тревоги действительно существуют. Страна теряет своё население: демографический кризис, разразившийся в конце XX века, продолжается, что проявляется в естественной убыли населения за счёт длительного

превышения смертности над рождаемостью. Указом Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351 была принята «Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» [2], в которой предусмотрены меры экономической поддержки молодых семей и деторождения. Вероятно, первые результаты действенности этих мер сказываются на демографическом поведении населения Республики Татарстан: начиная с 2009 г. появляется обнадёживающая информация о росте рождаемости и снижении смертности, о начавшемся естественном приросте населения. В связи с этим представляется значимым определить, действительно ли имеются сдвиги в демографических процессах на региональном уровне, можно ли забыть о «русском кресте» и перестать тревожиться по поводу возможного исчезновения страны.

О преодолении кризиса можно судить по результатам длительных наблюдений за демографическими процессами, имеющими долговременный характер. Статистические данные позволяют адекватно оценить складывающуюся демографическую ситуацию, проанализировать воспроизводственные процессы в динамике и выявить тенденции развития регионального сообщества. В России депопуляция преодолена, пишет академик А.Г. Аганбегян: в 2012 г. уровень рождаемости впервые за последние 20 лет сравнялся с уровнем смертности [3, с. 32].

Татарстанцев становится больше

Республика Татарстан – второй после Башкортостана регион Приволжского федерального округа по численности населения и первый по его приросту: с 2002 по 2013 гг. прирост составил 41 тыс. человек, причём почти половина его (19.7 тыс.) достигнута за 2012 год. Тенденция увеличения численности населения (сначала за счёт мигрантов (V), а с 2011 г. и за счёт естественного прироста (VI, с. 20; VII)) свидетельствует об определённом благополучии республики. Приводим данные (см. табл. 1), отражающие изменения численности населения РТ, в том числе городского и сельского, за рассматриваемый период.

Таблица 1

Динамика численности населения РТ (VI, с. 6, 11–14)

Годы	Всё население, тыс. человек	В том числе, тыс. человек		Доля в общей численности населения, %	
		городское	сельское	город	село
2002	3781.9	2790.7	991.2	73.8	26.2
2003	3777.7	2791.0	986.7	73.9	26.1
2004	3772.9	2793.7	979.2	74.0	26.0
2005	3768.5	2806.8	961.7	74.5	25.5
2006	3761.5	2803.9	957.6	74.5	25.5
2007	3760.5	2806.2	954.3	74.6	25.4
2008	3762.8	2811.0	951.8	74.7	25.3
2009	3773.5	2831.7	941.8	75.0	25.0
2010	3784.5	2845.2	939.3	75.2	24.8
2011	3787.5	2856.4	931.1	75.4	24.6
2012	3803.2	2878.3	924.9	75.7	24.3
2013	3822.9	2901.7	921.2	75.9	24.1

Из таблицы видно, что численность населения Татарстана с 2002 до 2007 гг. сократилась на 21.4 тыс. человек, что составляет 0.56% по отношению к 2002 г., а с 2008 г. по настоящее время она растёт (суммарный прирост – 60.1 тыс. человек, что составляет примерно 1.6% от численности населения на начало 2002 г.), причём в 2010 г. был превышен показатель 2002 г. Симптоматично, что в 2009–2010 гг., в ситуации последствий финансового кризиса, численность населения не сокращалась, как можно было ожидать, а, наоборот, возрастала. Анализ таблицы свидетельствует, что постепенно растёт доля городского и уменьшается доля сельского населения (показатели изменились на 111 и 70 тыс. человек соответственно). Применительно к масштабу сельских поселений это достаточно значимый результат.

Таблица 2

Динамика численности населения Казани за 2002–2013 гг. (VIII, с. 50; IX)

Год	Численность населения, тыс. чел.
2002	1105.0
2003	1105.3
2004	1107.0
2005	1110.0
2006	1112.7
2007	1116.0
2008	1120.2
2009	1130.7
2010	1143.5
2011	1143.5
2012	1161.3
2013	1176.2

Таким образом, наметилась тенденция к увеличению общей численности населения с дальнейшим его перераспределением, приведшим к росту городского и снижению численности сельского населения. Рост городского населения особенно ощутимо сказывается на столице республики: за 12 лет численность жителей Казани возросла на 71.2 тыс. (см. табл. 2). Столица республики, располагающая большими возможностями для трудоустройства и самореализации, остаётся наиболее привлекательным городом.

Ситуация в других городских поселениях республики складывается поразному. Среди городов людностью свыше 50 тыс. рост численности населения за рассматриваемый период демонстрируют Нижнекамск (прирост составил 10 тыс. человек), Альметьевск (7.5 тыс. человек), Набережные Челны (6 тыс. человек), Елабуга (2.2 тыс. человек). Противоположная тенденция наблюдается в ряде других городов: за тот же период уменьшилась численность жителей Бугульмы (на 5.1 тыс. человек), Зеленодольска (на 2.6 тыс. человек). Численность населения Лениногорска, длительное время бывшая стабильной, после 2010 г. снизилась на 1.8 тыс. человек. До 2011 г. снижалась численность населения

Чистополя (убыль составила 2.6 тыс. человек), сейчас она пока остаётся стабильной. Наглядные данные представлены в табл. 3.

Для определения причин изменения численности жителей городов необходим всесторонний анализ специфики их жизнедеятельности. Среди них – «молодые» города, возникшие в XX веке как всесоюзные стройки промышленных гигантов (Набережные Челны, Нижнекамск), связанные с нефтедобычей (Альметьевск, Лениногорск) и имеющие потенциал развития, и «старые» города (Бугульма, Елабуга, Чистополь), существующие с XVIII века и развивающиеся неоднозначно.

Таблица 3

Динамика численности населения городов РТ, тыс. человек (VIII, с. 50; X)

Год	Альметьевск (1953)	Бугульма (1781)	Елабуга (1780)	Зеленодольск (1932)	Лениногорск (1955)	Набережные Челны (1930)	Нижнекамск (1966)	Чистополь (1781)
2002	140.2	93.4	69.0	100.5	65.7	510.5	224.8	63.4
2003	140.3	92.8	68.8	100.1	65.5	509.8	225.8	62.9
2004	142.4	92.4	69.1	100.0	65.4	508.9	226.6	62.5
2005	142.2	91.9	69.4	99.6	65.6	507.9	227.0	62.2
2006	141.7	91.3	69.7	99.2	65.5	507.2	226.9	61.7
2007	141.9	90.9	70.0	99.0	65.7	506.4	226.6	61.5
2008	142.0	90.6	70.0	99.1	65.7	506.1	226.4	61.3
2009	141.9	90.2	70.0	99.1	65.5	507.9	226.7	61.1
2010	142.1	89.9	70.5	99.1	65.5	510.3	227.1	61.1
2011	146.5	89.0	70.9	97.7	64.0	513.8	234.1	60.8
2012	147.7	88.3	71.2	97.9	63.7	516.6	234.9	60.8

Примечания: а) в таблице не учитываются данные по Казани и малым городам РТ; б) в скобках после названия города указан год его образования.

В муниципальных районах РТ наблюдается изменение численности населения, её вариативность. Население Верхнеуслонского района на протяжении

ряда лет – с 2000 по 2007 гг. – постепенно убывает: если в 2000 г. в районе проживало 18.5 тыс. человек, то к 2007 г. число жителей уменьшилось на 1.8 тыс. Аналогичные процессы происходят и в других районах РТ: Азнакаевском, Аксубаевском, Зеленодольском (в 33 районах из 43). Особенно интенсивно падает численность жителей Буинского района: с 47.6 тыс. в 2000 г. до 26.2 тыс. в 2007 г. Существуют районы, в которых численность жителей оставалась стабильной на протяжении указанного времени (Алексеевский, Арский, Бугульминский, Высокогорский, Менделеевский, Нижнекамский, Тюлячинский). За период с 2000 до 2007 гг. росла численность жителей Альметьевского (с 40.8 до 51.2 тыс. человек), Балтасинского (с 32.3 до 33.4 тыс. человек), Тукаевского (с 29.2 до 35.2 тыс. человек) районов (XI, с. 3).

В 2012 г. положительный естественный прирост населения наблюдается в городских округах «Казань» и «Набережные Челны», в Альметьевском, Балтасинском, Елабужском, Кукморском, Нижнекамском, Сабинском и Тукаевском муниципальных районах. Объясняется это, в частности, сосредоточением в городских и сельских поселениях нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих комплексов и промышленных предприятий. В остальных районах уровень регистрации смертей превышает уровень регистрации рождений (XII, с. 3).

Неоднозначные социально-экономические преобразования, происходящие в стране, негативно сказались на социальном самочувствии жителей многих малых городов и посёлков. Сложности трудоустройства, ограниченные возможности получения качественного образования и медицинской помощи способствуют оттоку работоспособной части населения в большие города. Возникло такое социальное явление, как «депрессивные, неперспективные города», в большинстве которых за последние годы перестали функционировать практически все промышленные предприятия и продолжают закрываться даже такие социально значимые объекты, как молокозаводы, хлебозаводы и т. п., что приводит к повышению уровня безработицы, росту преступности, наркомании и алкоголизма. В целом наличие в республике разнонаправленных процессов, связанных с развитием или упадком городов, обусловлено влиянием множества

разнообразных факторов, в том числе экономических, социокультурных, политических, психологических и др.

Таким образом, хотя ситуация в республике в отношении численности населения довольно благоприятная, однако динамика численности населения неоднозначна: в одних населённых пунктах наблюдается прирост населения, в других – убыль.

Половозрастная пирамида

Как и во всей России, в РТ наблюдается гендерный дисбаланс, выражающийся в значительном преобладании численности женщин над численностью мужчин: во всём населении РТ мужчин 1757268 (46.2%), женщин – 2045921 (53.8%) (XIII, с. 9), что представляет собой специфическую российскую проблему. Сохранение гендерного дисбаланса на протяжении десятилетий объясняется рядом причин: последствиями Второй мировой войны, мужскими потерями в более поздних войнах, в «горячих точках». Однако и в мирное время наблюдается повышенная смертность мужчин, причины которой связаны с родом их занятий (вредные и опасные производства), а также с плохой техникой безопасности, с распространением алкоголизма, наркомании. Гендерный дисбаланс является следствием более низкой продолжительности жизни мужчин, которые живут примерно на двенадцать лет меньше женщин, причём это устойчивая тенденция.

О более высокой продолжительности жизни женщин свидетельствует их доля среди долгожителей республики: из 8874 долгожителей 7541 (85%) – женщины, в пять раз больше мужчин. Гендерные различия в продолжительности жизни характерны для поселений различного типа: в городе 5757 долгожителей, из них женщин – 4811, мужчин – 946; в деревне долгожителей 3117, из них женщин – 2730, мужчин – 387. Это означает, что женщин-долгожителей больше и в городе, и в деревне, при этом их «перевес» в сельской местности более значителен, чем в городе: в деревне долгожительниц в семь раз больше, чем долгожителей, в городе – в пять раз (VI, с. 22).

Демографическое старение населения

Распределение жителей РТ по возрастным группам (с точки зрения молодости/старости), принятым в отечественной статистике (0–14 лет – дети, 15–59 лет – взрослые, 60 лет и старше – лица пожилого и старого возраста), даёт следующую картину (данные приводятся на 1 января 2012 г.): дети – 605850 человек (16%), взрослые – 2515891 человек (66%), пожилые – 681448 человек (18%) (VI, с. 15; XIII, с. 11).

На основании этих данных население РТ можно назвать старым в демографическом смысле. «Старое население» – обобщённая характеристика возрастной структуры, в которой значительную долю составляют пожилые и старые люди, что является следствием снижения смертности и повышения продолжительности жизни. Согласно шкале оценки демографического старения Ж. Боже-Гарнье и Э. Россета, в старом населении удельный вес лиц в возрасте 60 лет и старше составляет 12% и выше. Возрастная пирамида старого населения имеет суженное основание (численность детей) и расширенную вершину (доля стариков), то есть детей меньше, чем пожилых. В данном случае доля населения «третьей группы» превышает границу старости в 1.5 раза (18%), что свидетельствует о высоком уровне демографической старости. Это регрессивный тип возрастной структуры, его следствие – сокращение численности населения.

Поселенческий ракурс половозрастной структуры населения

В целом состав и структура населения республики детерминированы социальными процессами экономического, политического, психологического, нравственно-этического характера. Территориальное размещение жителей по типам поселений (город – сельская местность) также обусловливает их возрастную структуру. Рассмотрим возрастные характеристики жителей поселений разного типа (табл. 4).

Сравнение городских и сельских жителей по возрастным группам приводит к выводу о более интенсивном постарении села: стариков по сравнению с городом больше на 5.3%. Тип возрастной структуры городского населения

можно квалифицировать как стационарный (по классификации шведского демографа Г. Сундберга): детей и стариков примерно поровну. В сельском населении – регрессивный тип возрастной структуры: доля детей (лиц до 15 лет) меньше доли лиц пожилого и старого возраста на 6%, что означает убывающее население.

Таблица 4

Возрастной состав городского и сельского населения (XIV)

	Город		Село	
Возрастные категории	Число жителей, тыс. человек	%	Число жителей, тыс. человек	%
Дети	474.109	16.3	150.545	16.3
Взрослые	1934.485	66.7	565.386	61.4
Старики	492.153	17.0	205.360	22.3

Рассмотрим распределение населения по полу в разных типах поселений (табл. 5). Женщин в республике на 7.6% больше, чем мужчин. Соотношение населения по полу в деревне более благоприятное, чем в городе: «разрыв» между численностью представителей разного пола в деревне составляет 3.8%, тогда как в городе – 8.8%. При этом в составе населения Казани этот «разрыв» ещё больше – 11.4%. Численное превосходство женщин над мужчинами начинается с 30-летнего возраста.

Таблица 5

Состав городского и сельского населения по полу

на 1 января 2013 г. (XIV)

Типы поселений	Общая численность, тыс. чел.	Мужчины		Женщины	
		Численность, тыс. чел.	%	Численность, тыс. чел.	%
Численность населения РТ	3822.038	1766.901	46.2	2055.137	53.8
Город	2900.747	1323.691	45.6	1577.056	54.4
Село	921.291	443.210	48.1	478.081	51.9

Динамика воспроизводственных процессов в регионе

Показатели естественного движения населения на протяжении первого десятилетия XXI века оставались почти неизменными: сохранялась низкая рождаемость и высокая смертность (см. табл. 6), естественная убыль населения варьировала в пределах от –3.8‰ (2000 г.) до –0.2‰ (2010 г.), максимальный показатель убыли (–4.0‰) отмечен в 2005 г. (VI, с. 20).

Таблица 6

Динамика рождаемости и смертности в РТ в 2000–2012 гг., ‰ (VI, с. 20)

Год	Рождаемость	Смертность	Коэффициент естественного прироста
2000	9.4	13.2	–3.8
2001	9.5	13.3	–3.8
2002	10.2	13.7	–3.5
2003	10.2	13.8	–3.6
2004	10.3	13.6	–3.3
2005	9.8	13.8	–4.0
2006	9.9	13.1	–3.2
2007	10.9	13.0	–2.1
2008	11.8	13.0	–1.2
2009	12.4	12.7	–0.3
2010	12.9	13.1	–0.2
2011	13.4	12.4	1.0
2012	14.5	12.2	2.3

Примечания: 1) показатели в промилле (‰) отражают число демографических событий на тысячу жителей; 2) знак (–) означает естественную убыль населения.

В РТ показатели смертности превышают показатели рождаемости с 1993 г. С тех пор в республике наблюдается тенденция естественной убыли населения. Максимальные потери пришлись на период с 1999 по 2006 гг.: ежегодно республика теряла от 11 до 14 тыс. человек. Лишь в 2011 г. (впервые после 1993 г.) зафиксирован естественный прирост населения: численность жите-

лей РТ увеличилась на 4253 человек. В 2012 г. естественный прирост составил 9426 человек (VI, с. 24).

На протяжении первого десятилетия XXI века показатели рождаемости в республике носят вариативный характер: к 2004 г. наметился некоторый рост, затем произошло снижение до прежних низких значений, с 2007 г. до настоящего времени вновь наблюдается повышение рождаемости.

Помимо общего коэффициента естественного прироста населения обобщающим показателем демографического воспроизводства является суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей, приходящихся на одну женщину репродуктивного возраста). Показатели суммарного коэффициента рождаемости ниже 1.8 свидетельствуют о том, что не обеспечивается простая смена поколений). Для обеспечения простого воспроизводства населения этот показатель должен быть равен 2.5.

Таблица 7

Динамика суммарных коэффициентов рождаемости в городах и селах РТ (VI, с. 30)

Год	2007	2008	2009	2010	2011
Всё население	1.382	1.479	1.538	1.601	1.652
Городское население	1.290	1.383	1.456	1.530	1.588
Сельское население	1.770	1.873	1.874	1.887	1.911

В сельских поселениях суммарные коэффициенты рождаемости выше, чем в городских, однако этого также недостаточно для обеспечения простого воспроизводства населения.

Обратимся к характеристике демографической ситуации в столице республики, которая вселяет оптимизм: с 2009 г. уровень рождаемости превышает уровень смертности (см. табл.8).

Таблица 8

Динамика численности населения, уровней рождаемости, смертности, естественного прироста (на 1000 жителей) в Казани с 2003 по 2012 гг. (XV, с. 1), [4, с. 536]

Год	Общая численность населения, тыс. чел.	Рождаемость, ‰	Смертность, ‰	Коэффициент естественного прироста, ‰
2003	1106.900	10.0	14.2	–4.2
2004	1107.000	10.0	14.4	–4.4
2005	1110.100	9.8	13.6	– 3.8
2006	1112.700	10.1	13.6	–3.5
2007	1116.000	10.9	13.0	–2.1
2008	1120.238	12.4	12.9	–0.5
2009	1130.717	13.2	12.6	0.6
2010	1143.000	14.2	13.3	0.9
2011	1145.400	16.0	12.0	4.0
2012	1161.308	17.7	11.6	6.1

В кризисном 1992 г. впервые в новейшей истории Казани в мирное время годовое число смертей превысило годовое число рождений. Минимум рождений пришёлся на 2000 год, тогда в Казани на свет появилось всего 8 849 детей (общий коэффициент рождаемости составил 9.4‰ – очень низкий показатель). Только с 2009 года рождаемость в столице Татарстана снова стала превышать смертность. В 2011 г. в Казани появилось на свет 18385 детей (общий коэффициент рождаемости составил 16‰), в 2012 г. – 20579 детей (общий коэффициент рождаемости – 17.7‰) (XV). Понадобилось два десятилетия для преодоления в Казани тенденции естественной убыли населения.

Казань лидирует не только в республике: по числу детей, родившихся в 2011 году, она опережает города-«миллионеры» Приволжского федерального

округа – Уфу, Самару, Нижний Новгород*. Казань выделяется из городов ПФО также по показателю естественного прироста (по итогам первого полугодия 2011 г.): здесь разрыв между рождаемостью и смертностью составляет +25%, тогда как в Перми +12%, в Уфе +10%, а в Нижнем Новгороде и Самаре показатели отрицательные: –23% и –22% соответственно (XVI).

К настоящему времени по уровню рождаемости Казань опережает РТ (если в Татарстане рождаемость увеличилась на 9%, то в Казани – на 12% (XV, с. 1)), а уровень смертности в столице ниже, чем в РТ (VI, с. 20, 24).

Графическое изображение уровней рождаемости и смертности в Казани за 2003–2011 гг.

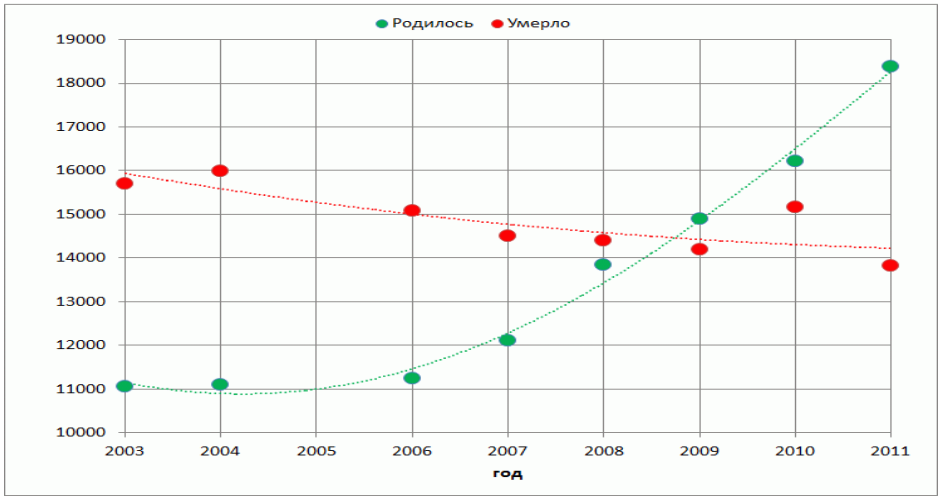

Рис. 1

Таким образом, в первом десятилетии XXI века в столице республики уровень рождаемости медленно, но растёт, уровень смертности падает, хотя и очень медленно (см. рис. 1), однако существует шанс сохранения подобной тенденции и ускорения темпов роста численности столичного населения за счет естественного движения.

* По численности населения Нижний Новгород больше Казани: по данным на 1 января 2012 г., там проживают 1 млн 263 тыс. человек (5-е место в РФ), в то время как в Казани численность населения составляет 1 млн 143.5 тыс. человек (8-е место в РФ).

Смертность в регионе

По общему коэффициенту смертности населения Россия значительно отстает от развитых стран мира. Динамика общего коэффициента смертности на протяжении 2000–2010 гг. свидетельствует о его незначительной вариативности: в 2000 г. он составлял 15.3‰, в 2010 г. – 14.2‰ при максимальном размахе колебаний 1.9‰. В РТ общие коэффициенты смертности несколько ниже общероссийских (в 2000 г. – 13.2‰, в 2010 г. – 13.1‰), однако тоже выше общих коэффициентов рождаемости. При этом наблюдается гендерная дифференциация смертности: в мужском населении смертность выше, чем в женском (см. табл. 9).

Таблица 9

Динамика общих коэффициентов смертности в гендерном аспекте, ‰ (XIII, с. 9)

Год	2007	2008	2009	2010	2011
Мужчины	14.9	14.8	14.2	14.8	14.1
Женщины	11.4	11.5	11.4	11.7	11.0

Наблюдается также поселенческая дифференциация смертности: у сельского населения показатели смертности выше, чем у городского (см. табл. 10), прежде всего из-за более высокого «стартового» (1990 г.) уровня смертности: на селе – 13.7‰, в городе – 8.5‰.

Значительное различие между показателями смертности в городах и сёлах объясняется типом возрастной структуры населения: в сельской местности – регрессивный тип (преобладание численности стариков над численностью детей), в городе возрастная структура более сбалансирована с позиции соотношения различных возрастных групп: доля пожилого населения меньше, чем в сельской местности, поэтому уровень смертности ниже.

Таблица 10

Динамика общих коэффициентов смертности

в городах и сёлах РТ, ‰

(VI, с. 20–21)

Год	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Всё население	13.0	13.0	12.7	13.1	12.4	12.2
Городское население	11.7	11.6	11.3	11.9	11.2	11.0
Сельское население	16.9	17.0	16.9	16.9	16.2	15.8

Причины смертности населения

Одни причины имеют явный характер, «лежат на поверхности», другие скрыты в глубинах социальной жизни. Среди явных причин – стрессогенные как следствие социально-экономического, политического кризиса, нарушения привычного уклада жизни в 90-х годах XX века. При этом особенно высока смертность мужчин трудоспособного возраста, что является российской спецификой. Среди неявных причин – глубокое расслоение населения по экономическому положению, маргинализация значительной части населения, что особенно болезненно сказалось на мужчинах, многие из которых подверглись нисходящей социальной мобильности.

Гендерная дифференциация заболеваемости и смертности детерминирована различиями социальных ролей, выполняемых мужчинами и женщинами в обществе. Мужчины больше, чем женщины, ориентированы на социум, участие в жизни общества, поэтому они более чувствительны к радикальным социальным переменам, им труднее адаптироваться к новым условиям жизни. Гендерная дифференциация заболеваемости и смертности обусловлена также поведенческими практиками женщин и мужчин, обеспечивающими здоровый образ жизни или нарушающими его нормы (недостаток физической активности, курение, потребление алкоголя, наркотиков и т. д. больше свойственны мужчинам).

В структуре смертности российского населения на первом месте – болезни системы кровообращения. По словам известного учёного, академика РАН Евгения Чазова, каждый год сердечно-сосудистые заболевания уносят жизни

1.3 миллиона россиян, что составляет 56% от общего числа регистрируемых смертей. Другая распространённая причина смерти – онкологические заболевания – ежегодно уносит жизни 300 тысяч россиян. Статистика свидетельствует, что каждый третий взрослый гражданин России не успевает дожить до пенсионного возраста. По словам академика, «болезни сердца возникают из-за тяжёлой психосоциальной обстановки – экономика, политика, кризис» (XVII). Финансовый кризис, нестабильность и неуверенность в завтрашнем дне способствуют росту смертности российских граждан от сердечно-сосудистых заболеваний. Процессы, происходящие в РТ, в принципе аналогичны общероссийским.

Рассмотрим ситуацию в РТ, связанную со смертностью, по классам причин смерти в динамике на протяжении ряда лет (см. табл. 11–13). От 59% до 65% людей умирают от болезней системы кровообращения, причём показатели имеют вариативный характер, тенденция к снижению наметилась лишь в 2011 г. Неумолимая статистика свидетельствует о том, что снизить смертность от этих болезней проблематично.

Таблица 11

Динамика смертности по отдельным классам причин смерти, %

(XVIII, с. 6–7)

Год	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Болезни системы кровообращения	62.0	62.8	65.0	59.0	57.0	54.0
Новообразования	13.5	13.0	14.5	13.0	14.5	15.0

Анализ статистических данных, полученных в ходе всероссийской переписи населения по РТ и учёта текущей информации в динамике, подтверждает, что к числу основных классов причин смерти относятся болезни системы кровообращения (высокая смертность сохраняется на протяжении многих лет). При этом 29.4% смертей от болезней системы кровообращения приходится на жителей Казани.

Таблица 12

Динамика смертности от болезней системы кровообращения и новообразований, чел. на 100 тыс. жителей (XVIII, с. 7)

Год	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Всего умерших	1300.5	1298.4	1267.3	313.1	1240.2	1215.9
От болезней системы кровообращения	806.8	815.7	795.5	832.7	734.8	653.5
От новообразований	176.7	177.2	182.1	176.2	180.5	183.0

Данные за 2012 и 2013 гг. показывают некоторое снижение смертности от болезней системы кровообращения и онкологических заболеваний (XIV, с. 1). Аналогичная ситуация наблюдается и в других регионах России. Так, в Волгоградской области в структуре причин смертности населения в 2012 г. ведущее место занимают болезни системы кровообращения (56.3%). Доля злокачественных новообразований (16.4%) в структуре причин смерти несколько выше, чем в РТ (XIX, с. 73).

Таблица 13

Смертность в РТ от двух классов наиболее распространённых болезней (XX, с. 1)

Год	2012	2013	2012	2013
	Общее число умерших		На 100 тыс. человек	
1. От болезней системы кровообращения в целом	22805	22256	654.6	635.7
а) от гипертонической болезни	1748	1660	52.0	47.4
б) от ишемической болезни	9813	9442	281.7	269.7
в) от инфаркта миокарда	1884	2004	54.1	57.2
г) от цереброваскулярной болезни	7484	7617	214.8	217.6
д) от других болезней системы кровообращения	3760	3537	107.9	101.0
2. От новообразований	6376	6230	183.0	177.9

Таким образом, болезни системы кровообращения занимают лидирующие позиции в структуре смертности как в целом в России, так и в РТ. При этом наблюдается «омоложение» патологий, связанных с болезнями сердца и сосудов. До недавнего времени считалось, что эти болезни, свидетельствующие о естественном старении организма, – удел лиц пожилого и старого возраста. Однако всё больше молодых и трудоспособных людей подвергаются поражению ими. К факторам риска относятся: образ жизни, характеризующийся нарушением принципов питания, приводящий к ожирению; малая подвижность; курение; потребление алкоголя. В числе других рискогенных факторов – психоэмоциональный стресс, наследственность, а также экологическая обстановка и многие другие. Профилактика сердечно-сосудистых заболеваний связана с устранением причин, провоцирующих эти патологии.

Трудности воплощения жизненных целей, ограниченность возможностей, отсутствие перспектив самореализации, безработица, необходимость адаптации в сложной ситуации – всё это приводит зачастую к алкоголизации определённой части населения. Жителям депрессивных сёл и городов свойственно саморазрушение (отравление суррогатами спиртных напитков). Более глубокий анализ причин заболеваемости и сверхсмертности мужчин трудоспособного возраста предполагает проведение специальных исследований, в том числе в качественной стратегии.

Некоторые выводы. На основании рассмотренных данных можно утверждать, что демографический кризис в республике преодолен. Общие коэффициенты смертности несколько ниже общероссийских, однако превышают общие коэффициенты рождаемости. Сочетание в возрастной структуре населения незначительной доли детей и значительной доли пожилых и старых людей свидетельствует о высоком уровне демографической старости. Очевидное изменение конфигурации «русского креста» – в направлении роста рождаемости и снижения смертности наблюдается лишь в воспроизводственных процессах отдельных городских и сельских поселений республики.

Неоднозначность и неустойчивость положительной динамики во многом детерминирована нестабильной социально-экономической ситуацией, депрессивностью ряда населённых пунктов, сохраняющимся низким уровнем жизни определённой части населения, безработицей, отсутствием возможностей самореализации, неэффективностью ряда социальных программ. Поэтому о переломе судить пока рано, однако российский народ обладает достаточным потенциалом самосохранения. Об этом свидетельствуют наметившиеся сдвиги в воспроизводстве населения республики. Перспективы дальнейшего демографического развития во многом зависят от комплексности и последовательности реформирования социальной сферы, от наличия и доступности программ, направленных на качественное улучшение физического, психического и социального здоровья населения.

Источники

I. Тищук Е. Нас становится всё меньше. Откроем правду о русском кресте // Медицинская газета. – 2002. – 11 янв.

II. Сухачевский В. Через 100 лет Россия может исчезнуть // Семья. – 2003. – № 17.

III. Римашевская Н. Умирает больше, чем рождается // Аргументы и факты. – 2004. – № 22.

IV. Андреев В. Нужны ли нашей стране… дети? // Пенсия и жизнь. – 2009. – № 7.

V. Демографический кризис. Почему Татарстан растёт за счёт мигрантов? [Электронный ресурс] // Татцентр. – URL: http://www.tatcenter.ru/online/39/ (дата обращения: 23.09.2015).

VI. Численность, состав и движение населения в Республике Татарстан в 2012 году (стат. сборник) [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики. – URL: http://libweb.ksu.ru/stat_compilations/110_2013.pdf (дата обращения: 29.09.2015).

VII. Сабиров А. Какие мы, сколько нас [Электронный ресурс] // Республика Татарстан. – Общественно-политическая газета. – URL: http://www.rt-online.ru/aticles/rubric-72/kakie_my_skolko_nas (дата обращения: 30.09.2015).

VIII. Население. Республика Татарстан (стат. ежегодник) [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по РТ. – URL: http://www.tatstat.ru/public/ElectronLibrary/god_2008.zip, (дата обращения: 20.09.2015).

IX.Численность населения г. Казани [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы гос. статистики по РТ. – URL: http://tatstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tatstat/resources/a2f530804e76bb30bf43bfcc5af035be/Численность+населения+г.Казани+на+начало+года.pdf, (дата обращения: 3.10.2015).

X. Города Республики Татарстан с численностью населения свыше 50 тыс. человек [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы гос. статистики по РТ. – URL: http://tatstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tatstat/resources/f7b7d6004e76bdd2801eb5cc5af035be/Города+Республики+Татарстан+с+численностью+населения+свыше+50+тысяч+человек.pdf (дата обращения: 10.10.2015).

XI.Численность и размещение населения [Электронный ресурс] // Итоги всеросс. переписи населения 2010 года. – URL: http://www.tatstat.ru/VPN2010/DocLib8/Брошюра1.pdf (дата обращения: 13.10.2015).

XII. Естественное движение населения муниципальных районов и городских округов РТ (стат. бюллетень). [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы гос. статистики по РТ. – URL: http://tatstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tatstat/resources/c20f3d004e76cb87838cb7cc5af035be/MO-13.pdf (дата обращения: 15.10.2015).

XIII. Женщины и мужчины Татарстана (стат. сборник) [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы гос. статистики по РТ. – URL: http://libweb.ksu.ru/stat_compilations/106_2013.pdf (дата обращения: 23.10.2015).

XIV. Распределение численности населения Республики Татарстан по полу и возрастным группам на 1 января 2013 года [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы гос. статистики по Республике Татарстан. – URL: http://tatstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tatstat/resources/177c630040ff18c78957ef367ccd0f13/vozr2013.pdf (дата обращения: 29.09.2015).

XV. Шавалеева А.Р. О демографической ситуации в Казани [Электронный ресурс] // Доклад на аппаратном совещании 4 февраля 2013 года. – URL: http://www.kzn.ru/old/upload/wysiwyg/Shavaleeva_04022013.doc (дата обращения: 20.10.2015).

XVI. В Казани рождаемость на четверть превысила смертность [Электронный ресурс] // Официальный портал мэрии Казани. – URL: http://www.kzn.ru/old/news/show/26470 (дата обращения: 25.10.2015).

XVII. Каждый третий россиянин не доживает до пенсии [Электронный ресурс] // Медпортал. – URL: http://medportal.ru/mednovosti/news/2008/10/28/mrate/ (дата обращения: 30.09.2015).

XVIII. Здравоохранение в Республике Татарстан (стат. сборник) [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы гос. статистики по Республике Татарстан. – URL: http://libweb.ksu.ru/stat_compilations/105_2013.pdf (дата обращения: 23.10.2015).

XIX. Волгоградская область 2012: стат. ежегодник [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы гос. статистики по Волгоградской области. – URL: http://volgastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/volgastat/resources/ff45548042416195a67aee2d59c15b71/Ежегодник_20122013.pdf (дата обращения: 17.10.2015).

XX. Социально-экономическое положение Республики Татарстан: Демография [Электронный ресурс] // Татарстанстат. – URL: http://tatstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tatstat/resources/79b16600412959d0b45df7367ccd0f13/i110039r.pdf (дата обращения: 27.10.2015).

Литература

1. Национальная идентичность России и демографический кризис: Материалы III Всероссийской науч. конф. (Казань, 13–14 нояб. 2008 г.). – М.: Науч. эксперт, 2009. – 842 с.

2. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года // Демоскоп Weekly. Эл. версия бюллетеня *Население и общество*. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/koncepciya/koncepciya25.html, свободный.

3. Аганбегян А.Г. Преодоление депопуляции в России: впервые за последние 20 лет рождаемость сравнялась со смертностью / Экономические стратегии. – 2013. – № 2 (110). – С. 32–38.

4. Аляветдинов Р.И., Шамсияров Н.Н. Медико-демографическая ситуация в Казани на рубеже XX и XXI столетий // Казанский медицинский журнал. – 2012. – № 3. – С. 535–537.

2.1. Анализ факторов риска развития сердечно-сосудистых заболеваний населения региона

Материалом для анализа служат статистические данные о заболеваемости и смертности населения Российской Федерации и Республики Татарстан, полученные на основе всероссийской переписи населения 2010 г. и текущей статистики, данные ВОЗ, а также результаты медико-социологических исследований, проведенных в отдельных регионах России и в других странах мира. В качестве методов использованы: сравнительный анализ статистических данных по заболеваемости и смертности от сердечно-сосудистых заболеваний жителей разных стран, а также вторичный анализ результатов предшествующих исследований по данной тематике как российских, так и зарубежных ученых.

Болезни системы кровообращения продолжают занимать лидирующие позиции в структуре смертности населения большинства стран мира. При этом ситуация в различных странах неодинакова, смертность от сердечно-

сосудистых заболеваний имеет вариативный характер. Показатели смертности от отдельных видов сердечно-сосудистых заболеваний в России значительно отличаются от соответствующих показателей в развитых европейских странах.

По уровню смертности населения Россия находится на уровне ряда африканских стран: по данным статистики, в 2013 г. общий коэффициент смертности в РФ составил 14,2 чел. на 1000 жителей, при этом естественная убыль населения составила 1,2 чел. на 1000. Динамика общего коэффициента смертности на протяжении 2000–2013 гг. свидетельствует о его медленном снижении: в 2000 г. он составил 15,3 на 1000 человек, максимальный размах вариативности показателя на протяжении этого времени – 1,9 промилле [I]. Однако естественная убыль населения страны продолжается, сохраняется высокий уровень смертности, в том числе лиц дееспособного возраста. В структуре смертности российского населения на первом месте – болезни системы кровообращения. По словам академика РАН Евгения Чазова, каждый год сердечно-сосудистые заболевания уносят жизни 1,3 миллиона россиян, что составляет 56% от общего числа регистрируемых смертей [II]. По данным ВОЗ, Россия входит в число стран с самой высокой смертностью от сердечно-сосудистых заболеваний [III].

Таблица 1

Circulation **January 1/8, 2013**

Table 13-3. International Death Rates (Revised February 2012): Death Rates (Per 100 000 Population) for Total CVD, CHD, Stroke, and Total Deaths in Selected Countries (Most Recent Year Available)

	CVD Deaths	CHD Deaths	Stroke Deaths	Total Deaths
Men ages 35–74 y				
Russian Federation (2009)	1185.4	658.5	307.5	2438.3
Bulgaria (2008)	803.7	219.4	218.2	1554.3
Lithuania (2009)	734.7	444.6	138.3	1842.3
Romania (2010)	657.9	268.2	195.9	1548.4
Hungary (2009)	605.6	319.1	121.1	1652.3
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
Finland (2009)	284.4	170.0	43.8	833.2
United States (2009)	249.8	143.1	29.5	847.5
Women ages 35–74 y				
Russian Federation (2009)	463.0	221.2	157.5	918.5
Bulgaria (2008)	368.6	70.9	120.6	699.3
Romania (2010)	312.2	105.7	111.4	692.4
Lithuania (2009)	253.9	127.5	73.8	648.6
Kuwait (2009)	246.1	94.8	56.1	568.1
Hungary (2009)	239.2	113.7	56.0	719.4
Slovakia (2009)	228.5	120.7	57.5	590.7

Российские показатели для женщин и мужчин самые высокие среди 33 стран

3

Процессы, происходящие в Республике Татарстан, в целом аналогичны общероссийским: общие коэффициенты смертности несколько ниже общероссийских: в 2000 г. – 13,2 промилле [1, с. 5], в 2013 г. – 12,1 промилле [IY]. При этом сохраняется общая тенденция гендерной дифференциации смертности: на протяжении указанного периода уровень смертности в мужском населении выше, чем в женском, в среднем на 3 промилле [2, с. 9].

Кроме того, наблюдается «омоложение» патологий, связанных с болезнями сердца и сосудов, хотя до недавнего времени считалось, что это болезни лиц пожилого и старого возраста. Анализ статистических данных, полученных в ходе всероссийской переписи населения 2010 г. по РТ, и текущей информации, показывает, что к числу основных классов причин смерти в республике относится смертность от болезней системы кровообращения, причем это устойчивая тенденция: высокая смертность сохраняется на протяжении многих лет.

Таблица 2

Динамика смертности по отдельным классам причин смерти в РТ, %

[3, с. 6-7, 8]

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Болезни системы кровообращения	62,0	62,8	65,0	59,0	57,0	54,0	52,7
Новообразования	13,5	13,0	14,5	13,0	14,5	14,3	14,2

Ежегодно от 53% до 65% жителей республики умирают от болезней системы кровообращения, и только в 2010 году наметилась тенденция к ее снижению. Длительность сохранения подобной тенденции свидетельствует о неизменности причин, детерминирующих поведенческие практики определенной части жителей республики. Уровень смертности от новообразований имеет вариативный характер.

Существует множество основополагающих причин, оказывающих непосредственное влияние на формирование хронических болезней: глобализация, урбанизация, старение населения, а также нищета и стресс. В то же время ана-

лиз общепринятых, «классических» факторов риска развития сердечно-сосудистых заболеваний не дает полного объяснения расхождения между ситуацией в России и в других странах.

По всей видимости, причины высокой смертности россиян, как мужчин, так и женщин, имеют социетальный характер, обусловленный неблагоприятной социально-экономической ситуацией, сложившейся в стране еще в 1990-е годы вследствие структурного кризиса, охватившего все сферы жизни общества, что привело к глубокому расслоению населения по экономическому и социальному положению, к маргинализации значительной части населения и ее активной нисходящей социальной мобильности.

Неблагоприятная социальная среда стала дестабилизирующим фактором, приведшим к снижению качества и уровня жизни и, как результат, к нарушению норм здорового образа жизни (недостаток физической активности, потребление алкоголя, наркотиков, курение). Так, число курильщиков в России ежегодно увеличивается на 1,5-2%, в том числе за счет женщин и подростков. Темпы роста курящих в России являются самыми высокими в мире [V]. Значимым фактором, провоцирующим высокий уровень смертности от сердечно-сосудистых заболеваний, являются также болезни наркологического характера, включая хронический алкоголизм, алкогольные психозы, алкогольную кардиомиопатию и другие болезни.

Таблица 3

Динамика смертности жителей РТ от алкоголизма, на 100 000 чел. [1, с.119]

Год	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Умершие, всего	228,4	227,4	223,0	226,4	227,3	230,0
Умершие в трудоспособном возрасте	222,5	222,0	119,1	222,2	223,0	223,3

При этом наблюдается гендерная дифференциация в уровне смертности от причин, связанных с употреблением алкоголя: мужчин умирает примерно втрое больше, чем женщин, в трудоспособном возрасте это соотношение достигает 4 к 1 [2, с. 11–12].

Медико-социологические исследования Лондонской школы гигиены и тропической медицины, проведенные в Ижевске в два этапа: в 2003–2008 гг. и 2008–2010 гг. с использованием качественных и количественных методов, показали наличие непосредственной взаимосвязи между алкоголизаций населения и сердечно-сосудистыми заболеваниями. При этом в группе риска оказались мужчины трудоспособного возраста.

Таблица 4

Вариация силы связи алкоголя со смертностью в зависимости от болезни кровообращения Мужчины в возрасте 25-54 лет, Ижевск, 2003 - 5

Причина смерти	Кол-во смертей	Опасное потребление алкоголя	
		OR*	(95% CI)
Алкогольная кардиомиопатия	98	**15.70**	(9.5,25.94)
Другая кардиомиопатия	51	**3.84**	(2.05,7.18)
Цереброваскулярная болезнь	90	**2.05**	(1.24,3.40)
Другие болезни кровообращения	28	**3.43**	(1.51,7.81)
Ишемическая болезнь сердца	219	**3.04**	(2.17,4.24)

* OR adjusted for age, smoking and education Ист. : Леон, Школьников , МакКи, Кирьянов , Андреев, IJE, 2010

26

Анализ данных таблицы демонстрирует явную зависимость кардиомиопатии у мужчин трудоспособного возраста от неумеренного потребления алкоголя. Поэтому одной из основных гипотез международного проекта по выявлению факторов риска развития сердечно-сосудистых заболеваний населения г. Казани, инициированного исследователями из ЛШГиТМ Великобритании совместно с Казанским федеральным университетом, стало предположение о том,

что алкогольный фактор является одним из определяющих среди факторов риска развития болезней органов кровообращения [4].

Борьба за снижение смертности непосредственно связана с установлением конкретных причин смерти, – пишут А.Г. Вишневский и С.А. Васин, – которые неравнозначны с точки зрения опасности для жизни и с точки зрения возраста наступления болезни и смерти, в том числе с делением на экзогенные и эндогенные причины, предотвратимые и непредотвратимые [5, с. 475], В российском обществе наряду с сохраняющимися традиционными рисками (несбалансированное питание, небезопасная вода, неблагоприятные санитарные и гигиенические условия и др.) возникают новые риски (избыточный вес, отсутствие физической активности, потребление наркотиков и др.). Задача, стоящая перед обществом, – отодвинуть риски от опасных для жизни болезней на более поздние сроки. Поэтому знание о возрасте возникновения угрожающих жизни болезней, причем в гендерном аспекте, необходимая для принятия конкретных мер информация.

Выводы. Для более глубокого определения причин заболеваемости и смертности жителей Республики Татарстан, прежде всего г. Казани, необходимы дальнейшие исследования, направленные на выявление факторов риска, характерных для России и ее регионов, а также анализ существующих в стране стандартов профилактики, диагностирования и лечения сердечно-сосудистых заболеваний. Эффективными могут быть проекты междисциплинарного характера, в которых одновременно реализуются медицинский (лабораторно-клинические исследования) и социологический (выявление специфики образа жизни, ценностных ориентаций, отношения населения к здоровью) аспекты. Подобные исследования могут быть продуктивными с точки зрения выявления причин болезней и их профилактики, поскольку только на основе междисциплинарного подхода имеется шанс выявить как совокупность причин, определяющих факторы риска развития заболеваний различной этиологии, так и культуру здоровья, получить достоверную информацию о происходящих процессах, в том числе о социальном самочувствии населения.

Источники

I. Демография России [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/ (дата обращения: 23.09.2015).

II. Каждый третий россиянин не доживает до пенсии [Электронный ресурс] // Медпортал. – URL: http://medportal.ru/mednovosti/news/2008/10/28/mrate/ (дата обращения: 30.09.2015).

III. Сердечно-сосудистые заболевания [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения. – URL: http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs317/ru/ (дата обращения: 10.09.2015).

IV. Демографическая ситуация в Приволжском федеральном округе в январе-декабре 2013 года [Электронный ресурс] // Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе. – URL: http://www.pfo.ru>id74403 (дата обращения: 26.06.2014).

V. Вред курения [Электронный ресурс] // Вся правда о вреде курения. – URL: http://protivkureniya.ru/ (дата обращения: 25.02.2013).

Литература

1. Здравоохранение в Республике Татарстан: Стат.сб. – Казань, 2013. – 211 с.

2. Женщины и мужчины Татарстана: Стат. сб. – Казань, 2013. – 62 с.

3.Численность, состав и движение населения Республики Татарстан: Стат.сб. – Казань, 2013. – 171 с.

4. Leon DA, Shkolnikov VM, McKee M, Kiryanov N, Andreev E. Alcohol increases circulatory disease mortality in Russia: acute and chronic effects or misattribution of cause? International Journal of Epidemiology 2010, 39(5): 1279–1290.

5. Вишневский А.Г., Васин С.А. Причины смерти и приоритеты снижения смертности в России // Экономический журнал высшей школы экономики. Том 15, № 4. – 2011. – С. 472–496.

3.1. К постановке проблемы сверхсмертности мужчин трудоспособного возраста

Демографическая «яма», в которой Россия оказалась в результате либеральных экономических реформ и социальных потрясений 1990-х гг., по мнению демографов, преодолена. Динамика общего коэффициента смертности на протяжении 2000–2013 гг. свидетельствует о его медленном снижении, однако он продолжает оставаться высоким (14,2 промилле в 2013 г.), естественная убыль населения страны продолжается [1].

Демографические процессы в Республике Татарстан аналогичны общероссийским, хотя общие коэффициенты смертности несколько ниже: в 2000 г. – 13,2, в 2012 г. – 12,2 промилле [II]. Анализ статистических данных, полученных в ходе всероссийской переписи населения 2010 г. по РТ, и текущей статистики, показывает, что к числу основных классов причин смерти в республике относится смертность от болезней системы кровообращения, причем это устойчивая тенденция: ежегодно на протяжении ряда лет от 54 до 65% жителей республики умирают от этих болезней, лишь в 2011 г. наметилась тенденция к ее снижению [III]. До недавнего времени считалось, что эти болезни, свидетельствующие о естественном старении организма, – удел лиц пожилого и старого возраста. Однако наблюдается «омоложение» патологий, связанных с болезнями сердца и сосудов: все больше молодых и трудоспособных людей оказываются в группе риска.

Причины высокой смертности россиян, как мужчин, так и женщин, от сердечно-сосудистых патологий имеют как общий, так и индивидуально-личностный характер, обусловленный неблагоприятной социально-экономической ситуацией, глубоким расслоением населения по экономическому и социальному положению, маргинализацией значительной части населения, а также спецификой образа и стиля жизни отдельной части индивидов. При этом в группе риска оказались мужчины трудоспособного возраста, многие из которых подверглись нисходящей социальной мобильности. Гендерная дифференциация заболеваемости и смертности детерминирована различиями соци-

альных ролей, выполняемых мужчинами и женщинами: мужчины больше ориентированы на участие в жизни общества, поэтому они более чувствительны к радикальным социальным переменам, а также поведенческими практиками мужчин, которым больше, чем женщинам, свойственны потребление алкоголя, наркотиков, курение, недостаток физической активности. В Татарстане в структуре смертности населения значимое место занимают болезни наркологического характера, включая алкоголизм, алкогольные психозы, наркоманию и токсикоманию: в 2012 г. они составили 184,5 на 100000 населения (в 2011 г. – 183,6) [IV]. Кроме того, здоровье в обыденном сознании населения не ассоциируется с высшей жизненной ценностью. Все это, возможно, в совокупности и обусловило сверхсмертность российских мужчин трудоспособного возраста.

Медико-социологические исследования показывают, что существует непосредственная связь между алкоголизацией населения и болезнями системы органов кровообращения. Исследования Лондонской школы гигиены и тропической медицины «Влияние алкоголизма на занятость населения», в фокусе внимания которой были мужчины трудоспособного возраста, проведенные в Ижевске в два этапа: в 2003–2008 гг. и 2008–2010 гг. с использованием качественных и количественных методов, показали наличие непосредственной взаимосвязи алкоголизма и способности к труду. Мужчины, пополняющие ряды безработных из-за неумеренного потребления алкоголя, в том числе его суррогатов, теряют не только работу. Социологам на последнем этапе исследования пришлось довольствоваться общением лишь с их вдовами…Ученые Лондонской школы, озабоченные самой низкой в Европе продолжительностью жизни российских мужчин, указывают, что на сложившуюся ситуацию влияет целый ряд факторов, среди которых ключевым является чрезмерное потребление алкоголя. Кроме того, оказалось, что большинство организаций, которые должны заниматься внедрением политики контроля над употреблением алкоголя, почти полностью разобщены и фрагментированы, тогда как организации, заинтересованные в поддержании и увеличении потребления алкоголя, объединены и влиятельны.

Формирование и развитие индивидуального здоровья и здоровья общества происходят под воздействием множества взаимосвязанных факторов как на макро-, так и на микроуровне. Состояние здоровья на макроуровне определяется общим развитием страны, ее политическим, экономическим, социальным могуществом. Принципиально значимыми являются такие параметры, как условия, уровень, образ и качество жизни населения, в том числе экологические условия, а также развитость и возможности здравоохранения как сферы оказания медицинских услуг, в том числе профилактического характера. На микроуровне здоровье каждого человека, помимо общих социокультурных факторов, зависит от психологического стресса, возникающего при необходимости адаптации к новым, неожиданным обстоятельствам жизни: потере социального статуса, маргинализации, безработице, росту экономического неравенства, вызывающих психоэмоциональное напряжение, порой отчаяние, состояние безнадежности и агрессию, проявляющихся в различных формах социального нездоровья.

Источники

I. Демография России [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/ (дата обращения: 23.09.2015).

II. Естественное движение населения муниципальных районов и городских округов РТ (статистический бюллетень) [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики. – URL: http://www.tatstat.ru/VPN2010/DocLib8/MO-12.pdf (дата обращения: 23.05.2015).

III. Здравоохранение в Республике Татарстан (стат. сборник) [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики. – URL: http://libweb.ksu.ru/stat_compilations/105_2013.pdf, (дата обращения: 23.08.2015).

IV. Численность, состав и движение населения в Республике Татарстан в 2012 году (стат. сборник) [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики. – URL: http://libweb.ksu.ru/stat_compilations/110_2013.pdf, (дата обращения: 23.09.2015).

4.1. Репродуктивный потенциал населения региона: реалии и перспективы

Демографический потенциал населения означает возможности естественного воспроизводства населения региона и зависит от численности женщин детородного возраста и от их репродуктивных установок.

Демографический анализ произведен на основе статистического материала – экспресс-информации о численности населения Республики Татарстан по полу и возрастным группам на начало 2015 г. [I].

Границы детородного возраста женщин 15–49 лет определяют продолжительность репродуктивного периода. Доля женщин детородного возраста составляет обычно 25–30% от численности всего населения. На конкретной территории может быть своя специфика, которая и предопределяет убыль или прирост населения.

В населении Республики Татарстан численность женщин репродуктивного возраста – 950024 чел., что составляет 24,6%. В городском населении эта доля составляет 25,6% [I] (снижение по сравнению с 2008 г. на 3,4% [II]), в сельском населении доля женщин репродуктивного возраста – 21,2% (ниже «нормы», снижение по сравнению с 2008 г. на 2,0%) [II]. По мере сокращения численности сельского населения снижается и его репродуктивный потенциал. Динамика численности населения в республике неоднозначна: в одних населенных пунктах наблюдается его прирост, в других – убыль, в целом, начиная с 2011 г., фиксируется незначительный естественный прирост населения [1, с. 49–50, 53].

Репродуктивный потенциал различен в городах и сельских поселениях разной степени демографической молодости/старости. Города республики со

сравнительно молодым населением – Набережные Челны, Нижнекамск – имеют более высокий репродуктивный потенциал по сравнению со старыми в историческом смысле городами. Три четверти жителей республики – горожане, при этом 40% горожан – столичные жители, 18% – жители крупнейшего города Набережные Челны, 13% – жители больших городов: Нижнекамска и Альметьевска. Города-миллионники, крупнейшие и большие города привлекательны, особенно для молодежи, из-за развитости социальной инфраструктуры, возможностей приобретения желаемой профессии, трудоустройства, получения качественного образования, а также с демографической точки зрения: здесь шире брачный круг, «богаче» брачный рынок, больше возможностей для интенсивного общения, для заключения брачных союзов. Сельские поселения постепенно теряют своих жителей: молодежь уезжает в город, как следствие – снижение репродуктивного потенциала сельского населения.

Характерным для РТ, как и для всего российского общества, является гендерный дисбаланс, выражающийся в значительном превышении численности женщин над численностью мужчин. В составе постоянного населения РТ 46,25% мужчин и 53,75% женщин. Гендерный дисбаланс наблюдается и в структуре населения репродуктивного возраста. Всего в населении РТ на 1000 мужчин приходится 1167 женщин. До 18-летнего возраста это соотношение составляет 52% и 48%: на 1000 мужчин приходится 920 женщин. Однако с возрастной группы 18–19 лет начинается «перевес» женщин, за исключением группы 25–29 лет, где мужчин больше. Приведем соотношение мужчин и женщин в различных возрастных группах репродуктивного периода (расчеты сделаны на основе статистических данных, размещенных на сайте Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан) [1].

Таблица 1

Соотношение численности мужчин и женщин в возрастных группах репродуктивного периода

Возрастная группа	Численность мужчин, чел.	Численность женщин, чел.
20-24 года	1000	1044
30-34 года	1000	1013
35-39 лет	1000	1060
40-44 года	1000	1080
45-49 лет	1000	1109

Статистика однозначно свидетельствует: гендерный дисбаланс наблюдается и в населении репродуктивного возраста, что отнюдь не способствует созданию гармоничных супружеских пар.

Фактическая продолжительность репродуктивного периода зависит от множества факторов как макросоциального (социально-экономические, социокультурные, санитарно-гигиенические условия жизни), так и микросоциального (физическое и психическое здоровье женщин, длительность пребывания в браке, семейные отношения) характера. Семья как частная сфера жизни общества регулируется внутренними убеждениями, интересами, ценностями, идеалами. Отношения между членами семьи имеют прежде всего эмоциональный характер, основаны на любви, заботе о ближнем, о его здоровье, проникнуты доверием. Взаимоотношения между родителями и детьми носят не утилитарный характер, с позиции полезности, как в обществе, а основаны на самоценности человека, безотносительно к выгоде, получаемой от него. Вместе с тем семья как публичная сфера жизни общества подвержена влиянию других социальных институтов (государство, сфера производства и потребления, система социального обеспечения, система образования, религиозные институты) и выполняет в современном обществе основную – репродуктивную функцию. Разводы, характерные для современной семьи, сокращают среднюю продолжительность жизни в браке и, соответственно, уровень брачной рождаемости.

В России в конце XIX в. было распространено раннее вступление в брак, к 50 годам жизни все население фактически состояло в браке. В начале XX в. традиционная ранняя брачность сохранялась: более половины всех невест и около трети женихов были в возрасте до 20 лет. После Октябрьской революции из-за многочисленных потерь мужского населения снизилась доля лиц, состоявших в браке. Диспропорции в половой структуре населения повлияли на результаты брачности мужчин и женщин старше 30 лет. Средний возраст вступления в брак в России с середины XX в. снижается. С 1960-х гг. Россия ближе к европейскому – позднему типу брачности. Для заключения брачных союзов нужны благоприятные условия, а именно соответствующий брачный круг, то есть социальный слой, к которому, согласно нормам конкретного общества, должны принадлежать вступающие в брак индивиды.

Брачная структура, в том числе доля лиц, состоящих в зарегистрированном брачном союзе, устойчивость брачных пар характеризуют социально-демографический потенциал общества. Динамика регистрации актов заключения браков в РТ за период с 2005 по 2012 гг. показывает вариативность процесса брачности: то рост, то снижение уровня брачности. За 2005 г. зарегистрировано 7,2 брака на 1000 жителей, максимум достигнут в 2011 г. – 9,9 браков на 1000 населения, в 2012 г. – спад: 8,7 браков на 1000 населения [III].

Статистические данные свидетельствуют о дифференцированном уровне брачности в городских и сельских поселениях, о значительном разбросе показателей брачности в различных районах республики. Наивысшие показатели брачности зафиксированы в сельских районах: Елабужском, Нижнекамском, Сабинском, Альметьевском – от 8,7 до 12,8 браков на 1000 населения; наименьшие показатели – в Кайбицком, Верхнеуслонском, Дрожжановском, Высокогорском, Лаишевском районах – в среднем 4,4 брака на 1000 жителей [III]. Согласно статистике, уровень брачности падает и в сельских районах, при этом интенсивность падения этого показателя выше, чем в наиболее крупных городах.

Брачное состояние влияет на уровень рождаемости, его дифференциацию в городах и сельских поселениях республики. Наивысшие показатели рождае-

мости отмечены в двух городах: Казани – 16,1 промилле в 2011 г., 17,7 – в 2012 г. и Набережных Челнах – 14,8 и 16,8 промилле соответственно, а также в муниципальных районах: Альметьевском, Елабужском Нижнекамском, Кукморском и Тукаевском (15–16 промилле). Наименьшие показатели рождаемости зафиксированы в Кайбицком, Тетюшском, Камско-Устьинском, Дрожжановском, Спасском, Апастовском, Пестречинском районах (7,9-8,6 промилле) [III].

Низкие показатели брачности и рождаемости в отдельных районах республики объясняются демографической старостью сельского населения: стариков в сельской местности, по данным статистики за 2012 г., больше, чем детей, на 6,0% (регрессивный тип возрастной структуры). В городском населении республики детей (в возрасте до 15 лет) и стариков (в возрасте от 60 лет) примерно поровну (стационарный тип возрастной структуры) [IV]. Однако к 1 января 2015 г. соотношение возрастных групп в сельском населении РТ несколько изменилось: доли детей и стариков выровнялись (16,6% и 17% соответственно) [VII], что характеризует «сельский» тип возрастной структуры как стационарный.

Представление о брачной структуре населения является неполным без характеристики процессов разводимости. Анализ статистических данных за период с 2008 по 2012 гг. показывает растущую нестабильность заключаемых в республике брачных союзов. За 2012 г. актов о расторжении браков зарегистрировано на 4,8% больше, чем за 2011 г. Всего по РТ в 2011 г. на 1000 браков зафиксировано 409 разводов, в 2012 г. – 385 разводов.

Таблица 2

Динамика брачности и разводимости в РТ, ‰ [I, V, VII]

	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Брачность	9,5	8,7	8,8	7,3	6,6
Разводимость	3,9	3,3	3,6	3,9	3,3

Данные распределения свидетельствуют о сокращении числа брачных союзов в республике и о вариативности уровня разводимости. Эта тенденция носит дифференцированный – поселенческий характер: менее устойчивы «го-

родские» браки, в которых разводы достигают половины заключенных брачных союзов. Так, в г. Набережные Челны в 2011 г. число разводов на 1000 браков составило 447, в 2012 г. – 461. В Казани по уровню брачности наблюдается «восходящая» тенденция: за последние 15 лет количество зарегистрированных браков увеличилось более чем вдвое. В 2011 г. зарегистрировано 13053 брака – это рекорд за весь период государственной регистрации браков в Казани; 4903 пары расторгли брак, причем основная доля разводов по-прежнему приходится на молодые семьи, прожившие совместно не более пяти лет. По отношению к общему количеству регистрируемых браков доля разводов падает: в 2007 году разводов было 50% от общего количества зарегистрированных браков, в 2011 году этот показатель снизился до 38% [VI]. Однако в Казани уровень разводимости выше общереспубликанских значений: в 2011 г. число разводов на 1000 браков составило 431, в 2012 г. – 402 [V]. Тем не менее по детности в семьях г. Казани в 2012 г. более половины новорожденных (54%) – первенцы (выше общереспубликанского показателя на 7%). По сравнению с 2007 годом, когда начала действовать Концепция демографической политики, включающая гибкую систему выплат по уходу за ребенком, выдачу родовых сертификатов, «материнского капитала», семей, имеющих вторых и последующих детей, стало больше почти на треть.

В сельских районах разводы в среднем составляют примерно третью часть от зарегистрированных браков, что позволяет судить о большей устойчивости браков среди сельского населения республики.

Спецификой республики является ее полиэтничный характер, поэтому традиционно заключаются межнациональные браки: в 2012 г. количество зарегистрированных межнациональных союзов составило 21% от общего количества зарегистрированных браков (каждый пятый брак – межэтнический). С 2011 г. в РТ наблюдается рост числа союзов, заключаемых местными жителями с иностранными гражданами: в 2012 г. зарегистрирован 671 акт о заключении таких браков, что на 7% больше, чем в предыдущем году, в 2013 г. количество браков, заключенных с иностранцами, увеличилось на 300 [III, VIII].

Брачное, супружеское состояние под влиянием культуры преобразуется в семейную общность. Семья как социокультурное образование рассматривается в ракурсе различных парадигм. Однако традиционным является эволюционистский подход, в соответствии с которым семья изменяется при изменении общества. Изменчивость семьи сочетается с ее устойчивостью: при всех социальных трансформациях семья сохраняет универсальную функцию – рождение и социализация новых людей. В концепции Ф. Тенниса об общности и обществе семья трактуется как естественное единство, в которое человек вовлекается уже при рождении, это общность, основанная на кровных узах, возникающая в силу общего происхождения, прежде всего связи матери с ребенком. В общности отношения между людьми носят эмоциональный характер, это доверительные отношения [2, с. 114–125]. В семье, с рождения ребенка, начинается формирование здорового образа жизни, с юного возраста вырабатывается осознанное отношение к здоровью: стало модным не курить, не злоупотреблять спиртным, не использовать наркотики, заниматься спортом. Люди начинают понимать, что только здоровье дает возможность реализовать успешную профессиональную жизнь, создать благополучную семью, воспитать желанных детей. Здоровье имеет непреходящую ценность для человека любого возраста и общества в целом.

Между тем в российском обществе сложилось тревожное положение в отношении репродуктивного здоровья молодых людей – потенциальных родителей. Здоровье женщин и мужчин фертильного возраста закладывается в раннем детстве: происходит становление общесоматического здоровья, берут начало многие заболевания, формируются основы сексуального поведения, репродуктивные установки. С возрастом наблюдается накопление хронической патологии – к периоду совершеннолетия, когда девушки и юноши вступают в репродуктивный возраст, многие из них уже имеют хронические заболевания или отклонения от нормы. Эти заболевания могут прямо или косвенно оказывать влияние на репродуктивную систему. Причем подростки редко самостоятельно обращаются за медицинской помощью. Доктора насчитывают множество медико-социальных факторов «риска» для репродуктивной системы, в числе

ведущих – условия и образ жизни. На состояние организма влияют социальные условия, формируя характер и привычки человека, его образ жизни, в том числе культуру питания, движения, целесообразность использования свободного времени, занятия творчеством. Все это влияет на духовное и физическое здоровье, укрепляя или разрушая его, продлевая или укорачивая жизнь. Образ жизни, основанный на принципах нравственности, рационально организованный, активный, трудовой, закаливающий, позволяет до глубокой старости сохранять психическое и физическое здоровье. Сознательное и ответственное отношение к здоровью – это норма жизни и поведения современного человека.

Заключение. На основе анализа демографической ситуации в РТ можно сделать следующие выводы: 1. Демографический потенциал населения республики, детерминированный долей женщин детородного возраста, составляет 24,6% (ниже «нормы»). 2. В городских поселениях республики доля женщин детородного возраста составляет 25,6% (в границах «нормы»), в сельских поселениях – всего 21,2% (ниже «нормы»). 3. Возрастная структура сельского населения свидетельствует об утрате потенциала демографического роста из-за низкой доли женщин репродуктивного возраста. 4. Естественного прироста населения можно ожидать в городах и в отдельных сельских поселениях со значительной долей жителей активного репродуктивного возраста. 5. Двойственная природа семьи – как малой группы и социального института – обусловлена ее спецификой как союза мужчины и женщины, создаваемого добровольно с целью производства человека, продолжения рода; в то же время семья в качестве социального института реализует фундаментальную функцию самосохранения общества, воспроизводства новых поколений. Семья одновременно и приватная и публичная сфера жизнедеятельности общества. В семье как частной сфере жизни супруги вправе сами, без вмешательства извне, определять цели и средства своих действий. Проблема здесь в том, что на семью – приватную сферу общества – возлагаются задачи общесоциального характера, связанные с физическим и социокультурным воспроизводством индивидов.

Источники

I. Численность населения Республики Татарстан по полу и отдельным возрастам на начало 2015 года [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан. – URL: http://tatstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tatstat/resources/177c630040ff18c78957ef367ccd0f13/числ.+по+... (дата обращения: 23.09.2015).

II. Население. Республика Татарстан (стат. ежегодник) [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан. – URL: http://www.tatstat.ru/public/ElectronLibrary/god_2008.zip (дата обращения: 29.09.2015).

III. Статистические показатели работы органов ЗАГС Республики Татарстан за 2012 год [Электронный ресурс] // Управление записи актов гражданского состояния Кабинета Министров Республики Татарстан. – URL: http://zags.tatarstan.ru/rus/statisticheskie-dannie.htm?page=6 (дата обращения: 29.09.2015).

IV. Шавалеева А.Р. О демографической ситуации в Казани [Электронный ресурс] // Доклад на аппаратном совещании 4 февраля 2013 года. – URL: http://www.kzn.ru/old/upload/wysiwyg/Shavaleeva_04022013.doc (дата обращения: 20.10.2015).

V. Естественное движение населения муниципальных районов и городских округов РТ (статистический бюллетень) [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по РТ. – URL: http://www.tatstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tatstat/resources/c20f3d004e76cb87838cb7cc5af035be/МО-13.pdf (дата обращения: 23.05.2013).

VI. Распределение численности населения Республики Татарстан по полу и возрастным группам на 1 января 2013 года [Электронный ресурс] // Террито-

риальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан. – URL:
http://tatstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tatstat/resources/177c630040ff18c78957ef367ccd0f13/vozr2013.pdf (дата обращения: 23.10.2015).

VII. Естественное движение населения муниципальных районов и городских округов РТ (статистический бюллетень) [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан. – URL:
http://tatstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tatstat/resources/b216c30043e311939d09dfd92111eac8/Естественное+движение...pdf (дата обращения: 23.10.2015).

VIII. Татарстан: 5 фактов минувшей недели [Электронный ресурс] // Татарстан. – URL:
http://protatarstan.ru/events/tatarstan_5_faktov_minuvshey_nedeli_27.01.14/ (дата обращения: 27.10.2015).

Литература

1. Минзарипов Р.Г., Ишкинеева Ф.Ф., Ахметова С.А. Динамика демографических процессов в Республике Татарстан: сдержанный оптимизм / Ученые записки Казанского университета. Том 155. Серия Гуманитарные науки. Книга 6. – 2013. – С. 47–61.

2. Немецкая социология / Под ред. Р.П. Шпаковой – СПб.: Наука, 2003. – 562 с.

ГЛАВА II.
ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РЕГИОНЕ: ПРАКТИКИ И РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Актуальное и вместе с тем сложное, противоречивое исследовательское поле представляют собой межэтнические и межконфессиональные отношения, находящиеся в фокусе внимания как политиков, так и ученых. В отечественной исследовательской практике, в том числе татарстанской, реализовано множество проектов, связанных с данной тематикой. В их числе – научно-исследовательский проект кафедры общей и этнической социологии КФУ, направленный на выявление специфики межкультурных отношений в Республике Татарстан.

На основе качественно-количественной стратегии выявлены характерные для данного региона практики этнической и конфессиональной самоидентификации, проблемные зоны миграционных процессов, актуализирован феномен толерантности/интолерантности представителей различных этнических групп. В центре внимания оказались также экстремистские события 2012–2013 гг. в Татарстане, свидетельствующие о наличии латентных процессов, имеющих потенциально рискогенный характер.

1.2. Этноконфессиональный портрет регионального сообщества (по материалам социологического исследования в Республике Татарстан)

Состояние межэтнических и межконфессиональных отношений в Российской Федерации привлекает все больше внимания, а в ряде случаев вызывает серьезную озабоченность и даже тревогу. Надежды на то, что в новой России этнические лояльности и конфессиональные узы и предпочтения останутся, как и прежде, частным делом индивида и семьи, не оправдались. Поэтому в обществе все настойчивее звучат требования в пользу новой концепции «национальной политики» – выработки системы ориентиров и мер поддержания культур-

ного своеобразия и гарантий свободы вероисповедания в условиях обеспечения гражданского мира и общенациональной интеграции.

В этом контексте особый интерес в научном и практическом плане представляет Татарстан как многоэтничное и поликонфессиональное сообщество, население которого состоит из титульного и наиболее многочисленного этноса – татар (53,2% населения республики), русских (39,7%), а также чувашей, удмуртов, мордвы, марийцев, украинцев, азербайджанцев (всего представителей других национальностей – 7,1%) [1]. Татарстан практически всеми исследователями и экспертами характеризуется как стабильный в межэтническом отношении регион. «Этноконфессиональные отношения в Республике Татарстан характеризуются достаточно высоким уровнем толерантности», – пишет Р.Н. Мусина. Русские и татары, православные и мусульмане воспринимают друг друга как очень близкие народы и конфессии [2; 180, 182]. При этом толерантность понимается как готовность принять других такими, какие они есть, и взаимодействовать с ними на основе согласия [3; 63].

Однако специфика миграций последних лет предполагает новое подробное изучение сегодняшних тенденций возможного изменения характера межэтнических взаимодействий, в том числе негативных [4], а также выявления в этом контексте особенностей этнической и религиозной идентичностей жителей республики.

В основе теоретического подхода лежит широко применяемая в современной социальной теории многокомпонентная концепция социальной идентичности (Дж. Г. Мид, П. Бергер, Ф. Барт, Б. Андерсон, С. Холл, Э. Гидденс и другие), охватывающая как коллективные, так и личностные ее проявления. При этом социальная идентичность индивида и социальных групп трактуется как многомерная и претерпевающая во времени множественные изменения, то есть динамичная. Социальное «Я» определяется разной степенью включенности индивида в систему этнокультурных, конфессиональных, гендерных, профессиональных и других социальных связей, а также территориальных (региональных), национальных и транснациональных (глобальных) отношений и со-

лидарностей. Примечательно, что жесткие иерархии и соподчиненности этих связей, характерные для общества XX столетия, в начале XXI века все больше «размываются», а в современной России как реформирующемся государстве эти процессы усугубляются и обретают еще более сложный вид. Трансформация социальной идентичности, особенно в переходном социуме, стала явлением, которое трудно поставить под сомнение, при этом учитываются мера изменчивости и устойчивости социальных характеристик, одновременно их вариативность и воспроизводство в исторической преемственности.

Репрезентативное исследование, предпринятое группой социологов Казанского федерального университета в феврале-марте 2012 г., позволяет охарактеризовать этноконфессиональную динамику в Татарстане (далее – РТ)[*] в условиях новой миграционной ситуации. Рассмотрение регионального сообщества в этноконфессиональном аспекте дает возможность понять, к какой социокультурной среде предстоит адаптироваться приезжим из регионов России и иммигрантам, какие проблемы ожидают местных жителей и мигрантов в процессе взаимодействия, какие коллизии и конфликты возможны в процессе интеграции, какие направления «национальной политики» целесообразны в данном регионе.

Эмпирическая база исследования. В массовом опросе в качестве респондентов участвовали 1590 человек (ошибка выборки составила 3,3%). В процессе конструирования выборки – микромодели генерального множества (население РТ старше 18 лет) – использованы результаты Всероссийской переписи населения 2010 г.: распределение жителей по территориальным поселениям (город/село), в том числе по городам разной степени людности, а также по этническому составу, по полу, возрасту, уровню образования жителей. Помимо русского, использован вариант анкеты на татарском языке. Обработка эмпирических данных реализована в программе SPSS Statistics 17.0.

---

[*] Научно-исследовательский проект Казанского федерального университета [12-48 в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ] «Состояние и динамика межэтнических и межконфессиональных отношений в Республике Татарстан».

Этнические идентичности и межэтнические отношения в поликультурной республике начала 2010-х гг. Трактовка этнических идентичностей производится с позиций концепции модерной этничности, имеющей сложносоставный характер [5]. Идеи данной концепции, сформулированные на основе умеренного конструктивизма, позволяют преодолеть непримиримую оппозицию эссенциализма и конструктивизма посредством уместного теоретического синтеза. Вместо представления этносов как органических данностей и устойчивых коллективов с жестким набором этнических признаков акцент делается на социальных отношениях и взаимодействиях, обозначающих социальные различия и формирующих различения, прежде всего культурного характера. Действительно, этничности свойственны изменчивость, пластичность, ситуативность, в то же время этнические группы имеют достаточно устойчивый характер. В рамках концепции модерной этничности синтезируются представления о воспроизводстве этнических границ и этнических общностей и одновременно о вариативности и «модусах» (многообразных проявлениях) этничности. «Модусы этничности» – «это скорее сеть (поле) позиций субъектов этничности, выражающаяся в отличительных и узнаваемых этнокультурных практиках (связанных, например, с качеством владения родным языком и характером его использования, интенсивностью религиозной веры и участия в религиозных практиках, степенью непосредственной включенности в этнокультурное производство и этнические организации, силой выраженности этнической идентичности и др.)» [5; 157]. Современным культурным процессам свойственна динамичность: культурные границы, ранее казавшиеся непреодолимыми, становятся проницаемыми, формируются новые смешанные идентичности. Этнические и конфессиональные границы постепенно «размываются», структура социокультурных идентичностей усложняется, традиционные классификации оказываются не всегда применимыми.

Обратимся в этом контексте к материалам эмпирического исследования этноконфессиональных отношений в РТ. Данные опроса жителей республики[2] показывают, что осознание своей этнической идентичности значимо для большинст-

ва граждан РТ: 71% жителей считают, что современному человеку необходимо чувствовать себя представителем какой-либо этнической группы (при этом этническая принадлежность важна для трех четвертей татар и двух третей русских). К национальности окружающих люди относятся более лояльно: она незначима для 58,5% жителей, причем не обращают внимания на национальность окружающих 49% татар и 68% русских. Уместно подчеркнуть, что этническое «Я» занимает третью позицию по числу набранных предпочтений, пропустив вперед региональную (24%) и гражданскую российскую (27%) идентичности.

По мнению абсолютного большинства татарстанцев (90%), этническую самоидентификацию определяет этническая принадлежность родителей. Значимыми критериями являются также язык – для 36,4% жителей и религия – для 28%. Несколько уступают этим критериям имя (включая отчество и фамилию), которые значимы для 16% жителей, а также соблюдение народных обрядов, праздников и обычаев – для 14,4%. Гораздо менее важно для этнической идентификации, по мнению татарстанцев, проживать на традиционной территории и иметь супруга/супругу одной национальности.

Один из основных маркеров этнический идентичности – родной язык. По языковому признаку жители республики представлены двумя равными по численности группами: родным считают русский язык 48% граждан, татарский – тоже 48%. Однако не все татары, в отличие от русских, называют родным свой этнический язык. Каждый десятый татарин считает своим родным языком русский (это татары, которые не владеют или плохо владеют татарским языком, а также татары от смешанных браков). Показателем этничности является также значимость языка для последующих поколений: для 70% жителей важно, чтобы их дети говорили на родном языке.

Являясь местом проживания двух крупных этнических групп, Республика Татарстан – двуязычный регион: практически все граждане владеют русским языком, более половины – татарским. Закон о языках народов РТ, принятый в 1992 г., закрепил за этими двумя языками статус государственных. В том же году в школьную программу среднего образования татарский язык введен как

обязательный предмет, который должны изучать все ученики, независимо от этнического происхождения.

В течение последних нескольких лет наблюдается активизация публичных споров, которые вызваны положением о введении татарского языка как обязательного предмета изучения школьниками республики. Среди родителей учеников возникают дискуссии об оптимальном соотношении русского и татарского языков в школьной программе вплоть до вопроса о том, необходимо ли изучение татарского в школе в установленных объемах. Родителями учащихся зачастую высказывается недовольство тем, что обучение ведется не на должном уровне, что наличие татарского языка в школьной программе приводит к ухудшению преподавания русского языка.

Тем не менее, массовый опрос жителей республики показывает, что большинство татарстанцев – 72% – положительно относятся к обязательному присутствию татарского языка в школьной программе, среди них 84% татар и 57% русских. Абсолютное большинство жителей республики (90%) отмечают, что они не испытывают трудностей в связи с двуязычием: ни при общении с друзьями, соседями, родственниками, ни на работе, ни в сфере образования, ни в общественной жизни.

Два десятилетия спустя после принятия закона об официальном двуязычии в числе наиболее важных вопросов, время от времени обсуждающихся общественностью, – степень владения татарским языком различными группами населения, реальное использование языка в повседневной жизни, отношение жителей республики к школьному образованию. Поэтому важно было получить реальную картину языковых практик в татарстанском сообществе.

Вопрос о владении татарским языком представлен следующими аспектами: «*понимаю*», «*разговариваю», «читаю» и «пишу».*

Таблица 1

Степень владения различными аспектами татарского языка населением республики (в % к численности каждой «языковой» группы, за исключением затруднившихся ответить)

Аспект языка	Свободно	Достаточно хорошо	Плохо	Не владею
Понимаю	37,3	23,8	19,6	18,2
Разговариваю	34,4	18,4	15,1	31,6
Читаю	34,4	19,8	11,9	33,2
Пишу	30,8	17,7	12,8	38,3

Анализ таблицы свидетельствует о том, что 61% жителей республики понимают татарский язык. Другие аспекты татарского языка: разговорная речь, чтение, письмо освоены меньшим числом жителей – от 48 до 54%. При этом абсолютное большинство татар – 94% хорошо понимают свой этнический язык, 86% достаточно хорошо говорят по-татарски.

Среди русских жителей республики, разумеется, меньше лиц, владеющих различными аспектами татарского языка: хорошо понимают татарский язык – 18%, разговорной речью владеют 7,5%, могут читать по-татарски – 19%, писать – 12%. Очевидно, это следствие языковой политики в сфере образования, а также смешанных браков, проживания представителей разных этнических групп на одной и той же территории, прежде всего в сельской местности, – русская молодежь в той или иной степени владеет татарским языком в отличие от старшего поколения. Однако это в большей степени относится к пассивной форме языка и письменной речи.

С 1990-х гг. в основе языковой политики РТ – повышение престижа татарского языка, расширение сферы его использования, а также максимальное увеличение численности татарстанцев, владеющих татарским языком, поскольку двуязычие до сих пор де-факто смещено в сторону русского языка. В отношении языковой политики в РТ между татарами и русскими нет согласия, имеется разноречивость внутри этнических групп. Многие представители татарского народа

настроены решительно в отношении приобщения лиц иных этнических групп к татарскому языку. Мнения о том, что татарским языком должен владеть каждый проживающий в Татарстане, придерживаются 56% жителей республики – от «*уметь говорить*» (22%) до «*хотя бы понимать*» (34%). Однако позиция на этот счет в значительной степени зависит от этнической принадлежности респондентов. Приведем мнения представителей разных этнических групп о необходимом уровне владения языком титульной этнической общности.

Таблица 2

Мнения представителей этнических групп
о необходимом уровне владения татарским языком жителями РТ
(в % от каждой этнической группы)

Утверждения	Татары	Русские
Все жители должны говорить по-татарски	32,0	10,0
Достаточно понимать татарский язык	37,0	29,0
Знание татарского языка всеми гражданами республики не обязательно	28,0	57,0

Материалы опроса показывают заинтересованность татар в том, чтобы представители других этнических групп овладели татарским языком: их втрое больше среди сторонников разговорной речи, чем среди русских, тогда как русских вдвое больше среди приверженцев необязательного знания татарского языка. Достаточно велика доля тех, кто сам хотел бы изучить татарский язык, – за это готовы взяться 43% из числа тех, кто не владеет им или владеет в недостаточной степени.

Материалы эмпирического исследования свидетельствуют о том, что межэтнические отношения в татарстанском сообществе являются стабильными и вместе с тем подвергаются изменениям: при сохранении этнических общностей, актуализации локальных (региональных) связей, этнического самосознания постепенно «размываются» этнические границы, этническая идентичность дополняется региональной и общероссийской.

Конфессиональные идентичности населения полиэтничной республики. Межконфессиональная палитра Республики Татарстан, согласно статистике, пестра и многообразна, если ее оценивать по количеству зарегистрированных религиозных объединений. По данным Управления Министерства юстиции РФ по РТ, на 1 января 2012 года в республике зарегистрировано 1505 религиозных общин, открыто и функционирует свыше 1750 культовых зданий, в числе них около 1400 мечетей, более 300 православных храмов и порядка 50 культовых зданий других конфессий [6]. При изучении религиозности населения важна как идентификация индивида с определенной религией, так и «уровень погружения» в веру. «Характер религиозности можно определить как качественную и количественную особенность, специфику черт религиозности индивида, группы, населения. Религиозность фиксируется с помощью критериев (индикаторов): состояние сознания, поведения, включенность в религиозную жизнь» [7; 95]. Религиозное сознание связано с вероисповедальными отношениями. Верующий человек впитывает ценности в процессе религиозной социализации и воспроизводит элементы религиозного поведения. С учетом бикультурных особенностей региона в инструментарии выделены два блока: для исповедующих православие и для исповедующих ислам.

По результатам опроса, конфессиональный портрет жителей республики выглядит следующим образом. Православие на территории Республики Татарстан исповедует преимущественно русское население – 88%, представителей других национальностей среди православных – 9,0%, татар – 3,0%. Соответственно ислам исповедуют 94,5% татар, 1,5% русских и 4,0% представителей других этнических групп. Таким образом, этничность в большинстве случаев предопределяет выбираемую конфессию. В бикультурном сообществе Татарстана религия играет роль сохранения этнической идентичности.

Верующими считают себя 70% татарстанцев, 16,4% сомневаются в вопросах веры, 10,4% безразличны к вопросам вероисповедания и определяют себя неверующими. Большинство верят в Бога (Всевышнего) – 70,0%, верят в высшие силы – 12,0%. При этом половина верующих – 50,5% относят себя к

исламу, 39,0% – к православию, остальные – к другой религии или не относят себя ни к какому вероисповеданию. Таким образом, наиболее распространенными, а также традиционными для республики религиозными конфессиями являются ислам и православие. Именно эти две религии наиболее влиятельны в общественно-политической жизни республики.

На формирование религиозной идентичности большинства респондентов (70,0%) повлияло семейное воспитание, часть респондентов (22,0%) подверглась влиянию родственников, самостоятельно пришли к вере 14,0%, воздействие религиозной общины, церкви испытали 8,0%. Доминирующая роль семьи в религиозном воспитании предопределила гомогенную культурно-ценностную ситуацию в отношении религии: сходные религиозные ценности и взгляды наблюдаются в 56,0% семей. Большинство респондентов (83,4%) отмечают, что их религиозные ценности поддерживаются семьей. Примечательно, что лишь 8,0% татарстанцев имеют отличные от семейной религиозные идентичности.

Сравнивая две наиболее многочисленные религиозные группы, отметим, что религиозным правилам следуют 52,5% мусульман и 41,0% православных. Образ верующего приобретает более конкретные очертания при применении критерия, связанного с соблюдением обрядовой (поведенческой) стороны религии. Исполнение религиозной брачной церемонии никах важно для 75% мусульман, процедура венчания – для 31,0% православных. Большое значение приверженцы обеих традиционных религий в Татарстане придают обрядам, совершаемым при рождении ребенка: обязательным обряд крещения считают две трети православных, мусульмане (80,0%) так же требовательно относятся к имянаречению (исем кушу).

Один из показателей важности религии для человека – желание видеть в качестве супруга представителя своей конфессии; в этом вопросе мусульмане более требовательны, нежели православные: для 56,0% мусульман важна религиозная принадлежность супруга, этот факт имеет значение для 28,6% православных.

Частота посещения храмов и мечетей верующими обеих конфессий примерно одинакова: 16,0% православных и 13,4% мусульман ходят на службы не реже одного раза в месяц, не ходят на богослужения 17,0% исповедующих православие и 34,4% приверженцев ислама**.**

Из числа православных верующих в республике пост соблюдает четвертая часть жителей, исповедуются регулярно – 2,0%, нерегулярно – 29,0%, причащаются регулярно – 3,0%, нерегулярно – 32,0%. Молитву «Символ веры» знают 18,0%, читают утреннее и вечернее правило: каждый день – 4,0%, от случая к случаю – 17,0%, имеют исповедников (духовников) – 7,0%. Четвертая часть респондентов, исповедующих ислам, называют себя «соблюдающими мусульманами». По данным опроса, умеют читать намаз 18,0% исповедующих ислам.

Итак, многие жители Татарстана подчеркивают свою веру в бога и свою религиозную принадлежность, однако формы религиозного поведения весьма многообразны. Эти тенденции отмечают многие современные социологи. Так, К. Доббелере и В. Ягодзински пишут: «Все возрастающее количество людей будет демонстрировать их собственную, приватную религиозную и моральную систему, больше похожую на лоскутное одеяло, и исключать «меню», предоставляемое традиционными церквями. Возрастание спектра альтернатив и индивидуальной свободы в вопросах самостоятельного выбора создает условия для конструирования специфических систем ценностей. Фактически человеческая жизнь становится сегментирована в той степени, в которой сегментировано общество, и религия есть только лишь один из его сегментов» [8].

Важно отметить, что татарстанцы терпимо относятся к смене одной традиционной религии на другую: например, если русский примет ислам, а татарин – православие, более половины (63,0%) отметили, что это личное дело каждого, и лишь 14,0% высказались бы против и препятствовали этому. Однако в случае смены традиционной религии на нетрадиционную (секту) третья часть респондентов высказала бы недовольство и еще столько же запретила бы посещать религиозную организацию.

Вне зависимости от вероисповедания, две трети татарстанцев положительно оценивают состояние межрелигиозных отношений в республике: как гармоничное и благоприятное (19,0%) и спокойное (49,0%). Мнения остальных разделились между позициями: отношения удовлетворительные – 23,5%, напряженные и кризисные – 3,5%, затруднились ответить на данный вопрос – 5,0%. Такая оценка понятна, если учесть, что 86,0% татарстанцев не сталкивались в последнее время с фактами ущемления прав человека по признаку вероисповедания. Респонденты, упоминавшие подобные случаи, приводили примеры, касающиеся ношения религиозной одежды в публичных местах: «*Знакомую, которая носит хиджаб, за это осуждают*», «*Наблюдается излишне пристальное внимание к одежде*» или отмечали напористое информирование о другой вере со стороны собеседников.

Таким образом, конфессиональный портрет татарстанского регионального сообщества представлен достаточно разнообразной палитрой образов: незначительно выражена группа глубоко верующих, как мусульман, так и православных, соблюдающих все предписания веры; при этом абсолютное большинство верующих придерживаются традиционных религиозных взглядов. Значительная часть населения республики, как православные, так и мусульмане, не имеют четких религиозных ориентиров: многие не соблюдают предписанные религиозными канонами правила. При этом мусульмане в целом демонстрируют несколько большую приверженность канонам своей религии, чем православные. Структура религиозного контекста все более усложняется. Общество не поддерживает религиозный плюрализм, демонстрируя недоверие к выбору нетрадиционных религий (не мусульманства, и не православия).

На фоне актуализации религиозных ценностей татарстанское сообщество остается приверженным светским ценностям и светской модели образования: по материалам опроса, две трети татарстанцев убеждены, что религия по-прежнему должна быть отделена от государства, более половины (58,0%) считают необходимым преподавание в школе предмета «Духовно-нравственное

воспитание» на основе таких учебников, как «История мировых религий», «Основы светской этики».

Отношение местного населения к приезжим из регионов России, стран СНГ и дальнего зарубежья. В последнее десятилетие республика стала регионом, принимающим разные категории мигрантов: приезжающих на заработки или постоянное место жительства из других территорий России, прежде всего соседних республик и областей Волго-Вятского региона, а также государств ближнего и дальнего зарубежья**.** Вынужденные переселения начала 1990-х гг. с преобладанием среди приезжих русских и татар сменились в конце 1990-х – 2000-х гг. притоком трудовых мигрантов – выходцев из Узбекистана, Таджикистана, Азербайджана и других государств СНГ [9]. Этим во многом определяется климат межэтнических и межконфессиональных отношений в региональном полиэтничном сообществе.

Естественная убыль населения компенсировалась за счет вновь прибывающих, и жители республики не могли этого не заметить. По сравнению с величиной притока мигрантов в крупнейшие города страны – Москву и Санкт-Петербург – в общей численности населения Татарстана доля приезжих невелика, однако более половины местных жителей (59,0%) полагает, что людей, приехавших и поселившихся по соседству, «много», и за последние годы численность приезжих в республике увеличилась (67,0%). Вместе с тем вопрос, уточнявший динамику численности приезжих непосредственно в месте проживания респондента (городе или селе), позволил получить чуть более «сдержанные» оценки: 60,0% отметили увеличение числа приезжих, 19,0% – констатировали, что их численность не изменилась, 4,0%, напротив, признали их уменьшение, а 17,5% затруднились с ответом.

Оценка характера взаимодействия местного населения и мигрантов в массовом опросе оказалась непростой задачей в силу целого ряда причин. Во-первых, исследовательская группа столкнулась с лексическими трудностями и необходимостью поиска недискриминационных и вместе с тем общепонятных способов языковой категоризации разнородной массы приезжих. Наиболее рас-

пространенная и повседневная лексика оказывается размытой, негативистски окрашенной, носит дискриминационный оттенок. Определения «мигрант», «гастарбайтер», «иммигрант» воспринимаются не просто как «другие», а именно как «чужие» и даже «чуждые». Во-вторых, не все группы респондентов наделяют применяемые наименования одинаковым смыслом. Для одних мигранты – это татароязычные сельчане из районов Татарстана, переехавшие в город недавно, для других – любые нерусские, не татары, для третьих – это иностранцы, то есть представители относительно далеких и отличительных языков, религий и культур. Кроме того, нельзя было не учитывать того, что отношение к приезжим и иммигрантам определяется целями их пребывания в России: отдельные категории жителей терпимее относятся к прибывшим временно на заработки, чем к намеревающимся остаться на постоянное жительство, значит, предположительно способным претендовать на некоторую долю местных социальных благ. Учитывая данные обстоятельства, исследователи в формулировках вопросов использовали нейтральное наименование «приезжие» с уточнением территории постоянного проживания или страны эмиграции, иногда с уточнением целей приезда.

Как и взаимодействия между представителями разных национальностей и конфессий в Татарстане, оцениваемые в позитивном ключе как «спокойные» и «удовлетворительные», отношение местного населения к приезжим в целом может быть квалифицировано как терпимое и неконфликтное. Так, на вопрос «Испытываете ли Вы раздражение или неприязнь по отношению к приезжим из других стран?» 65,6% татарстанцев ответили, что не испытывают, однако 16,0% признали, что разделяют негативные чувства.

Позиция большинства респондентов в отношении приезжих – это нейтралитет, однако доля тех, кто положительно относится к приезжим, заметно уступает тем респондентам, кто заявил с большей или меньшей степенью уверенности о своем отрицательном отношении. При этом чуть больше доля терпимо относящихся татарстанцев к нерусским соотечественникам из других регионов

России, чем к иностранцам из Средней Азии и государств Кавказа, а также некоторых стран Азии и Африки.

Таблица 3

Отношение жителей РТ
к нерусским приезжим – жителям других регионов России,
Средней Азии и государств Кавказа
(в % к общему числу ответивших по каждой группе приезжих)

Оценка	Нерусские приезжие из регионов России, на заработки	Приезжие из Средней Азии и государств Кавказа, на заработки	Приезжие из Средней Азии и государств Кавказа, на постоянное проживание
Положительно	7,6	6,1	5,2
Скорее положительно	9,9	6,6	6,4
Нейтрально	49,8	43,2	40,5
Скорее отрицательно	18,5	23,2	23,5
Отрицательно	9,8	16,1	18,3
Затруднились ответить	4,4	4,8	6,1

Сравнение этих данных с оценкой характера межэтнических отношений в РТ свидетельствует о заметном смещении фокуса межэтнических предрассудков, недоверия и скрытой напряженности из сферы взаимодействия местных этнокультурных групп (прежде всего русских и татар) в поле отношений местного населения с вновь прибывшими и иностранцами, привлекаемыми на региональный рынок труда. Если негативную оценку состояния этнических отношений между местными национальностями в РТ дают лишь 5,0% респондентов, то во втором случае этот показатель возрастает вдвое. Факт неустойчивости позиции нейтралитета подтверждается тем, что «отрицательно» и «скорее отрицательно» относятся к приехавшим на заработки из Средней Азии и государств Кавказа 39,0% местных жителей и в отношении ориентированных на по-

стоянное место жительства – 42,0%. Доля местного населения с негативным отношением к мигрантам-иностранцам возрастает до 40,0–42,0% и составляет серьезную «конкуренцию» позиции терпимого нейтралитета. Примечательно, что личный опыт общения с нерусскими приезжими из государств Средней Азии и Кавказа имеют далеко не все татарстанцы: 51,0% отметили, что имеют такой опыт, 44,0% – что не имеют.

В чем причины неустойчивого нейтралитета и подобного негативизма? Ряд объяснений может быть предложен на основе анализа оценок татарстанцами повседневных поведенческих практик мигрантов. Более половины опрошенных (61,0%) не согласны с позицией, часто озвучиваемой руководителями разного ранга и предпринимателями, которая гласит, что «*наш город (село) не может обойтись без новой рабочей силы из Средней Азии и государств Кавказа».* Помимо напряжений, испытываемых на рынке труда, 45,6% не разделяют оптимистического утверждения, что приезжие из вышеназванных стран «*уважают наши обычаи и успешно вливаются в местную татарстанскую жизнь»* (согласны с данным тезисом 16,0%, относятся нейтрально – 23,0%).

О наличии проблем, связанных с интеграцией приезжих в региональное сообщество, свидетельствуют следующие данные:

– около половины опрошенных (46,0%) не согласны с позицией, что «*уровень преступности среди приезжих невысок»* (всего 13,0% татарстанцев не усматривают в приезжих криминогенный фактор, остальные отнеслись нейтрально либо затруднились с ответом);

– часть респондентов – 27,0% согласны с суждением о том, что «*присутствие в России приезжих, исповедующих нехристианские религии, является источником терроризма и экстремизма»* (не согласны с этой позицией 35,0% респондентов, остальные отнеслись нейтрально либо уклонились от ответа). Татары и русские сходятся в оценках по данному вопросу: 25,0% татар и 29,0% русских разделяют это убеждение, противоположных взглядов придерживаются 37,0% татар и 34,0% русских.

Известно, что одним из препятствий успешной интеграции приезжих в местную татарстанскую жизнь является языковой барьер. Три четверти татарстанцев полагают, что «*мигранты-иностранцы в России должны обязательно знать русский язык*». В отношении владения татарским языком суждения разделились на три приблизительно равные позиции: 35,0% придерживаются нейтральной точки зрения, 30,0% – считают владение региональным языком необходимым, почти равная по численности группа (28,5%) оспаривает это требование. При этом татары почти в два раза чаще, чем русские, выражали согласие с требованием, что приезжие должны знать татарский язык, и симметрично русские почти вдвое чаще высказывали несогласие с подобными ожиданиями в отношении вновь прибывающих лиц (при почти равных долях – 35,0–36,0% занявших нейтральную позицию).

По результатам более ранних исследований ученые пришли к выводу, что «татары в некоторых вопросах… более лояльны по отношению к мигрантам по сравнению с русскими» в силу пережитого ими миграционного опыта и сочувствия к соплеменникам, прибывающим на историческую родину [10; 19]. Логично было ожидать, что этнокультурная близость татар с представителями тюркских народов Средней Азии и единоверцами-мусульманами, доминирующими в миграционном притоке в республику, может способствовать смягчению возникающих напряжений. Однако в силу заметного изменения структуры миграционных потоков и социально-экономической ситуации в стране картина взаимоотношений татарстанцев с приезжими оказывается более сложной. Действительно, среди татар чуть больше, чем среди русских, тех, кто относится к мигрантам благожелательно: соответственно 9,0% и 5,0% – в отношении приезжих из других регионов страны, по 7,0% и 4,0% – в отношении мигрантов из дальнего зарубежья и прибывших на заработки из Средней Азии и государств Кавказа. Однако среди татар меньше, чем среди русских, доля тех, кто придерживается нейтралитета в восприятии вновь прибывших из регионов России: соответственно 45,5% и 56,0%, и больше доля занимающих позицию выраженного неприятия: соответственно 12,0% татар и 7,0% русских. Отвечая на вопрос о

содержании политики в отношении приезжих иностранцев, лишь незначительная часть этнических татар сообщила об уместности стратегии их укоренения в России (6,4 %, русские – 4,4%). Доминирует группа татар (40,0%), допускающих лишь их временное проживание в России (среди русских – 49,0%), пятая часть татар считает, что мигрантам из-за рубежа вообще следует запретить въезд в страну (доля согласившихся с такой мерой русских 16,4%). Измерение величины социальной дистанции между наиболее крупными этнокультурными группами Татарстана и приезжими в соответствии с принципами шкалы Э. Богардуса демонстрирует аналогичные тенденции; в настоящий период бóльшая лояльность татар не находит убедительного подтверждения.

Проведенное социологическое исследование свидетельствует о благополучной в целом межэтнической и межконфессиональной ситуации в Республике Татарстан. Подтверждаются выводы других авторов, характеризующих Татарстан как поликультурное и многоконфессиональное сообщество, имеющее длительную практику дружественных отношений различных этнических групп, в котором реализуется эффективная политическая и социокультурная модель сосуществования народов и религий, опирающаяся на принципы паритета, разумного компромисса и сохранения межкультурного согласия. Вместе с тем выявлены сферы, обладающие скрытым потенциалом напряжения, и некоторые «проблемные зоны» как в сфере взаимодействия народов, издавна проживающих на территории Татарстана, так и социальных контактов местного населения с приезжими.

Этноконфессиональный портрет татарстанского сообщества, который может быть представлен в нескольких содержательных ракурсах, характеризуется разнообразными, порой противоречивыми явлениями и процессами. Значительна доля татарстанцев, как татар, так и русских (вторых меньше), актуализирующих свою этническую принадлежность. При этом лишь некоторая их часть придает значение этнической идентичности других. Однако мигранты воспринимаются ими как люди иной, порой чуждой среды, с более низкой культурой, конкуренты в сфере трудовой занятости, источник разнообразных угроз.

В системе вторичных инструментальных связей – трудовых, соседских – татарстанцы демонстрируют высокий уровень нейтральных оценок**,** при этом явления дистанцирования и социального исключения представителей других национальностей наблюдаются в сфере наиболее тесных – семейно-родственных отношений. Явным исключением в общественной жизни стали ключевые политико-административные позиции, касающиеся выбора в качестве руководителя республики представителя другой национальности.

Небольшая доля жителей республики, прежде всего из числа нетитульных национальностей – русских и других этнических групп – ощущают на себе эффекты негативного отношения и даже дискриминации, связанные с социальным исключением по этническому и религиозному признакам. Лишь дальнейшие фокусированные исследования могут дать ответ на вопрос, является ли подобное самоощущение результатом действительной социальной депривации и негативной стереотипизации или оно оказывается следствием неоправданной этнизации социальных отношений (например, в ситуации углубляющейся конкуренции на рынке труда и т.п.), а также неготовности признать растущую диверсификацию этнических сообществ и этнокультурные интересы статистических меньшинств.

Определенным потенциалом латентной конфликтности обладает отношение населения региона к приезжим, хотя оно заметно варьирует в зависимости от страны проживания и эмиграции вновь прибывших, их языковых и социокультурных компетенций, целей пребывания в Татарстане. Этнокультурная близость татар и выходцев из Средней Азии, являющихся представителями тюркских народов и исповедующих ислам, не устраняет возникающих у местного населения вопросов, тревог и возражений, в том числе среди татар.

Существует опасность трансформации социально-экономических проблем и неблагополучия, нарастающих в условиях глобального финансового кризиса, в этнокультурные и даже расовые трения, что предполагает своевременную диагностику, мониторинг и реакцию со стороны федеральных и региональных властей. Наиболее оправданной представляется последовательная по-

литика по укреплению социального государства, противодействию застойной бедности в России и одновременно регулированию количественных и качественных параметров миграционного притока, а также обеспечению социальной интеграции приезжих, которая потребует разработки специальной программы адаптации и социального включения мигрантов в региональное поликультурное сообщество.

Литература

1. Об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года в Республике Татарстан. – URL: http://www.tatstat.ru/VPN2010/DocLib8/Forms/AllItems.aspx, свободный (дата обращения: 1.07.2012).

2. Мусина Р.Н. Толерантность/интолерантность межконфессиональных отношений в полиэтническом регионе // Современные этносоциологические исследования в Республике Татарстан. – Казань: Институт истории АН РТ, 2008. – С. 171–190.

3. Дробижева Л.М. Толерантность и рост этнического самосознания: пределы совместимости // Толерантность и согласие / Материалы международной конференции «Толерантность, взаимодействие и согласие». Якутск, 1995. – М.: ИЭА РАН, 1997. – С. 61–68.

4. Титова Т.А., Кушаев Р.Р. Деструктивные факторы социального взаимодействия в многонациональном регионе // Ученые записки Казанского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2010. Т. 152. Кн.3. ч. 2. – С. 203 – 211.

5. Низамова Л.Р. Сложносоставная концепция модерной этничности: пределы и возможности теоретического синтеза // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Том XII. № 1. – С.141–159.

6. Официальный портал Республики Татарстан (Официальный Татарстан). Религия. – URL: http://tatarstan.ru/about/religion.htm, свободный (дата обращения 6.07.2012).

7. Андреева Л.А., Андреева Л.К. Религиозность студенческой молодежи. Опыт сопоставления с религиозностью россиян // Социологические исследования. 2010. № 9. – С. 95–98.

8. Dobbelaere K., Jagodzinski W. Religious Cognitions and Beliefs // van Deth J.W. and Scarbrough E., eds. Beliefs and Government. Vol. 4. The Impact of Values. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 197–217.

9. Миграционный прирост, убыль населения Республики Татарстан // Республика Татарстан. Стат. еж. 2010 / Татарстанстат. Казань, 2011. – 565 с.

10. Габдрахманова Г.Ф. Мы – они (отношение к мигрантам в Республике Татарстан) // Социологические исследования. 2008. № 2. – С. 66–75.

2.2. Межкультурные отношения и миграционные процессы в массовом сознании татарстанцев и дискурсе региональных массмедиа

В последние годы политики разного уровня, эксперты и учёные всё чаще высказывают озабоченность ростом ксенофобии, межэтнической напряжённости, интолерантности, конфликтогенных социокультурных различений на фоне актуализации этнического самосознания, религиозной приверженности и интенсификации внутренних и внешних миграций. Серьёзные нарекания звучат в адрес журналистов и работников средств массовой информации (далее СМИ), которых обвиняют в создании и тиражировании негативных образов «других» – трудовых мигрантов и иностранцев – тех, кто отличается от большинства населения страны по вероисповеданию, языку, этничности, цвету кожи, стране происхождения (прежде всего мигрантов из-за рубежа). В характере освещения СМИ миграционного притока в страну усматривают один из механизмов конструирования массовых фобий и враждебных стереотипов, разжигания межэтнической, межконфессиональной и расовой нетерпимости.

Социологический опрос населения Республики Татарстан в возрасте 18 лет и старше (выборка 1590 респондентов, ошибка выборки – 3,3%)* позволяет раскрыть особенности представлений о «своих» (ингруппах) и аутгруппах чужаков в поликультурном и многоконфессиональном регионе. В анкету репрезентативного опроса были включены переменные, являющиеся модификацией подхода американского социолога Э. Богардуса. В 1925–1933 гг. в исследовании расовых отношений он задал своим респондентам емкий и многомерный вопрос, предложив выбрать подходящий ответ: «Я согласен иметь дело с представителями определенной расы: 1) в качестве близких по браку, 2) в качестве личных друзей в моем клубе, 3) в качестве жителей моей улицы, 4) в качестве моих сослуживцев, 5) в качестве граждан моей страны, 6) только в качестве туристов» [Цит. по 2; 81]. Видоизмененные и адаптированные социологами КФУ вопросы позволили измерить степень открытости по отношению к «другим» и готовность к взаимодействию, установить границы между внутренними (ингруппы) и внешними (аутгруппы) социальными общностями, величину социокультурной дистанции между ними. В проекте казанских ученых изучалось, в какой мере представители иных этнических групп (национальностей) воспринимаются жителями региона как чужаки. Помимо этого, версия шкалы Богардуса была применена отдельно в сравнительном анализе массового восприятия двух разных категорий мигрантов – во-первых, приезжих неместных национальностей из других регионов России и, во-вторых, иностранцев из Средней Азии и Закавказья. Основная исследовательская гипотеза состояла в том, что интенсивный миграционный приток в республику в последние годы может трансформировать присущий поликультурному Татарстану климат толерантного и добрососедского взаимодействия представителей разных национальностей. Существуют основания полагать, что сфера отношений местного населения и приезжих становится новым проблемным фокусом межкультурных контактов и

* Научно-исследовательский проект кафедры социологии Казанского (Приволжского) федерального университета 2012 года.

социальных отношений в регионе, требующим внимания со стороны региональных властей и экспертов-аналитиков.

Видоизмененная шкала Э. Богардуса в состоявшемся опросе включала следующие социальные роли, которые представители иных национальностей могут исполнять во взаимодействии: 1) коллега по работе (средняя формализованная социальная дистанция), 2) сосед по месту жительства (средняя преимущественно неформализованная); 3) друг (близкая избирательная, главным образом публичная позиция), 4) супруг (супруга) и член семьи (самая близкая социальная роль). Для оценки степени толерантности и готовности местного населения к социальному включению приезжих в региональное и национально-государственное сообщество применены переменные, связанные с ролями «новых земляков-татарстанцев» и «новых россиян», характеризующие социальные отношения на дальней дистанции. Кроме того, в анализе межэтнических отношений в регионе замерялся параметр, отражающий готовность / неготовность принять представителя другой национальности в качестве руководителя республики.

Восприятие межкультурных контактов на разных социальных дистанциях. Суждения татарстанцев о желании взаимодействовать с представителями не своей национальности выявили примечательные различия в позициях этнических татар и русских. С одной стороны, на фоне спокойных межэтнических отношений между народами, традиционно проживающими в регионе, установлена значительная доля нейтральных оценок возможных контактов с другими в качестве коллег, соседей или друзей. Среди этнических русских такой позиции придерживаются 82–84% опрошенных, среди татар – 68–70%; кроме того, среди татар на 4–5% больше, чем среди русских, тех, кто настроен на такие контакты благожелательно. С другой стороны, каждый десятый русский(-ая) и почти каждый пятый татарин(-ка) заявили о нежелании вступать в такое социальное общение. Этническая граница, поддерживаемая татарами, становится еще более жесткой, когда речь заходит о желании видеть «других» по национальности в качестве супруга (супруги). Если нейтралитета по этому вопросу придерживаются две трети русских, а отвергают такую возможность

34%, то среди татар доля нейтральных высказываний составляет не более трети. Доминирующим для титульного этноса является нежелание вступать в брак с лицами другой национальности – 56,5%, причем половина из них придерживается подобного мнения с большой степенью категоричности (ответ «абсолютно не хотелось бы»). Полученные данные убедительно свидетельствуют о том, что наибольшую терпимость и открытость татарстанцы проявляют в отношении представителей других национальностей и приезжих на средней дистанции публичного общения – в роли коллеги, соседа, товарища. Показатель включения «других» в частный круг членов семьи и родственников – самый низкий.

Источник и характер этнокультурного многообразия имеет значение в конструировании образов «свои» и «чужие». Авторы более ранних исследований миграционной проблематики пришли к выводу, что в Татарстане, как и в некоторых других поликультурных территориях страны, – более слабая база «…для возникновения психологии «агрессивной бдительности» или «предупреждающего отмщения»…» в восприятии мигрантов [3; 287]. Это связывалось с привычной для сообщества этнической гетерогенностью региона, которая не оставляет места для антимиграционной враждебности; поскольку общество уже не гомогенно с этнической и религиозной точек зрения, значит, «здесь уже нечего терять» [3; 287]. Тем не менее, этнокультурная ситуация в регионе имеет сложный механизм регуляции и находится в непрерывной динамике. Представители других национальностей вызывают заметно меньше неприятия, чем приезжие; среди последних наибольшее недоверие вызывают иностранцы – самая представительная и динамично растущая категория мигрантов из Средней Азии и государств Закавказья. Если в отношении «других» по национальности местных жителей на средней дистанции позицию «отношусь нейтрально» разделяют 73–75% респондентов, то приезжих неместных национальностей из других российских регионов нейтрально воспринимают от 47 до 52%; иностранцев – лишь 40–44%. Если позиция нейтралитета на средней дистанции является преобладающей в отношении лиц других национальностей и прибывших соотечественников, то в отношении мигрантов-иностранцев выявлена значи-

тельная доля негативных установок (40–42,5% воспринимают эту категорию в качестве аутгруппы), составляющая заметную конкуренцию позиции толерантной сдержанности.

Территориальная дифференциация массовых установок. Явственно просматриваются территориальные контрасты восприятия «других» по национальности: доля жителей, разделяющих их неприятие, заметно выше на селе, чем в городе, соответственно, число сельчан, придерживающихся нейтральных позиций, заметно ниже, чем среди казанцев и жителей других городов республики. Так, доля не готовых видеть представителей других национальностей в качестве коллег, соседей, друзей на селе составляет 28–31%, тогда как в Казани – 8–11%, в других городах – 6–9%. Нейтральные установки преобладают во всех типах поселений, однако на селе их доля заметно ниже: колеблется от 54 до 57%, тогда как в городах она достигает 80–84%. Различия в готовности принять «других» по национальности на средней дистанции в столице Татарстана и других городах – не существенны и не превышают величину статистической погрешности. Вместе с тем, на себя обращает внимание тот факт, что мнения жителей села оказываются более поляризованными: если в городах доли желающих и не желающих видеть представителей иных национальностей в своем кругу оказываются приблизительно равными, то на селе сторонников открытости по отношению к «другим» в 1,5–2 раза больше, чем в городах, однако их доля вдвое меньше числа тех, кто настроен недоброжелательно.

Таблица 1

Отношение жителей разных типов поселений Республики Татарстан к представителям другой (не своей) национальности (в %)

Желание видеть представителя другой национальности в роли:		Село			Другие города			Казань		
		Хотелось бы	Нейтрально	Не хотелось бы	Хотелось бы	Нейтрально	Не хотелось бы	Хотелось бы	Нейтрально	Не хотелось бы
1	Коллеги по работе	14,2	56,6	29,2	6,4	84,1	9,5	8,6	82,4	9,1
2	Соседа по месту жительства	15,4	54,0	30,6	6,2	84,4	9,4	8,0	83,4	8,7
3	Друга	18,0	54,2	27,7	9,1	80,2	10,6	10,8	83,2	6,2
4	Супруга (супруги)	12,3	28,5	59,2	7,5	52,7	39,8	10,0	52,4	37,7
5	Будущего супруга (супруги) своих детей	11,6	28,5	59,9	7,2	51,6	41,3	9,8	51,0	39,1

Позиция «хотелось бы» в таблице дана по сумме ответов «очень хотелось бы», «хотелось бы» и «скорее хотелось бы»; позиция «не хотелось бы» – по сумме ответов «абсолютно не хотелось бы», «не хотелось бы» и «скорее не хотелось бы».

Поселенческие контрасты отчетливо дают о себе знать в самооценке готовности принять других на самой близкой социальной дистанции – желании видеть представителя иной национальности в роли супруга (супруги), а также брачных партнеров своих детей. Позиции казанцев и жителей других городов РТ весьма сходны и оказываются в целом толерантнее, чем суждения сельчан. Последние демонстрируют наиболее высокую степень неприятия представителей других национальностей – 59–60% (в городах эта доля ниже – 39–41%) и

самую низкую готовность сохранять нейтралитет – 28,5% (в городах, включая столицу, – 51–53%).

Объяснением полученных данных могут служить характеристики села и города как социально-территориальных общностей и различия присущих им образа жизни, мышления и поведения обитателей. Сельская общность, отличающаяся социокультурной однородностью, относительной замкнутостью, самодостаточностью первичных экспрессивных связей и приверженностью устоявшемуся укладу жизни, оказывается наименее предрасположенной к социальному включению «других». Этот феномен, воспроизводящийся даже в условиях высоко урбанизированных обществ позднего модерна, достаточно хорошо описан в классической и современной социологической литературе. В отличие от сельской общины город является компактным пространством активного социального взаимодействия различных групп общества: этнических, религиозных, политических, профессиональных, расовых. Социальное общение с «другими», особенно на уровне вторичных инструментальных связей, является для горожанина привычной средой жизнедеятельности в динамичном, конкурентном и обезличенном пространстве.

Восприятие внутренней и внешней миграций в разных типах поселений. Широко признанное социальными учеными заключение о присущей городу толерантности уточняется и дополняется социологическими данными о позиции респондентов в отношении приезжих-мигрантов – в результате картина межкультурных контактов становится более сложной, противоречивой и проблемной. В самооценке готовности местного населения взаимодействовать с приезжими в публичном поле и преимущественно на средней дистанции (в качестве коллеги, соседа и друга) просматривается ряд разнонаправленных тенденций. С одной стороны, по сравнению с отношением к представителям других национальностей вообще увеличивается доля готовых принять вновь прибывших во всех типах поселений; отчасти за счет этого снижается доля разделяющих нейтральные позиции (эта тенденция особенно выражена в городах и, прежде всего, в столице республики – г. Казани). С другой стороны, именно в

городах резко возрастает доля не согласных взаимодействовать с мигрантами. Данные свидетельствуют о том, что татарстанцы более терпимо относятся к присутствию соотечественников из других регионов России, чем к приезжим из Средней Азии и государств Кавказа.

Анализ данных об отношении местного населения к выходцам из регионов своей страны (представителям неместных национальностей) позволяет сделать вывод, что негативизм в отношении «других» на селе сохраняет свои количественные параметры: при преобладании придерживающихся нейтралитета (39–44%) сосуществуют поляризованные и приблизительно равные доли сельчан (около четверти) согласных и не согласных на социальное включение приезжих соотечественников. Этносоциальные процессы в городской среде развиваются иначе, в столице республики и других (провинциальных) городах имеют свою специфику. Как и на селе, на фоне снижения числа нейтральных суждений происходит увеличение доли согласных принять российских приезжих на средней социальной дистанции (например, в отношении социальной роли коллеги в Казани – с 9 до 15%, в других городах – с 6 до 20%). Предположительно согласие подпитывается как гуманистическими и либеральными установками, так и прагматическим расчетом «пользы», которую приносят трудовые мигранты. Однако заметнее оказывается более широкая распространенность интолерантных суждений: если в других городах их доля в отношении мигрантов в два раза превышает показатель, выявленный в отношении «других» по национальности, то в столице г. Казани рост негативизма составляет 3–5 раз. Парадоксальным образом среди разнообразных типов поселений республики не село, а региональная столица стала местом распространения наибольшего недоверия и даже ксенофобии в отношении приезжих. По большинству замеренных переменных доля несогласных принять мигрантов преобладает над противоположной точкой зрения.

Таблица 2

Отношение жителей разных типов поселений Республики Татарстан к приезжим (представителям неместных национальностей) из других регионов России (в %, за исключением затруднившихся ответить)

Отношение местных жителей к тому, чтобы приезжие из других регионов России стали:		Село			Другие города			Казань		
		Согласен	Нейтрально	Не согласен	Согласен	Нейтрально	Не согласен	Согласен	Нейтрально	Не согласен
1	Новыми земляками-татарстанцами	23,8	43,9	25,3	21,2	53,9	19,7	14,8	47,5	32,4
2	Коллегами по работе и сослуживцами	26,8	44,2	22,2	20,2	58,2	18,0	14,8	52,0	28,7
3	Соседями по дому или подъезду	23,5	40,6	28,7	18,4	55,0	22,7	12,0	52,5	30,2
4	Друзьями	25,1	38,7	28,7	20,9	49,8	24,2	15,5	50,1	26,8
5	Родственниками и членами семьи	17,1	27,4	47,1	12,3	40,3	39,1	10,8	34,5	48,4

Позиция «согласен» в таблице дана по сумме ответов «согласен» и «скорее согласен, чем не согласен»; позиция «не согласен» дана по сумме ответов «не согласен» и «скорее не согласен, чем согласен».

Выраженные проявления ксенофобии в столице республики, являющейся крупным и динамично развивающимся городом с населением более 1,1 млн. человек, безусловно, объясняются тем, что именно г. Казань и прилегающие к ней территории муниципальных районов являются местом основного притока приезжих, в том числе иностранцев – трудовых мигрантов из Узбекистана, Таджикистана, Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Украины и других стран. По данным УФМС по РТ за 2011 г. и государственной статистики, почти 70% разрешений на работу мигрантам из-за рубежа были оформлены в г. Казани [4]. Кроме того, столичный рынок труда оказывается пространством, предоставляющим широкие экономические возможности в регионе и, вместе с тем, является местом наиболее жесткой конкуренции за рабочие места, привлекательные условия труда, высокие заработки. Все это создает дополнительную миграционную нагрузку на локальный рынок труда и социальную инфраструктуру, усиливает соревнование за доступ к социальным благам в условиях воспринимаемого все более остро социально-экономического неравенства, широкого распространения неполной, нестандартной и теневой занятости местного населения и нарастающего ощущения социальной, экономической и правовой депривации.

Неслучайно наиболее явные признаки отторжения татарстанцы демонстрируют в отношении иностранцев – трудовых мигрантов из Средней Азии и государств Кавказа. Это становится особенно заметным в столице региона, где наблюдается самый низкий уровень согласия к социальному включению иностранцев, а толерантные установки и позиция неприятия на средней дистанции взаимодействия местных и приезжих в количественном отношении уравновешиваются. На дальней дистанции (в качестве новых россиян и земляков-татарстанцев) нейтралитет явно уступает негативным установкам. Частная сфера семейно-родственных отношений оказывается наиболее закрытой для представителей аутгрупп во всех типах поселений.

Таблица 3

Отношение жителей разных типов поселений Республики Татарстан к приезжим из Средней Азии и государств Кавказа (в %, за исключением затруднившихся ответить)

Отношение местных жителей к тому, чтобы приезжие иностранцы стали:		Село			Другие города			Казань		
		Согласен	Нейтрально	Не согласен	Согласен	Нейтрально	Не согласен	Согласен	Нейтрально	Не согласен
1	Новыми россиянами	9,0	34,2	47,1	10,9	44,1	39,2	7,7	30,2	55,5
2	Новыми земляками-татарстанцами	9,4	34,0	47,3	10,0	44,1	40,4	6,9	33,7	53,9
3	Коллегами по работе и сослуживцами	11,5	36,2	43,9	11,9	49,2	34,1	8,3	44,3	42,5
4	Соседями по дому или подъезду	10,1	36,0	45,4	9,1	49,2	36,4	7,7	43,7	44,3
5	Друзьями	11,4	31,9	48,1	11,6	44,9	37,5	9,6	40,8	43,0
6	Родственниками и членами семьи	5,4	18,3	65,7	6,9	29,2	56,3	6,0	23,7	63,3

Позиция «согласен» в таблице дана по сумме ответов «согласен» и «скорее согласен, чем не согласен»; позиция «не согласен» дана по сумме ответов «не согласен» и «скорее не согласен, чем согласен».

Возникает вопрос, почему на средней дистанции социального общения с иностранцами (как сослуживцами, соседями и даже друзьями) уровень негативизма в Казани не является столь же высоким, как установленный для «дальних» социальных ролей? Полученные в ходе опроса данные идут вразрез с логикой, предполагающей, что, «чем ближе социальные контакты с «другими» («чужими»), тем значительнее сила отторжения», и, наоборот, чем больше социальная дистанция, тем выше уровень нейтралитета и терпимости. Подсказкой к объяснению может служить представление татарстанцев о наиболее уместном варианте политики, которой следует придерживаться в отношении приезжих иностранцев: многие (43%) высказались за разрешение только временного проживания в России. Пятая часть полагает, что въезд в страну вообще должен быть запрещен; значительная доля – около трети опрошенных – затруднилась с ответом; лишь 6% поддержали идею содействия укоренению приезжих в стране. Нельзя не обратить внимание то, что в г. Казани при меньшей доле жителей, не определившихся с ответом, более половины горожан допускали возможность лишь временного присутствия иностранцев, доля готовых согласиться со стратегией натурализации – насчитывала менее 4%; вместе с тем, настаивающих на запрете въезда было на 10% меньше, чем на селе, и не больше, чем в среднем по республике. Приведенные данные означают, что казанцы признают пользу, которую приносят городу трудовые мигранты (способность выполнять тяжелую, неквалифицированную и малооплачиваемую работу, не востребованную местным населением, высокую трудовую мотивацию и работоспособность), и готовы извлекать выгоду от их временного присутствия рядом. Но когда озвучивается вероятность получения приезжими равных прав, обязанностей и статуса, предполагается возможность конкуренции на равных условиях в национальном и региональном масштабах, настроения ксенофобии безоговорочно берут верх.

Позиции представителей двух крупнейших этнических групп в республике – татар и русских – в отношении приезжих в значительной степени сходны. Бóльшая терпимость и открытость проявляются по отношению к соотечественникам, прибывшим из других регионов России, а не мигрантам-иностранцам. Если в отношении первых на дальней и средней дистанции социального взаимодействия доминируют нейтральные суждения, то во втором случае заметно возрастает доля отрицательных установок, которые по своей частоте приближаются к нейтральным оценкам, а в ряде случаев превосходят их; по ряду замеренных переменных (дальние социальные роли «новых россиян» и «земляков-татарстанцев») – оказываются доминирующими. Вдвое снижается распространенность ориентаций на социальное включение приехавших из-за рубежа. Вместе с тем, имеют место некоторые нюансы в позициях этнических русских и татар. В отношении мигрантов неместных национальностей из других регионов России татары демонстрируют чуть больше (на 5%) доверия и готовности к социальному взаимодействию на средней дистанции, чем русские, однако в частной жизни (дружеской и семейной среде) оказываются более закрытыми, заметно уменьшается доля настроенных нейтрально и увеличивается число негативных установок (их на 7% больше, чем у русских).

Иностранцы из Средней Азии и государств Кавказа не вызывают расположения и доверия жителей региона не только на ближней, но и на дальней дистанции общения, однако примечательны более высокие (на 17%) показатели сдержанной нейтральности в оценке татарами перспективы натурализации приезжих – возможности стать российскими гражданами. Это объясняется тем, что интересы значительной части этнических татар сфокусированы на «своем» регионе, республиканская лояльность у них выражена особенно отчетливо, поэтому бóльшую озабоченность и недовольство вызывает вероятность видеть мигрантов-иностранцев в республике в качестве земляков-татарстанцев. В целом в оценке политики, которая была бы оправданной в отношении приезжих из-за рубежа в России, татары несколько чаще высказываются за запретитель-

ные меры, поэтому их число среди допускающих временное проживание мигрантов в России на 9% меньше, чем среди русских.

Значение переменной «наличие / отсутствие опыта общения с приезжими». По данным опроса, не все жители республики имеют непосредственный опыт общения с приезжими из государств Средней Азии и Кавказа – таковых около 51%. В связи с этим представляется уместным рассмотрение того, в какой степени отношение местного населения к мигрантам обусловливается имеющимся или отсутствующим опытом личного общения. Безусловно, среди тех, кто еще не приобрел опыт взаимодействия с мигрантами, в два-три раза больше затруднившихся с ответом на вопрос в духе подхода Э. Богардуса (7–10%), однако полученные данные позволяют установить ряд примечательных закономерностей.

Независимо от наличия опыта в отношении приезжих неместных национальностей из других регионов России на средней и дальней дистанции в целом преобладает нейтральная сдержанность, на ближней дистанции довлеет настроенность на социальное исключение «чужаков». При этом просматривается следующая тенденция: имеющие опыт социального общения с мигрантами по всем фиксируемым переменным демонстрируют бóльшую готовность к их социальному включению или нейтральные установки, соответственно, меньший негативизм, чем те жители региона, которые еще не обрели опыт личных контактов. Например, не обладающих опытом общения на 5% меньше, чем обладающих таким опытом, согласных принять приезжих соотечественников в качестве коллег и соседей, на 7% меньше – в роли друзей, на 9% больше – не желающих дружить с приезжими из других регионов страны.

При сходстве основных тенденций распределения мнений имеющих и не имеющих опыт общения с нерусскими приезжими из государств Средней Азии и Кавказа на дальней дистанции – доминирующей позицией, разделяемой почти половиной опрошенных, является социальное отторжение мигрантов-иностранцев – восприятие контактов на средней и ближней дистанции имеет примечательные особенности.

Таблица 4

Отношение жителей Республики Татарстан,
имеющих и не имеющих опыт общения с мигрантами,
к приезжим из Средней Азии и государств Кавказа
(в %, за исключением затруднившихся ответить)

Отношение местных жителей к тому, чтобы приезжие иностранцы стали:		Имеющие опыт общения с нерусскими приезжими из государств Средней Азии и Кавказа			Не имеющие опыта общения с нерусскими приезжими из государств Средней Азии и Кавказа		
		Согласен	Нейтрально	Не согласен	Согласен	Нейтрально	Не согласен
1	Новыми россиянами	11,7	37,2	46,9	6,8	35,3	48,1
2	Новыми земляками-татарстанцами	11,2	38,9	46,3	6,5	36,0	48,7
3	Коллегами по работе и сослуживцами	13,2	45,6	38,0	8,3	40,2	43,7
4	Соседями по дому или подъезду	10,7	46,1	39,9	7,2	38,9	45,5
5	Друзьями	13,1	44,9	38,0	9,1	33,4	48,4
6	Родственниками и членами семьи	8,4	28,0	58,9	3,9	19,3	65,3

Имеющие опыт общения настроены чуть более доброжелательно, на средней дистанции социальных контактов превалируют нейтральные установки, которые встречаются на 7–8% чаще, чем негативные реакции. Татарстанцы, не имеющие опыта социального общения с мигрантами-иностранцами, напротив, чаще демонстрируют неприятие и неготовность к взаимодействию; отторжение усиливается по мере сокращения социальной дистанции – становится максимальным в оценке возможности породниться с приезжими. Вместе с тем, как это уже отмечалось ранее, внимание привлекает выраженный негативизм в

отношении во многом абстрактных «воображаемых» связей в качестве соотечественников и земляков-татарстанцев, не требующих личного знакомства и соприсутствия.

Дискурсные репрезентации миграционных процессов: тематические приоритеты газетной прессы. Значимой задачей данной статьи также является анализ типичных способов репрезентации миграционной тематики, содержания миграционного дискурса в татарстанской газетной прессе (внимание сфокусировано на периоде продолжительностью в один календарный год – с марта 2013 по февраль 2014 года). Он позволяет определить, насколько правомерны претензии и обвинения в эскалации интолерантности, адресуемые СМИ.

Для исследования публикаций в 12 общественно-политических изданиях Татарстана*, выходящих преимущественно на русском языке, была применена качественно-количественная стратегия, соединившая возможности дискурс-анализа с элементами количественной оценки (контент-анализа) массива сообщений прессы. Подобный подход позволил наряду с выявлением статистических закономерностей, характеризующих выборочную совокупность, раскрыть «идеологию» медиасообщений, типичные репертуары и приёмы репрезентации миграционной проблематики в газетной прессе Татарстана. Предметом изучения стали все публикации, в которых упоминаются мигранты и миграция, а также вопросы, связанные с ксенофобией, толерантностью/интолерантностью, межэтническими отношениями, расизмом, экстремизмом и терроризмом. Всего в вышеуказанный период продолжительностью в один календарный год для изучения было отобрано 207 статей.

Анализ названий рубрик, в которых размещены статьи, свидетельствует о том, что изучаемая тема вышла за рамки какой-либо одной или нескольких сфер жизни республики и страны (соответственно, и за рамки отдельных рубрик – «Транспорт», «Криминал», «Политика», «Медицина» и под.), имеет от-

* В выборку вошли следующие газеты: «Бизнес Online», «Ва-Банкъ в Казани», «Вечерняя Казань», «Звезда Поволжья», «Известия Татарстана», «Казанские ведомости», «Комсомольская правда-Татарстан», «Молодёжь Татарстана», «Московский комсомолец» в Татарстане, «Республика Татарстан», «Татарстан Яшьлэре», «Электронная газета Республики Татарстан».

ношение к самым разным, буквально всем аспектам жизнедеятельности социума. Поэтому чаще всего материалы публиковались в рубрике «Общество», встречающейся во многих изданиях, а также в разделах «Новости», «События. Комментарии», «Картина дня», «Интернет-дайджест». Среди наиболее представительных тем, звучавших в сообщениях журналистов, можно выделить следующие (перечисляются в порядке убывания частоты упоминания):

1) незаконные проживание и работа мигрантов на территории страны, нарушение ими правил въезда в страну, режима проживания и трудового законодательства; организация государством надзора, проведение рейдов и операций по предупреждению и выявлению преступлений, совершаемых мигрантами, деятельность УФМС России по РТ, прокуратуры, полиции, судебных приставов по составлению административных протоколов, наложению штрафов, депортации на родину; статистика постановлений судов о препровождении мигрантов в специальные учреждения и выдворении из РТ и страны;

2) информация об «этнической преступности» и уголовных преступлениях, совершённых мигрантами в РТ и на территории РФ, – убийствах, разбойных нападениях, грабежах, изнасиловании, драках[*];

3) выявление так называемых «резиновых квартир» (*«берлог» нелегалов* (III)), фактов незаконной регистрации иностранцев из ближнего зарубежья в казанских квартирах, информирование об ответственности владельцев жилья, жилищных организаций и миграционной службы, возбуждение уголовных дел по статье «организация незаконной миграции» и вынесение приговоров, снятие незаконно зарегистрированных иностранцев с миграционного учёта, составле-

[*] Среди них события, ставшие резонансными: убийство Василисы Галициной в г. Набережные Челны, убийство местного десантника в г. Пугачёве Саратовской обл., убийство Е. Щербакова в Москве и «народные волнения» в Бирюлёво, повлекшее смерть избиение М. Ефремовой в Санкт-Петербурге, конфликт между местной молодёжью и приезжими в г. Нурлат РТ и другие. Сообщения о конкретных криминальных происшествиях, виновниками и участниками которых стали приезжие, встраиваются в более широкий контекст темы «этнической/иностранной преступности» и усиливаются им с точки зрения эффекта воздействия на аудиторию. Хотя начальник УФМС по РТ С.В. Чепуштанов констатирует, что за 2013 год в Татарстане иностранцами совершено 359 преступлений, что на 9% меньше, чем в предыдущем году, а 236 преступлений совершено в отношении самих иностранных граждан (I), информация из Москвы от главы ФМС России К.О. Ромодановского звучит тревожно: «сейчас в столице иностранцы совершают каждое пятое преступление» (II).

ние на них административных протоколов с перспективой выдворения за повторное нарушение;

4) актуальная статистика численности мигрантов в Казани, Набережных Челнах и в целом в РТ, динамика миграционного притока по сравнению с предшествующим годом, география стран исхода, статистика разрешений на работу и приглашений по региону, сумма собираемого налога на доходы физических лиц по трудовому патенту (отмечается, что *сегодня Республика Татарстан находится на третьем месте в Поволжье по количеству мигрантов* (IV));

5) обсуждение присутствия мигрантов на российском рынке труда, оценка интенсивности конкуренции иностранцев с местными работниками, ориентация на предоставление рабочих мест гражданам страны, обоснование необходимости привлечения мигрантов в РТ, прежде всего специалистов с высокой квалификацией;

6) угрозы распространения нетрадиционного ислама и его радикальных проявлений, причастность мигрантов к проникновению в Татарстан чуждых идеологических течений и экстремистских организаций, ограждение татарских мусульман от влияния радикалов и укрепление мусульманской уммы республики, значимость популяризации татарского богословского наследия, профилактики экстремизма и противодействия терроризму («*Ни для кого не является секретом, что распространение нетрадиционных мусульманских течений связано в основном с мигрантами», – высказывание ректора Российского исламского университета Рафика Мухаметшина* (V));

7) ответственность работодателей и применение штрафных санкций в отношении компаний, незаконно привлекающих трудовых мигрантов, уголовная ответственность и судебное преследование работодателей за нарушение закона, потребность работодателей и бизнеса в иностранной рабочей силе, неприятие тенденции к сокращению квот на привлечение иностранных работников, критика затяжного механизма привлечения рабочей силы из-за рубежа, создающего проблемы для инвесторов;

8) влияние миграционного притока в республику на состояние межэтнических отношений в регионе и стране (по выражению президента РТ Р.Н. Минниханова, «*на сегодня миграция стала одной из главных проблем межнациональных отношений. Эта тонкая и деликатная сфера требует грамотного и взвешенного подхода*» (VI));

9) квалификация, профессиональная пригодность и дисциплина водителей-мигрантов, состояние городского автотранспорта и его безопасность, ДТП с участием водителей-мигрантов, ход судебного разбирательства и вынесение приговора (VII).

В статьях республиканской прессы также регулярно освещались: миграционная политика в стране и регионе; стратегия адаптации мигрантов и работы с ними в республике; статистика и динамика численности мигрантов в России и её столице; конфликты местного населения с приезжими в г. Нурлате и с. Курманаево Нурлатского района и в более широком плане – причины неприятия местными приезжих и озабоченности россиян миграционным вопросом; высокие показатели распространения социально опасных и инфекционных заболеваний среди мигрантов и исходящая от них эпидемиологическая угроза; позитивная и негативная роли этнических диаспор и земляческих связей мигрантов в регионе и стране; роль СМИ и Интернета в освещении миграционных вопросов и эскалации ксенофобии и экстремизма.

Образ мигранта в республиканской прессе: дешёвая рабсила, преступник, чужеземец? Как показывает тематический анализ, публикации татарстанских газет не фокусировались исключительно на регионе – почти треть материалов была обращена к ситуации в стране в целом. Республика Татарстан как место действия фигурировала так же часто, как и столица – г. Казань; среди других населённых пунктов в связи с резонансными событиями внимание привлекли г. Набережные Челны (убийство школьницы В. Галициной), г. Нурлат и село Курманаево (конфликты местных с выходцами из Таджикистана и с Кавказа). Несмотря на гетерогенность миграционного притока, пресса чаще всего писала о мигрантах вообще, прежде всего о прибывающих в Татарстан: в силу

структуры миграций в республику не удивительно, что наибольшее число статей посвящено иностранцам из ближнего зарубежья – Узбекистана, Таджикистана, Азербайджана, реже упоминаются «кавказцы» из других регионов РФ и приезжие из стран дальнего зарубежья.

С помощью контент-анализа предполагалось установление отношения к приезжим по формализованной шкале: «позитивное» – «нейтральное» – «негативное» – «не применимо» (к рассматриваемой статье). Оказалось, что более половины публикаций в выборке не содержат каких-либо оценочных суждений в адрес мигрантов, хотя в большинстве случаев сюжет рассматривался в проблемном ключе. Выявлено 38 статей, в которых «читается» негативное отношение к мигрантам, и такое же число сбалансированных/нейтральных материалов. Позитивно окрашенных статей оказалось в два раза меньше (16 статей). В тематических приоритетах и выраженном негативизме публикаций проявляется стратегия «сокрытия» (по Дж.Б. Томпсону [5; 261]).

Образ мигранта раскрывается в лексике, которая используется прессой. Количественный анализ содержания репортажей показал, что безоговорочным лидером по числу упоминаний (их более 600) является определение *мигрант*, звучавшее в очень разных значениях и контекстах, как нейтральных, так и негативных: *трудовые мигранты*, *законные и незаконные узбекские мигранты*, *нежелательный*/*неорганизованный*/*заражённый мигрант*. Наименования *иностранец* и *гастарбайтер* (соответственно около 130 и 120 упоминаний) заметно уступают категории *мигрант* по частоте использования, но применяются чаще, чем негативное *нелегал* / *нелегальный мигрант*, официальное *иностранный гражданин* и ёмкое понятие *приезжие*. В словарь газетной прессы входят и такие определения, как *граждане* (например, *бывших союзных республик*), *иностранная рабочая сила*, *иностранные работники*, *выходцы* (например, *из стран СНГ*), *уроженцы Узбекистана* (или иных стран и территорий), *таджики*, *узбеки*, а также *водители* и т. п.

Социальный портрет мигранта в татарстанской прессе противоречив и размыт. С одной стороны, он определяется такими нелестными характеристи-

ками, как *лицо неславянской наружности*, *малообразованный и цивилизационно чуждый иммигрант*, *люди без образования и с низкой квалификацией*, *люди, которые забирают рабочие места* (*штрейкбрехеры*), *нарушитель*, *убийца*, *преступник*, *подсудимый*, *контейнер для героина*, *носитель ВИЧ-инфекции*. С другой стороны, реже упоминается, что приезжие – это *профессионалы*, *одни из лучших специалистов в Восточной Европе и странах СНГ*, *партнёры*, *гости*, *соседи*, *братья-мусульмане*. Однако общий тон задают не толерантные и доброжелательные по отношению к приезжим материалы, а насторожённые и алармистские публикации, даже если они не являются превалирующими.

Примечательно, что степень и характер негативизма различны и варьируют от экспрессивной враждебности («*Они готовы жить, как тараканы, по 15 человек в одном подвале или бытовке и питаться чуть ли не теми же тараканами»* (VIII)) до имеющей рациональное объяснение отрицательной установки на соблюдение дистанции («*Понятно, что не все приезжие из бывших братских республик в России крадут, убивают, насилуют, торгуют наркотой... <…> Однако даже самые безобидные и законопослушные из них могут быть опасны иногда даже потому, что на родине им не сделали элементарных прививок от гепатита или полиомиелита*» (IX)).

Не только журналисты, но и влиятельные политики, ответственные чиновники, профессионалы, эксперты научного сообщества, представители местного населения вносят вклад в конструирование неоднозначного и в целом негативного имиджа «мигранта вообще». В подобном абстрактном образе можно видеть результат действия дискурсной стратегии негативной «унификации» (по Дж. Томпсону [5; 262]): различия, существующие между многообразными категориями приезжих, нивелируются, отрицательные коннотации («нелегальщины», инородного, опасного) переносятся на всех приехавших. Более пристальный и избирательный журналистский взгляд, однако, замечает специфику отдельных групп приезжих: иностранных студентов, членов этнических диаспор, связанных с национально-культурными автономиями Татарстана, добросовестных водителей общественного транспорта Казани, которые *ведут себя на доро-*

гах куда аккуратнее казанских коллег (Х). К ним не применим стереотипный образ «мигранта вообще», отношение становится не только терпимым, но и доброжелательным.

Акторы социального взаимодействия в миграционном поле. Количественно-качественная стратегия анализа содержания газет РТ позволила составить перечень социальных акторов, взаимодействующих с приезжими (и упоминаемых в публикациях), и найти среди них наиболее значимых и влиятельных. Выявление агентов, действующих в системе миграционных отношений, даёт возможность определить основных участников миграционных практик, связанных с социальными институтами производства медиадискурса (интрадискурсов). Кроме того, важно раскрыть характер отношений между ними и наличие иерархии/симметрии власти и статусов, влияющих на степень согласованности или конфликтности миграционного интердискурса в стране и регионе.

Список акторов социального взаимодействия с мигрантами оказался весьма обширным[*], он имеет глобальное, международное, национальное, региональное, местное и личностное измерения. На глобальном, международном уровне он включает ООН (например, Отдел народонаселения Департамента ООН по экономическим и социальным вопросам – источник свежей статистики мировых миграций и информации о высоком уровне миграционного притока в РФ), Евросоюз, Всемирный банк и другие международные организации, власти государств, из которых мигранты прибывают в Россию и Татарстан, посольства этих стран на территории России. В национальном масштабе представлена вся вертикаль государственной власти в стране – сверху донизу в единстве трёх её ветвей, начиная с Президента и Председателя Правительства РФ, охватывая региональное руководство и заканчивая муниципальными структурами. Миграционный вопрос затрагивает деятельность многих министерств и ведомств, политических партий, научного и экспертного сообществ, бизнеса, религиозных и

[*] Справочник «Миграционное поле России» содержит информацию об исследовательских организациях и университетах, некоммерческих организациях, структурах ФМС, представительствах иностранных и международных организаций, экспертах как субъектах, занимающихся миграционными исследованиями в нашей стране [6].

общественных организаций и простых граждан. Эффекты миграции в современной России повсеместны – они проявляются на рынке труда, в социальной сфере, религиозных практиках, межэтнических отношениях и частной жизни. Но какие акторы можно назвать центральными, влияющими на содержание миграционного дискурса?

Принято считать, что основным агентом, отвечающим за миграционную ситуацию, являются ФМС России и региональные управления этой службы. Однако, если судить по газетным публикациям, правоохранительные органы (структуры МВД) упоминаются в полтора раза чаще, что требует своего объяснения. Другими активными участниками взаимодействия с приезжими в зеркале прессы, заметно уступающими по числу упоминаний, являются *местные жители*, *россияне, просто граждане* и *работодатели*/*бизнесмены*. Кроме того, в материалах регулярно присутствуют упоминания прокуратуры и других надзорных органов, судов разного уровня и компетенции. Нельзя считать случайным упоминание *национальных диаспор* (*общин, сообществ*), получающих также и нелестные наименования, например *мигрантский анклав* или *чайнатаун* (в связи с выходцами из Китая). Поскольку бóльшая часть публикаций посвящена миграции в РТ, освещается деятельность не только федеральных властей, но и Президента РТ, Исполкома г. Казани и её *градоначальника*, местных властей. На страницах и сайтах газет часто приводятся мнения и комментарии учёных и компетентных экспертов; не остаётся незамеченным вклад СМИ, Интернета и социальных сетей в медиацию миграционных отношений.

Дискурс-анализ публикаций позволяет выделить следующие типы интрадискурса, репрезентируемые в прессе: «официальный», производимый государством и прежде всего ФМС, правоохранительными и надзорными органами; «научно-экспертный», создаваемый комментариями учёных и специалистов; «хозяйственно-предпринимательский» – выражающий интересы работодателей и бизнеса. Последний в силу своей разнородности в ряде случаев поддерживает государственные инициативы, в других – озвучивает свои интересы (прежде всего связанные с упрощением механизма привлечения иностранной рабочей

силы). В этом контексте возникают вопросы: имеют ли дискурсивное выражение мнения и настроения простых граждан и местного населения? Являются ли сами мигранты участниками диалога и субъектами миграционного дискурса?

Озабоченность россиян миграционным вопросом недвусмысленно обозначается журналистами в татарстанской прессе, в том числе посредством редакционных и журналистских опросов и данных массовых социологических обследований, предоставляемых общероссийскими службами по изучению общественного мнения (XI–XII). Как показывает анализ статей, зачастую негативизм журналистской риторики оказывается отражением антимиграционных настроений, существующих среди жителей региона и граждан страны. Вместе с тем очевидно, что трудовые мигранты практически не имеют права голоса в информационном медиаполе; ясно также, что «мигранты вообще», представляющие собой символический конструкт, не могут быть действующим актором. Статей, в которых иностранные работники могли бы рассказать о своей жизни в России и республике, крайне мало; в единичных публикациях насущные проблемы приезжих почти не поднимаются. Редкие репортажи такого рода в Татарстане носят преимущественно комплиментарный характер, в них подчёркиваются привлекательные стороны пребывания в республике: благоприятный климат межэтнических отношений, сбалансированная региональная политика по поддержанию межкультурного мира и согласия, близость тюркских и мусульманских народов, то есть местного татарского населения и приехавших из Средней Азии.

Между тем отдельные немногочисленные категории мигрантов (например, иностранные студенты) являют собой пример иного рода. Уместность их пребывания в республике и стране не ставится под сомнение, мнения учащихся из-за рубежа хотя и не часто, но озвучивается в СМИ. Создание в Казани Ассоциации иностранных студентов и аспирантов, готовность к разработке Республиканской концепции по работе с зарубежными студентами, поддержанной на уровне Президента Татарстана, подтверждают открытый характер образовательной и молодёжной политики в регионе и особый социальный статус этих учащихся, избежавших наклеивания ярлыка «мигранты» (XIII).

Субъектом публичного диалога от имени приезжих отчасти выступают этнические диаспоры, но их деятельность оценивается неоднозначно. В общероссийском контексте этнические сообщества и так называемые «безнаказанные диаспоры» рассматриваются как экстерриториальные анклавы или потенциальные территории конфликтов с местным населением: *Объединённые в крепкие землячества выходцы из ближнего зарубежья продолжают жить обособленно и зачастую нарушают российские законы* (II). Татарстанская репрезентация этнических/национальных диаспор имеет специфику – в диаспорах склонны видеть ключевой институт адаптации и интеграции мигрантов в местное сообщество, а также инструмент поддержания этнокультурной идентичности этнических меньшинств, включая иммигрантов.

Газета «Молодёжь Татарстана» опубликовала в 2013 г. серию из 20 радушных статей, посвящённых диаспорам республики, не делая различий между титульными национальностями России (марийцами, чувашами) и народами, имеющими собственные национальные государства (армянами, таджиками, корейцами, евреями и др.). На фоне размашистой экспрессивности региональных выпусков федеральных изданий «Комсомольская правда» и «Московский комсомолец» нельзя не отметить более корректный и сдержанный характер публикаций татарстанской печати, переходящий, однако, в ряде случаев в одностороннюю, дозированную и сугубо комплиментарную подачу информации.

Заключение. Предпринятый анализ позволяет внести серьёзные коррективы и дополнения в образ «интолерантных СМИ» России (на примере Республики Татарстан). Хотя число газетных публикаций, в которых обозначается положительное отношение к мигрантам, более чем в два раза уступает количеству негативных материалов, в основном массиве статей авторы и редакции не выражают какой-либо позиции в отношении приезжих. Во многих случаях напряжённая тональность материалов является выражением предубеждений, фобий и нетерпимости к «другим», существующих среди массовых слоёв населения, чиновников, учёных и политиков разного ранга (хотя личная пристрастность автора материала тоже не может быть списана со счетов).

В дискурсном пространстве действуют стратегии «сокрытия» и «унификации» (по Дж. Б. Томпсону). Конструируемый СМИ образ «мигранта вообще» с помощью «унификации» наделяет приезжих коллективной идентичностью (скорее воображаемой), что даёт возможность символически перенести негативные значения, связанные с нелегальной миграцией, на всех «чужих». Не случайно объектом ксенофобии становятся не только иностранцы, но и выходцы из других регионов России, прежде всего «кавказцы». «Сокрытие» позволяет возложить вину за нарушения миграционного и трудового законодательства исключительно на мигрантов, освободив от ответственности других акторов, заинтересованных в их эксплуатации: *недобросовестных работодателей*, коррумпированных чиновников, местных жителей, использующих труд приезжих в своих интересах. Проблемы российского общества (неудовлетворённость населения ростом цен, эскалация экстремизма, сокращение социальных обязательств государства, демографический кризис, нехватка рабочих рук и др.) благодаря дискурсному приёму «сокрытия» становятся *проблемой мигрантов* (XIV).

Образ интолерантных по отношению к мигрантам СМИ закрепляется в силу действующих в информационном поле законов и профессиональных стандартов: в современных конкурентных рыночных условиях лучше продаются, привлекают внимание массовой аудитории и запоминаются эмоционально заряженные и сенсационные репортажи. Не случайно уголовные преступления (убийства, грабежи, изнасилования и другие), совершённые приезжими, обязательно находят заметное место на газетных площадях, приобретают резонансное звучание. По справедливому мнению эксперта Фонда «Общественное мнение», «*приезжих больше боятся, потому что СМИ тиражируют негативные последствия трудовой миграции и обращают много внимания на преступления, которые совершают мигранты*» (XI).

Складывающаяся в итоге тревожная медиакартина уголовной «этнической преступности» подкрепляется доминирующим в прессе рестриктивно-репрессивным миграционным дискурсом. Он выражается в тематических приоритетах публикаций и узнаваем по характерной лексике: *пресечение наруше-*

ний, *проведение проверок*, *рейдов и операций*, *зачистка*, *административный протокол*, *штрафование*, *дактилоскопирование*, *проверка по базам данных розыска*, *привлечение к ответственности*, *амнистия*, *выдворение/депортация*. В таком контексте мигранты воспринимаются как правонарушители, аудитории СМИ не трудно поверить в тезис об угрозах «этнической преступности».

Как было отмечено выше, непосредственными субъектами взаимодействия с мигрантами, имеющими голос в СМИ, являются ФМС и её территориальные управления, правоохранительные органы, прокуратура как осведомлённые источники информации, главные действующие лица миграционных отношений, обладатели легитимных полномочий по применению насилия от имени государства. Другие субъекты миграционных практик – правозащитники, учёные, работодатели – не в состоянии конкурировать с этим влиятельным актором, к тому же они в большей или меньшей степени поддерживают точку зрения государственных структур. Однако миграционный интердискурс в прессе не является гомогенным, отличительные позиции второстепенных по влиянию акторов создают эффект его слабо выраженной сегментации. Татарстанская риторика о миграции в целом воспроизводит общероссийские рестриктивно-репрессивные репертуары, но способы репрезентации темы корректируются с учётом относительно более благоприятной миграционной ситуации в Татарстане и потребности в поддержании гармонии межэтнических и межконфессиональных взаимодействий в поликультурном регионе, в котором согласие между народами и толерантность стали узнаваемым политическим и экономическим брендом.

Вышеприведенные социологические данные являются неоспоримым подтверждением фактов ксенофобии, шовинизма и нетерпимости среди значительной массы местного населения, наблюдаемых и в других регионах России. Было бы неверным сводить проблему исключительно к состоянию межэтнических и межрелигиозных отношений, стойкому воспроизводству этнических предрассудков или усугублению исламофобии в условиях нарастающих террористических угроз. Объяснение сложных механизмов межкультурного взаимодействия

и производимых ими эффектов не может быть одномерным. Во внимание должны приниматься не только этнокультурные, но и социально-экономические и политико-правовые детерминанты – значение относительной социальной депривации массовых слоев населения и формирование новых классовых и статусных иерархий в российском социуме, неоднозначная реакция различных секторов общества на стремительные социальные и культурные изменения в условиях глобализации и все большей проницаемости национальных границ, размывание устойчивости локальных жизненных миров под влиянием беспрецедентной открытости и динамичности социальных практик в мировом сообществе начала XXI столетия. Новый социальный контекст межкультурного взаимодействия актуализирует значение региональной этнокультурной политики и инициатив в интересах обеспечения культурных свобод, социальной справедливости и гражданского единства.

Источники

I. Мушкина И. У миграции разные лица // Республика Татарстан. – 2014. – 17 января.

II. Егоров А. Мигрантам хотят разрешить въезд в Россию только по приглашениям // Комсомольская правда – Татарстан. – 2013. – 24 мая.

III. Тарасов С. Ну, нелегал, погоди! [Электронный ресурс] // Интертат.ру. – URL: http://ipad.intertat.ru/ru/obschestvo/item/23022-nu-nelegal-pogodi.html (дата обращения: 20.01.2015).

IV. За 10 месяцев года на миграционный учёт в Казани поставлено более 90 тыс. человек [Электронный ресурс] // Казань: официальный портал города. – Новости. – 2013. – URL: http://www.kzn.ru/news/41739-za-10-mesyatsev-goda-na-migratsionnyj-uchet-v-kazani-postavleno-bolee-90-tys-chelovek (дата обращения: 24.05.2015).

V. Якушева Ф. Миграционная акклиматизация // Республика Татарстан. – 2013. – 6 ноября.

VI. Миграция. Плюсы и минусы // Республика Татарстан. – 2014. – 27 фев.

VII. Кириллова М. Водитель «бешеного» автобуса осуждён // Республика Татарстан. – 2013. – 17 декабря.

VIII. Бруснев М. Бизнес просит амнистии для мигрантов // Комсомольская правда – Татарстан. – 2013. – 31 окт. – 7 ноября.

IX. Реут Т. Какая у нас экономика – такие и гастарбайтеры // Комсомольская правда – Татарстан. – 2013. – 4 июня.

X. Замилова А. Водители-мигранты ездят аккуратно, потому что местом дорожат // Казанские ведомости. – 2013. – 6 марта.

XI. Россияне опасаются мигрантов // Республика Татарстан. – 2013. – 30 авг.

XII. Граждане назвали острые проблемы // Республика Татарстан. – 2013. – 7 сент.

XIII. Чеснокова Е. Особенности международной учёбы // Республика Татарстан. – 2013. – 14 мая.

XIV. Сабиров Р., Кудрявцев С. Около трети татарстанцев отрицательно относятся к мигрантам // Бизнес Online. – 2013. – 18 дек.

Литература

1. Этничность, религиозность и миграции в современном Татарстане / под ред. Р.Г. Минзарипова, С.А. Ахметовой, Л.Р. Низамовой. Казань: Казан. ун-т, 2013. – 267 с.

2. Татарова Г.Г. Методология анализа данных в социологии (введение) / Учеб. пособие для вузов. – М.: Изд. дом «Стратегия», 1998. – 224 с.

3. Региональное измерение трансграничной миграции в Россию / Науч. ред. С.В. Голунов. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 351 с.

4. Миграционный прирост в 2011 г. // База данных БДМО / Федеральная служба государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst92/DBInet.cgi, (дата обращения 1.10.2012).

5. Томпсон Дж. Б. Идеология и современная культура // Назаров М.М. Массовая коммуникация и общество. Введение в теорию исследования. – М.: Аванти плюс, 2003. – С. 257–264.

6. Миграционное поле России. – М.: Спецкнига, 2013. – 368 с.

3.2. Православие и православные в Республике Татарстан: социологический портрет

В истории развития православия Татарстана можно выделить три ключевых этапа. Во-первых, с 1552 года в результате завоевания Казанского ханства Русским государством православие получило широкое распространение, и в 1555 году учреждается Казанская епархия. К 1917 году вотчина Казанской епархии ограничивалась Казанской губернией и насчитывала почти 800 церквей и 27 монастырей. Во-вторых, этап, связанный со сменой идеологии, политического строя и экономической системы после Октябрьской революции. Это были сложные времена для всей Русской православной церкви: 20 января 1918 года Советом Народных Комиссаров РСФСР был принят Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви, в начале 1921 года закрывается Казанская духовная академия. Послереволюционный период характеризуется закрытием церквей и репрессиями духовенства. К примеру, к 1938 году в Казани осталась одна действующая церковь Ярославских чудотворцев (на Арском кладбище). Третий этап можно обозначить с момента возвращения Петропавловского собора в Казани в 1989 году. Далее начинается процесс возвращения и других храмов, а также увеличение численности духовенства и монашества в Казанской епархии.

По данным 2010 года, в Казанской и Татарстанской епархии действовали 272 прихода, 221 храм, в которых служили 330 священников и 68 диаконов [1]. В 2012 году в Патриаршем и Синодальном духовно-административном и культурном центре Русской Православной Церкви на очередном заседании Священного Синода было принято решение о преобразовании епархии в Республике

Татарстан в митрополию. В Татарстанскую митрополию вошли Альметьевская, Казанская и Чистопольская епархии, возглавляет митрополию Анастасий, бывший архиепископ Казанский и Татарстанский.

Важным аргументом преобразования и реструктуризации явился рост числа приходов и прихожан. В Казани насчитывается порядка 50 храмов. Важно отметить, что Республика Татарстан является бикультурным регионом. По данным переписи 2010 года, наиболее многочисленными этническим группами являются татары (53,2%) и русские (39,7%). На территории республики проживают также удмурты, чуваши, мордва, мари и представители других национальностей (7,1%). Татарстанская митрополия расположена в национальной республике, следствием этого является ряд особенных задач, связанных с решением этноконфесиональных проблем. В целом руководство РПЦ в РТ поддерживает создание национальных православных общин с национальным языком богослужения. К примеру, в чувашских деревнях службы идут на национальном языке. Отношения Татарстанской митрополии с другими конфессиями достаточно дружелюбные, особенно это касается взаимодействия с исламом. Руководители обеих традиционных религий апеллируют к властям и активно поддерживаются государством. Весьма символично выглядит архитектурный ансамбль Казанского Кремля с построенной в 2005 году мечетью Кул Шариф и отреставрированным Благовещенским собором. В свою очередь, в научном дискурсе встает вопрос о несколько дискриминационной модели со стороны государства по отношению к другим религиям – католичеству, протестантизму, иудаизму и другим религиям, однако он не получает широкого распространения в СМИ и общественно-политической риторике.

В рамках научно-исследовательского проекта Казанского федерального университета «Состояние и динамика межэтнических и межконфессиональных отношений в Республике Татарстан» было проведено социологическое исследование по Республике Татарстан, выборочная совокупность составила 1590 респондентов. Согласно проведенному исследованию, в целом 69,6% татарстанцев считают себя верующими людьми, 16,4% сомневаются и не могут дать

однозначного ответа по поводу религиозной идентификации. Из общего числа опрошенных 38,7% исповедуют православие, 50,4% – ислам, десятая часть – другие религии.

Православие в Республике Татарстан исповедуют 42,4% мужчин и 57,6% женщин. Распределение по возрасту и образованию соответствует общему распределению в массиве: половина опрошенных имеет среднее специальное образование, 27,6% – высшее образование, пятая часть – среднее образование. Более половины респондентов, исповедующих православие, состоят в официальном браке (53,6%), в гражданском браке живет десятая часть опрошенных, пятая часть не имеет семейных уз.

Согласно данным опроса, подавляющие большинство православных – русские (87,8%), ислам исповедуют преимущественно татары (94,5%). Напрашивается вывод о том, что этничность определяет конфессиональную идентичность.

Безусловно, выбор религии – сложный процесс, который находится под влиянием объективных и субъективных факторов, взаимодействующих между собой и определяющих духовные поиски человека. Данное исследование представляет собой срез религиозности, который дает некоторое понимание особенностей восприятия жизни человека через призму религиозной самоидентификации. Половина респондентов отмечает, что обрели свою веру благодаря семейному воспитанию, 16,2% считают, что на формирование их религиозного мировоззрения оказали влияние родственники, десятая часть утверждает, что самостоятельно пришли к вере, 8,5% затруднились с ответом на данный вопрос.

Важным аспектом изучения явились особенности вероисповедания татарстанцев. Предполагая, что большая часть населения исповедует ислам и православие, мы выделили отдельные блоки вопросов для исповедников традиционных религий региона. В специализированном блоке в отношении православных верующих были выделены пять критериев с целью оценки уровня религиозности: регулярность причастия, исповедания, наличие духовного отца, знание молитвы «Символ веры» и чтение вечерних и утренних молитв. Немногим более

трети (35,6%) респондентов регулярно причащаются, остальные не причащаются, исповедуются 31,1% православных респондентов. Процедура причащения святых христовых тайн предполагает обязательное исповедание. С учетом погрешности выборочной совокупности можно сделать вывод, что причащается и исповедуется примерно третья часть лиц, считающих себя православными.

Наставничество в православной церкви играет важную роль. Во многом данную функцию берет на себя священник, который исповедует, служит, читает проповедь. У священника постепенно появляется своя паства, которая к нему приходит как к духовному отцу. Если говорить о религии как о социальном институте, то данный механизм имеет определенные формальные и неформальные правила поведения, разобраться в которых на начальном этапе довольно сложно. Далее в процессе воцерковления духовник, наставник играет роль проводника в православной матрице и вопросах веры. Большинство опрошенных (93%) ответили отрицательно на вопрос о наличии духовника. Духовник для мирянина – это прежде всего священник, которому он доверяет. Лишь 7% опрошенных православных людей имеют своего доверенного в духовных аспектах своей жизни.

Стоит отметить, что 64,2% православных татарстанцев достаточно редко ходят в церковь, десятая часть (13,3%) посещают богослужения 1–2 раза в месяц. Таким образом, в церковь ходит 83% православных, проживающих в РТ, 17% респондентов не ходят в храм. По данным всероссийского опроса ВЦИОМ от 18–19 февраля 2012 года, среди православных россиян доля тех, кто посещает храм, составляет также 83% [2]. Основными мотивами посещения церкви и богослужений, по данным опроса, является ритуал зажжения свечей (86%), значительная часть прихожан (38%) просто разговаривают с Богом, 31% – читают молитвы, 27% – прикладываются к мощам, 33% подают милостыню, 29% жертвуют деньги на нужды храма. В меньшинстве (9%) – те, кто приходит в церковь, чтобы «освятить вещи» [2].

Важную роль в формировании религиозной идентичности играют повседневные религиозные практики. Однако лишь пятая часть лиц (21,7%), иденти-

фицирующих себя с православием, вычитывают утреннее и вечернее правило, молитву «Символ веры» знают 7% респондентов. Религия – это философская доктрина, объясняющая человеку причинно-следственные связи существования мира, природы, общества. Анализируя ответы респондентов, можно отметить, что, определяя себя как человека верующего и православного, каждый опрошенный вкладывает свой смысл в данное самоопределение. Около 20–25% православных совершают регулярные таинства и обряды Русской православной церкви. В целом вопросы религии сложны как для объективной, так и для субъективной оценки. Согласно данным ФОМ, в России православными себя считают 68%, верующих, соблюдающих предписания, – 49% [3]. Сопоставляя результаты общероссийского исследования и данные по Республике Татарстан, можно отметить в РТ более низкую долю православных, что объясняется соответствующим соотношением этнического состава, но также и меньшую активность в выполнении религиозных предписаний. Религиозный статус для большей части верующих представляет собой внешнее позиционирование, нежели жизнь по Евангелию.

В конфессиональной палитре Татарстана, где доминирующим большинством являются татары – мусульмане и православные русские, особое место занимают кряшены. До нынешнего времени многое не выяснено в истории происхождения кряшен. Во-первых, вызывает споры вопрос о статусе кряшен: являются ли они самостоятельным этносом или это часть татар. В массовом сознании кряшен воспринимаются как «крещеные татары», однако сами кряшены идентифицируют себя в качестве самостоятельного народа с самобытной культурой, верой, языком, историей. Можно выделить два наиболее распространенных мнения о происхождении кряшен. С одной точки зрения, решающее влияние на процесс формирование кряшен оказала христианизация татар Поволжья в XVI–XVII веках, в результате появились так называемые «старокрещенные» татары, а во времена христианизации нерусских народов XVIII века образовалась группа «новокрещенных» татар. Согласно другой точке зрения, кряшены – это потомки тюркских племен, крещеных не позднее XII века. Еще в начале

двадцатого века во время переписи 1920 и 1926 гг. кряшен в государстве считали как самостоятельную этническую единицу. В период правления Сталина кряшен причислили к татарам. Во времена перестройки в 1989 году в г. Казани возродилась кряшенская община. В прессе широко обсуждался вопрос о требованиях кряшен включить их в перепись как самостоятельную этнокультурную группу. В Республике Татарстан активно отстаивается позиция о единении татарского народа, с другой стороны в России широко транслируется концепция национальной самобытности малых народностей. В результате продолжительных пересудов в переписи 2002 года кряшены фиксировали себя как самостоятельный народ. По официальным данным переписи 2002 года, в России проживает 24668 кряшен. Таким образом, стоит различать немногочисленные группы православных татар и кряшен. К сожалению, в результате малочисленности общины в рамках социологического исследования анализ особенностей группы как самостоятельного объекта не представляется возможным. Этнокофессиональные различия являются поводом для конфликтов, однако на территории республики последние 15 лет они протекают в латентной форме и решаются преимущественно политическим путем. Среди православных общин наиболее дискриминируемой группой являются кряшены. Недовольные группы самовыражаются в интернет-пространстве или специализированной прессе, рассчитанный на узкий круг читателей.

Анализируя повседневные практики православных, можно выделить следующие, наиболее типичные модели выбора религии. Распространенным вариантом является предопределенность религиозности этничностью – большинство татар выбирают мусульманство, подавляющая доля русских – православие. Реже встречаются случаи выбора других религий. Особо интересной моделью исследования является выбор татарином православия, а русским– ислама. В случае выбора русским человеком мусульманства большинство исповедников православия (71%) считают, что религия является личным делом каждого, 15,3% православных респондентов не одобрили бы выбор близкого человека при смене религии с православия на ислам, 7,8% – в сложившейся ситуации от-

крыто высказали свое недовольство и попытались бы отговорить. Модель выбора нетрадиционных религий, новых религиозных движений в повседневной жизни вызывает наибольшее количество противоречивых суждений. В данном случае лишь 14,0% опрошенных православных считают, что выбор религии – личное дело каждого, 8,7% высказали бы свое недовольство, 36,8% попытались бы отговорить и 33,4% запретили бы посещать религиозную общину. Среди православных, мнения в отношении выбора веры и религии разделились: 32,7% считают, что современный человек имеет право личного выбора веры и религии, 38,3% считают, что современный человек имеет право на свободу вероисповедания, но при этом должен уважать традиции и обычаи своего народа и 25,5% православных отметили, что религию не выбирают, она передается от старших к младшим вместе с языком и культурой.

Татарстан вызывает повышенный интерес со стороны политиков и ученых как бикультурный регион, в котором понятие толерантности имеет особое звучание. Терпимость, уважение к представителям других конфессий – необходимое условие сосуществования в секуляризированном обществе. Как уже было отмечено, у татарстанцев присутствуют опасения, недоверие к ряду религиозных сообществ. Однако не всегда чувства провоцируют действия, особенно массовые выступления. Половина представителей православия оценивает состояние межрелигиозных отношений в республике как спокойное, четвертая часть – как удовлетворительное и немногим более десятой части (16,0%) как гармоничное и благоприятное. В ближайшем будущем, по мнению респондентов, отношения или улучшатся, или останутся без изменений.

Таким образом, православие имеет весьма определенные позиции как в области социально-культурной политики, так и в отношении других конфессий. Численность православных уступает лишь численности мусульман в регионе, и именно к представителям этой религии православные проявляют наибольшую толерантность. С одной стороны, большинство православных являются прихожанами храмов, с другой стороны, лишь около трети верующих совершают регулярные таинства и обряды Русской Православной Церкви. Выбор религии в

большинстве случаев определяется традициями народа и предпочтениями семьи. Наименьшая толерантность православных проявляется в отношении новых нетрадиционных религий региона и новых религиозных общин. Особое положение занимает община кряшен, которая в массовом сознании воспринимается не как самостоятельная народность, а маргинальное сообщество, оказавшееся на стыке двух культур – татарской и православной.

Литература

1. Казанская Епархия. Русская православная церковь. Официальный сайт Московского Патриархата. – URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/38534.html, свободный (дата обращения 19.06.2012).

2. Зачем россияне приходят в храм/ Пресс-выпуск №1963. – ВЦИОМ – URL: http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112543 (дата обращения 19.06.2012).

3. Отношение к РПЦ и Патриарху Кириллу. Как россияне относятся к РПЦ и что думают о ее роли в общественной жизни. – Фонд Общественное Мнение. – URL: http://fom.ru/obshchestvo/10434 (дата обращения 19.06.2012).

4.2. Образ «врага» в массмедийном дискурсе религиозного экстремизма в Татарстане

Проблема радикализации ислама в постсоветский период поднималась главным образом в связи с анализом ситуации на Северном Кавказе. Именно этот регион рассматривался как дестабилизирующий ситуацию в стране, источник ваххабизма и терроризма. Республика Татарстан, более половины жителей которой – татары, идентифицирующие себя как мусульмане, репрезентировалась скорее как центр татарской, мусульманской культуры, где проходят фестивали и встречи мирового и общероссийского уровня (например, Всемирный конгресс татар, Международный фестиваль мусульманского кино и прочее).

В 2012–2013 годах в Республике Татарстан было совершено несколько преступлений, имеющих религиозную направленность: 19 июля 2012 года был убит начальник отдела образования Духовного управления мусульман Валиулла Якупов и ранен муфтий республики Илдус Файзов. Осенью 2013 года была совершена серия поджогов православных церквей. Первые преступления – убийство и покушение – выглядели более резонансными, поскольку были разовыми и касались жизни высокопоставленных персон. Второй пример, состоящий из нескольких случаев поджогов православных церквей, был представлен в жанре серьезных криминальных новостей с поиском преступников для их справедливого наказания.

Сообщения о религиозном экстремизме становятся важными медийными событиями во многом из-за сенсационности, драматичности, новизны. Причину распространения религиозного экстремизма обычно ищут в радикализации ислама и деятельности исламских групп. Последние представляются в массмедийном дискурсе как «террористы», «боевики», «радикальные исламисты». Создаваемая «картина реальности» включает в себя элементы «опасности», «угрозы», «враждебности». В противовес этому все остальные люди – аудитория, пострадавшие, правоохранительные органы – объединяются в образ «мы», противостоящий вышеназванному «они». Использование образов «мы» и «они» в дискурсе массмедиа, по мнению исследователей, является не просто способом противопоставления двух групп людей, а механизмом осуществления идеологического доминирования. Данная идея находит подробное освещение в работах западноевропейского лингвиста Т.А. ван Дейка. Он использует термин «идеологический квадрат» для описания практик асимметричного освещения образов «мы» и «они» в текстах массмедиа. В частности, в «конфликтных» текстах (сообщениях, в которых описываются ситуации конфликтов) СМИ больше внимания уделяют презентации положительных действий со стороны «мы» и негативных – со стороны «они». Асимметрия также наблюдается при освещении осуждаемых действий, поскольку «их» деяния «выпячиваются», «наши» наоборот, замалчиваются [1; 183]. Данная стратегия, получившая название «по-

ляризация», или «идеологический квадрат», позволяет структурировать медиатекст и, следовательно, проявления идеологии. Оппозиция «мы» – «они» может выражаться в стилистике и структуре повествования, употреблении особых местоимений, например, «свои», «те» и других риторических приемов. В рамках данного исследования интерес сфокусирован на способах создания образов «мы» и «они», а также определения границ этих «групп». Другой исследователь, английский социолог Дж. Б. Томпсон, полагает, что «демонизация» (стратегия «исключение») объекта рассмотрения (образа «они») и разделение людей на группы (стратегия «дифференциация») являются важными идеологическими приёмами массмедиа, способствующими сохранению или дестабилизации отношений доминирования в обществе [2; 56–66].

В данной работе представлены результаты дискурс-анализа материалов СМИ по двум случаям проявления религиозного экстремизма в Татарстане. Под «религиозным экстремизмом» мы понимаем совершение противоправных действий по мотивам религиозной нетерпимости. Именно в таком русле часто рассматривались два отобранных для изучения случая – покушение и убийство лидеров Духовного управления мусульман РТ и поджоги православных церквей в районах республики. Предметом исследования в обоих случаях стали особенности репрезентации образа «они» в массмедийном дискурсе. Анализировались государственные региональные и федеральные печатные и электронные (телевидение) СМИ. Сравнительный анализ риторики центральных и местных СМИ позволил выявить не только особенности представления образа «они», способы определения его границ, но и позиции политической элиты разного уровня, поскольку объектом исследования выступили преимущественно государственные массмедиа.

Случай покушения и убийства лидеров ДУМ РТ. Эмпирическим объектом стали публикации в периодической печати в центральном и региональном изданиях, а именно Интернет-версии опубликованных статей. Электронные версии печатных изданий сочетают в себе все преимущества традиционного варианта печатной газеты / журнала и интерактивные возможности Интернет-

ресурсов. Были проанализированы публикации в официальных государственных изданиях федерального и регионального уровня – «Российской газете» и газете «Республика Татарстан». В «Российской газете» отобраны 52 статьи, опубликованные на ее сайте под рубрикой «Покушение на муфтия Татарстана» в период с 19 июля по 30 октября 2012 года. В газете «Республика Татарстан» проанализированы 27 статей за период с 20 июля по 22 августа и с 24 октября по 15 ноября, использован электронный архив газеты, ее официальный сайт. Различия в количестве попавших в выборку статей объясняются тем, что «Российская газета» выходит чаще и имеет большее количество полос. В ней выделена целая рубрика, куда входят все статьи по теме дискурс-анализа. Временной интервал в отобранных для анализа публикациях в газете «Республика Татарстан» объясняется продолжительностью освещения событий (три – четыре недели).

Событие 19 июля 2012 года определялось СМИ как «теракт», подчеркивался драматизм и сенсационность произошедшего. Разделительная линия образов «мы» – «они» в медийном дискурсе прошла между носителями «традиционного» ислама (нынешнего руководства Духовного управления мусульман республики) и представителями «радикальных течений ислама» и «ваххабизма», экспортирующими «экстремистские идеи из-за рубежа». При дифференциации ислама на «традиционный» и «радикальный» журналисты обоих изданий ссылались на мнения авторитетных лиц – руководства республики и ДУМ РТ, исламских лидеров других стран. Региональное и федеральное издания в целом сошлись в оценке образа «они», однако зафиксированы и различия.

В газете «Республика Татарстан» представлены два основных образа «они»: предполагаемые «террористы» и «адепты» нетрадиционного ислама в мусульманских общинах. Если первый образ был представлен в контексте противоборства терроризму, то второй явился примером борьбы с религиозными сектами как одним из каналов распространения «нетрадиционного» ислама. Борьба «традиционного» и «радикального» ислама, по мнению журналистов, шла давно, в последние годы «традиционалистам» удалось переломить ситуацию в свою сторону. Недовольство «радикалов» вылилось в «теракт»: *«Неза-*

долго до гибели Валиулла Якупов в интервью «Известиям» признался, что обеспокоен возрастающим влиянием последователей радикальных течений ислама на мусульман республики. По его данным, экстремистские идеи привозят из-за рубежа. «За границу уезжают десятки людей, которые затем возвращаются в республику и выступают как агенты влияния: фактически вербуют новых людей и отправляют их за рубеж, – рассказал «Известиям» Валиулла Якупов. – Некоторые люди даже водружают над частными домами полумесяц, организуют там частную мечеть и выдают себя за муфтиев». Как объяснил тогда Валиулла Якупов, такие люди становятся идеологами ваххабизма» [I]. В газете приводится широко признанное в общественном дискурсе мнение, что причины распространения радикальных течений ислама связаны с возвращением в Россию людей, обучившихся в арабских странах «иной» версии ислама. Лишь однажды в выступлении заместителя премьер-министра РТ А. Сафарова указывалась причина массового обучения мусульман за рубежом – отсутствие квалифицированных преподавателей. Однако более детального разбора этой проблемы на страницах газеты не последовало. Как отмечает ряд исследователей, в постсоветский период в России практически не было квалифицированных преподавателей ислама, и в целом уровень преподавания был невысок, поэтому молодые люди устремились на обучение в другие, преимущественно арабские страны. Проблему проникновения «другого» ислама в мусульманские образовательные учреждения так и не удалось решить.[3; 20–21]

Важной составляющей образа «они» в лице «террористов» было освещение операции силовых ведомств 24 октября 2012 г. по «ликвидации» предполагаемых преступников, организаторов «теракта» 19 июля. В газете «Республика Татарстан» эти действия квалифицировались как своего рода ответная реакция властей и спецслужб на «вызов», брошенный «обществу». Во-первых, указывалось, что операция прошла в преддверии мусульманского праздника Курбан-байрам (напомним, что преступления совершены 19 июля, накануне священного для мусульман месяца Рамадан). Во-вторых, отмечались результативные действия спецслужб по предотвращению еще более крупного теракта в г. Каза-

ни (это пример тиражирования «наших» позитивных действий) и обезвреживанию «террористов», виновных в летнем происшествии: *«… В среду здесь была проведена операция против членов террористической группы Роберта Валеева и Руслана Кашапова, находившихся в федеральном розыске. Как считают в УФСБ, Валеев является непосредственным исполнителем убийства руководителя образовательного отдела Духовного управления мусульман республики Валиуллы Якупова и подрыва автомашины председателя ДУМ Илдуса Файзова, а Кашапов был активным соучастником этих преступлений. Для розыска преступников была создана совместная опергруппа из представителей всех силовых структур республики, а также московских сотрудников УФСБ. Силовики получили информацию о том, что террористы готовят крупномасштабный теракт в местах массового скопления людей во время празднования праздника Курбан-байрам в Казани. Спецслужбам удалось установить адрес скрытного проживания боевиков, после чего преступников заблокировали в квартире, оцепив район и эвакуировав жителей»* [II]. Таким образом, сами журналисты ставили некую точку в долгой истории по расследованию «теракта» 19 июля и поиске преступников. Несмотря на тот факт, что «преступники» были уничтожены и, следовательно, не могли дать показаний, журналисты придерживались официальной версии, указывая на их причастность к казанскому «теракту». В-третьих, образ «мы» хорошо вырисовывался за счет его противопоставления образу «они», при этом использовалась стратегия оправдания предпринятых мер силового захвата: *«На предложение сдаться террористы ответили огнем, и в ходе штурма были уничтожены. Один из бандитов, по сообщению УФСБ, привел в действие так называемый пояс шахида, который был на нем закреплен, но за мгновение до этого один из спецназовцев бросился на него и закрыл своим телом, чем спас жизни других участников операции. Позднее он скончался от ран»[II]*.

Вторая сторона создания образа «они» связана с расследованием жизни представителей исламской общины, названной журналистами по имени ее духовного лидера «сектантами-файзрахманистами». Освещение ликвидации «сек-

ты» было еще одним способом продемонстрировать усилия республиканских правоохранительных служб в поиске виновных в «теракте» 19 июля и борьбе с «радикальным» исламом: *«Сотрудниками республиканских правоохранительных органов в рамках расследования уголовных дел, связанных с убийством руководителя учебного отдела ДУМ РТ и покушением на муфтия Татарстана, первого августа с. г. в ходе обыска в религиозной общине так называемых «файзрахманистов» […] было изъято около тысячи экземпляров материалов, которые в настоящий момент проходят экспертизу на содержание признаков экстремистской деятельности»* [III]. Стоит подчеркнуть, что о деятельности данной «секты» в СМИ сообщалось и раньше. Однако именно после событий 19 июля «секта» стала вызывать опасения властей, ее «ликвидация» стала удобным способом показать «эффективность» действий правоохранительных органов. В качестве «признаков радикальности» общины приводились факты социального, а не религиозного порядка: строгое подчинение лидеру, множество сторонников, проживающих вместе (эффект «коммунальной квартиры»), запрет на посещение медицинских учреждений и школ, попытки сопротивления – намерение «открыть баллоны с бытовым газом», отсутствие внешних стоков канализации и др. Однако ни обыски в общине, ни анализ изъятой литературы, ни медицинский осмотр детей не имели долгой медийной истории. Включение в образ «они» группы «сектантов» явилось сильным идеологическим приемом, способствовавшим еще большей «демонизации» противника. Это объясняется устоявшимся в общественном сознании негативным образом закрытой «тоталитарной секты», отделившейся от общества и ведущей замкнутый образ жизни.

Линия противопоставления «мы» – «они» по принципу принадлежности к «традиционному» и «радикальному» исламу прослеживалась и в «Российской газете», однако менее ярко. Как и в республиканском издании, она строилась на основе мнений авторитетных лиц, в том числе из Татарстана. Например, казанский политолог В.А. Беляев предупреждал о необходимости отделять представителей «традиционного» ислама от «приверженцев ваххабизма», попирающих религиозные устои. Последние, как указал ученый, вообще не являются му-

сульманами, это «практически совершенно зомбированные и не воспринимающие исконных татарских обычаев» люди. Среди них – молодежь, обучившаяся в 1990-е годы в Саудовской Аравии, Катаре, *«где ваххабизм, то есть возвращение к средневековой модели Ислама, является государственной идеологией»* [IV]. Журналисты федерального издания старались избегать эмоционального конструирования образа «они», как это произошло в региональной газете. Акцент сделан на объяснении причин убийства, главной из которых было разобщение в мусульманской общине республики.

Последовавшие за покушением многочисленные аресты мусульман рассматривались в федеральной газете как работа следственных органов по поиску преступников: *«В республике идут многочисленные обыски и задержания. Весь Закамский регион, который считается рассадником "вольнодумцев", перевернут с ног на голову. Так, по сообщениям следственных органов Набережных Челнов, только в автограде проверили около 40 человек»* [V]. Вместе с тем «Российская газета» старалась оправдать работу правоохранительных органов, отмечая, что они действовали в разумных рамках. Подчеркивалась значимость работ по поиску преступников, поскольку, со слов журналистов, на их поимку брошен весь личный состав МВД по РТ. При описании примет четверых подозреваемых в преступлении по отношению к двоим из них были использованы формулировки «внешне похож на татарина», то есть журналисты умело обошли запрет на упоминание этнической принадлежности, но косвенно ее обозначили.

Отдельным элементом формирования образа «они» в «Российской газете» стало заявление «амира муджахедов Татарстана Мухаммеда» о своей причастности к преступлению 19 июля. В видеообращении, размещенном на сайте Youtube, фигурировали семеро вооруженных автоматами мужчин, шестеро из которых скрывали свои лица масками. Единственный мужчина без маски, представившийся Мухаммедом, заявил, что является «военным амиром Татарстана», и что «муджахеды Татарстана» присягнули Доку Умарову. Доку Умаров – один из лидеров незаконных вооруженных формирований на Северном Кавказе, неоднократно заявлявший о своей причастности ко многим российским терактам

[VI]. Лидер «муджахедов Татарстана» взял на себя ответственность за «теракт» 19 июля: *«По словам "муджахеда", "это была успешная операция против врагов Аллаха". Кроме того, "амир" пригрозил расправой всем имамам Татарстана, которые будут выступать против радикального ислама»* [VII]. Таким образом, в очередной раз происходило противопоставление сторонников «традиционного» и «радикального» ислама, исходившее на этот раз от противников существующего порядка. Со стороны правоохранительных органов заявление было воспринято как ПР-акция, отмечалось, что такие обращения бывали и раньше.

В «Российской газете» операция по «обезвреживанию боевиков», проведенная 24 октября 2012 года, также рассматривалась не просто как продолжение дела по расследованию «теракта» 19 июля, но и как промежуточный итог проведенного расследования. Сообщалось, что в ходе действий правоохранительных органов был уничтожен один из подозреваемых в «теракте» «боевиков». *«Следственные органы не сомневаются, что все эти происшествия – звенья одной цепи. Так как в ходе операции 24 октября был уничтожен только один из четырех подозреваемых – Роберт Валеев, остальные преступники […] все еще находятся в международном розыске»* [VIII]. Однако в другой статье сообщалось о двух убитых «боевиках», подозревавшихся в причастности к «теракту» 19 июля. Способом легитимации действий правоохранительных органов служило указание на наличие в квартире убитых оружия и взрывчатки, а также оказание сопротивления, попытка применения взрывного устройства. Использование идеологических стратегий «исключения» и «рационализации» позволили сформировать четкий, не подлежащий сомнению образ «врага». Детальное освещение данной контроперации явилось одним из главных аргументов оправдания деятельности правоохранительных органов, не сумевших ранее предотвратить «теракт», и послужило демонстрации их активной и плодотворной работы. Успешность действий спецслужб подчеркивалась фоторепортажем и видеороликом с места события 24 октября, выложенным на сайте «Российской газеты». Успехи правоохранительных органов стали подтверждением пра-

вильности выбранной федеральными и республиканскими властями стратегии борьбы с проявлениями религиозного экстремизма и терроризма в стране.

В газете «Республика Татарстан» доминировала эмоциональная оценка произошедших 19 июля событий, определяемых как «теракт». Используемая риторика подчеркивала сенсационный характер случившегося, что во многом определяло особенности освещения этапов расследования преступлений. Выделив главную причину «теракта» – проникновение «нетрадиционного», «радикального» ислама на территорию республики – журналисты не пытались углубиться в существо проблемы или детально раскрыть, сведя ее к освещению действий неопределенных «радикалов» и нетрадиционной исламской общины. В «Российской газете» хотя и отмечался сенсационный характер случившегося, преобладала более сдержанная риторика; предпринимались попытки отождествления происшествия в Казани с ситуацией в республиках Северного Кавказа. Однако самый пугающий вариант причин «теракта» – действия «вооруженных бандформирований» – был расценен как маловероятный. Вместе с тем в федеральном издании предполагаемые преступники, представители «радикального», «нетрадиционного» ислама, позиционировались в виде конкретных лиц, объявленных в международный розыск. В данном случае освещение «теракта» осуществлялось в стиле ежедневных криминальных новостей. Операции по обезвреживанию «преступников» 24 октября в обеих газетах рассматривалась как успех правоохранительных органов и ответ властей на «вызов» представителей «радикального» ислама.

Случаи поджогов православных церквей в РТ. Осенью 2013 г. на территории Татарстана в разных районах республики были совершены поджоги нескольких церквей. Наиболее пристальное внимание СМИ привлекли события, произошедшие в ноябре: двойные поджоги в ночь на 17-е (в Новошешминском районе и в г. Чистополе) и на 29-е ноября (в Мамадышском и Рыбнослободском районах). Храмы были сожжены дотла, одна из церквей, построенная в начале XX века, имела историческое значение. Как и в 2012 году, в случае покушения на религиозных лидеров ДУМ Татарстана, поджоги православных

церквей имели значительный общественный резонанс, хотя и более сдержанный. Если покушение было «событием номер один» для большинства СМИ, то поджогам придавался статус события «чрезвычайного», но всё же не «главного». Во многом различие в статусах событий может быть объяснено тем, что первое событие обладало большей драматичностью и новизной. Немаловажным фактором, затмевавшим значимость второго события, была перенасыщенность информационного поля: ключевым происшествием стала авиакатастрофа в Казани 17 ноября 2013 года. Тем не менее, тема серии поджогов церквей в Татарстане подробно освещалась в СМИ, сформировав динамично развивающийся медианарратив и обозначив образы «мы» и «они».

Объектом социологического исследования выступили материалы новостных программ трёх федеральных телеканалов («Первый канал», «Россия – 1», «НТВ») и регионального канала («Татарстан – новый век», ТНВ) за период с 17 ноября по 31 декабря 2013 года. Выбранный период был определён датами наиболее растиражированных случаев поджогов (это двойные поджоги церквей – 17 и 29 ноября), учитывались также сроки актуальности события для массмедиа – до трех – четырех недель. Все материалы были взяты с официальных сайтов компаний и находятся в открытом доступе. Методика отбора федеральных новостей: на первом этапе сбора материалов осуществлялся поиск сообщений в рубрике «Новости» по слову *Татарстан*, на втором этапе – отбор сюжетов по степени их релевантности заявленной теме исследования. Общее количество отобранных сюжетов – 13. В связи с немногочисленностью сюжетов на отдельных телеканалах они были объединены в единый медианарратив. На региональном телеканале были просмотрены выпуски вечерних новостей и отобрано 20 сюжетов. В рамках данного анализа, помимо выявления способов конструирования образа «они», одной из задач было определение характера используемой риторики – преступной или контркультурной, то есть анализировалось, какую аргументацию используют журналисты при освещении события, его причин и методов борьбы, что это – уголовное преступление или более широкий контркультурный феномен. В первом ключевой характеристикой является еди-

ничность совершенных действий. Во втором – рассмотрение случаев поджога церквей как проявление общей тенденции радикализации ислама. Употребление подобной риторики позволяет определить событие как преступление или как контркультурный феномен, как серьёзную социальную проблему, требующую принятия кардинально новых решений на политическом уровне.

Освещение задержания предполагаемых поджигателей церквей было кульминационным моментом медианарратива и основной составляющей образа «они». На федеральных телеканалах первый сюжет об этом событии вышел 12 декабря, в нём прослеживались как «контркультурная», так и «преступная» составляющие. На телеканале «Россия» отмечалось, что церкви в Татарстане спалили радикальные исламисты. Вместе с тем подробно описывалась подготовка поджогов церквей, что подчёркивало их преступный характер: «*Поджоги церквей планировали, начиная с сентября этого года. <…> Бутылки с бензином были заготовлены заранее. Один из участников обливал стены бензином, другой – поджигал фитиль*» [IX] .

Важной составляющей контркультурной версии событий явился образ преступников: «они» – это «радикальные исламисты»; «молодые люди, исповедующие нетрадиционный ислам»; «экстремисты»; «спалившие церкви, исламисты, которые постоянно молятся» (*«12 декабря в ходе спецоперации задержали пятерых жителей Чистополя. Им от 22 до 35 лет, причём все они – радикальные исламисты. В полиции предполагают, что подозреваемые причастны и к другим поджогам»* [X]). На «НТВ» также сформировался образ подозреваемых на основе их религиозной идентификации: *«Сотрудники полиции и УФСБ Татарстана задержали группу приверженцев нетрадиционного ислама, на счету которых как минимум два поджога. <…> В ночь на 17 ноября они облили бревенчатые стены бензином, подожгли самодельный фитиль и разбили бутылку с горючей смесью об угол здания»* [XI].

Однако спустя неделю риторика информационных сообщений телеканала «Россия» кардинально изменилась. Подозреваемые идентифицировались не с представителями радикального религиозного направления, а рассматривались

как задержанные, фигуранты уголовного дела. Подчёркивалось, что они не имеют отношения к мусульманской вере: *«Церкви в Татарстане подожгли уголовники, а не исламисты. В поджогах церквей в Татарстане и подготовке терактов нет религиозной подоплёки, – заявил зам.муфтия Татарстана Рустам Батров. <…> Фигуранты уголовного дела никогда не были в мечетях. За плечами некоторых – уголовные преступления. Один из подозреваемых шесть лет провёл за решёткой за изнасилование»* [XII].

Значимым элементом рассмотренного медианарратива стало освещение событий, имеющих косвенное отношение к поджогам, но непосредственно связанных с распространением радикального ислама в республике. Во-первых, это дело о взрыве самодельных ракет, расследование которого проводилось параллельно с изучением материалов о поджогах церквей: «*С января 2013 года в Татарстане подожгли семь православных церквей. <…> Также расследуется и ещё одно дело: 17 ноября в Алексеевском районе и Нижнекамске были найдены взрывные устройства, было заведено дело по статье о подготовке теракта»* [XIII].

Во-вторых, в Москве были задержаны участники «подпольной ячейки» запрещённой исламской организации, причастной к военным действиям в Афганистане и Сирии, один из лидеров которой был имамом мечети в г. Набережные Челны (Татарстан). «Первый канал» активно конструировал образ «врага», подчёркивалась связь с терроризмом: «*Всего три недели назад в подмосковной Балашихе с оружием и наркотиками задержали 31-летнего уроженца Украины, которого считают участником одной из подпольных ячеек организации. По мнению следствия, он занимался вербовкой молодых женщин, уговаривал их принять ислам. Не исключено, что впоследствии, по одной из версий, из этих женщин собирались готовить террористок-смертниц»* [XIV].

В-третьих, с поджогами связано размещённое в Интернете видеообращение «амира Татарстана» о проведённых и готовящихся террористических актах, появившееся в начале декабря. В-четвёртых, сообщалось, что патриарх наградил посмертно орденом Славы убитого летом 2012 г. начальника отдела образования Духовного управления мусульман Татарстана Валиуллу Якупова: «*Ис-*

ламский богослов и борец с ваххабизмом Валиулла Якупов посмертно удостоен ордена Русской Православной Церкви «Славы и чести» I степени,- сообщает «Интерфакс». Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл удостоил Якупова высокой награды за усилия по сохранению межрелигиозного мира и борьбу с терроризмом» [XV] .

На телеканале ТНВ при освещении деяний предполагаемых поджигателей использовались высказывания, которые относятся к риторике, называемой нами «преступной», т.е. без привязки к религиозной составляющей; подход региональных новостей также отличался меньшей эмоциональностью: «*Сегодня республиканское МВД сообщило о задержании нескольких жителей Чистополя, которые подозреваются в поджоге как минимум двух православных церквей на территории республики. Задержанные молодые люди в возрасте от 22 до 35 лет. С их слов идея о поджоге церквей пришла им еще в сентябре» [XVI]*. «Они» – это «задержанные молодые люди», «подозреваемые», «вандалы», «преступники», «поджигатели». Еще одним элементом образа «они» было упоминание о видеобращении «амира моджахедов», который взял на себя ответственность за взрыв самодельного устройства в г. Нижнекамске (Татарстан) 16 ноября. Однако данное сообщение было единичным и лишь оттеняло образ «врага», при этом использовалась риторика в духе криминальных новостей: *«Мужчина в черной маске с сильным акцентом рассказал, что моджахеды успешно реализовали ряд терактов на территории России, и случай в Нижнекамске – один из них. Его человек, представившийся амиром Абдуллахом, назвал провокационным. Эта запись сейчас тщательно изучается следственными органами. О результатах проверки станет известно позже* [XVII]. Само сообщение о взрыве самодельного устройства также было представлено с использованием «преступной» риторики: *«Руководители правоохранительных структур доложили об обнаружении и обезвреживании самодельных взрывных устройств в Алексеевском районе и Нижнекамске. По этим фактам возбуждены уголовные дела. Ведется следствие» [XVIII]*.

В отношении задержанных на федеральных телеканалах формировался сложный образ – одновременно и «радикальных исламистов», и «преступников». Оба определения несли негативные значения, однако первое имело еще и ярко выраженные коннотации: обозначалась взаимосвязь с другими преступлениями исламистов (покушением на лидеров ДУМ РТ, противоправными действиями в других странах и регионах и пр.). Сообщения о новых деяниях «радикальных исламистов» фактически свидетельствовали о сохраняющейся угрозе со стороны «экстремистов» и, так или иначе, ставили под сомнение эффективность действий правоохранительных органов. Поэтому использование в более поздних по времени информационных выпусках новостей термина «преступники» в отношении задержанных замыкало события о поджогах церквей на них самих, ставя точку в расследовании данного дела. Это свидетельствовало о «затухании» нарратива, поскольку такая постановка вопроса не имела ярко выраженного идеологического подтекста.

Используемая на федеральных телеканалах в отношении поджогов риторика «теракта» предполагала в большей степени трансляцию образа «преступников – радикальных исламистов». Однако тогда в дискурс массмедиа нужно было вновь вводить информацию о покушениях на духовных лидеров мусульман Татарстана, что могло бы подтверждать сохранение опасных религиозных противоречий. По мере развития медианарратива журналисты пытались избавиться от высказанной ранее «контркультурной» версии поджогов, подчеркивая прежде всего «преступный» характер деяний. На региональном телеканале ТНВ изначально использовали риторику, определяемую нами как «преступная», употребляли формулировку «поджоги» церквей. И хотя однажды была предпринята попытка объединить в одно «делопроизводство» «поджоги церквей» и «теракт в Нижнекамске», это не было сделано и не получило какого-либо продолжения.

На федеральных телеканалах развитие сюжетной линии сопровождалось изменением определений, применявшихся в отношении версий происшествий и подозреваемых. Переход от «контркультурной» к «преступной» риторике по-

служил одновременно способом завершения медианарратива. «Преступная картина» реальности, в которой присутствует более четкий конец медианарратива (поимка «преступников») в меньшей степени расшатывает сложившийся status quo. Вместе с тем, «контркультурная» версия «реальности» тонко прослеживалась и не приобрела законченного вида, поскольку некоторые упоминания о распространении радикального ислама присутствовали. На региональном телеканале развитие нарратива было связано не с переходом от «контркультурной» составляющей к «преступной», а с логикой развития сюжетной линии: происходившие с некоторой периодичностью поджоги церквей, взрывы в Нижнекамске, объединение людей в защиту церквей и восстановление храмов, поиск и поимка преступников. Последнее событие ознаменовало собой завершение нарратива, что логично, если преступники задержаны и понесут наказание. Использование такой риторики способствовало стабилизации ситуации в регионе: хотя поджоги и были преступлениями, с установлением виновных успешно справились правоохранительные органы. «Теракт» в Нижнекамске был представлен не как упущение региона, а как проявление общероссийской проблемы, для ликвидации которой в республике предприняли необходимые меры.

Описанные в статье случаи репрезентации религиозного экстремизма в Татарстане, представленные в дискурсе государственных региональных и федеральных СМИ, квалифицируются преимущественно как самостоятельные сюжеты, лишенные какой-либо связи. Сама логика изложения материала, временная последовательность сюжетных элементов демонстрируют законченность каждого из рассмотренных медианарративов. При освещении покушения и убийства руководства ДУМ РТ «кульминацией» медиаистории была спецоперация по обезвреживанию «боевиков». Это логическое, смысловое завершение медианарратива, по крайней мере, его активной части, поскольку предполагаемые преступники были уничтожены, и власти смогли показать действенность предпринятых мер. В случае поджогов православных церквей развитие медианарратива также заканчивалось поимкой предполагаемых преступников, подозреваемых в поджогах. Таким образом, можно констатировать, что, несмотря на

присутствующую местами «контркультурную» риторику в освещении событий и образа «они», в целом логика изложения материалов соответствует схеме информирования о сенсационных, общественно опасных преступлениях: есть инцидент, реакция общественности и властей, действия правоохранительных органов и результат их деятельности. Последний элемент медианарратива демонстрирует не только эффективность действий силовых структур, но и подчеркивает «криминальный» характер совершенных действий, схема раскрытия преступных событий в обоих случаях полностью реализована СМИ.

Сформированные образы «врага» имели много сходных элементов. Отличительной особенностью федеральных СМИ была готовность провести аналогии между ситуацией на Северном Кавказе и в Республике Татарстан. Однако такая попытка не была в полной мере успешной, поскольку сообщения о причастности «амира Татарстана», «лидера моджахедов», к событиям в республике были представлены как бездоказательные, дальнейшего освещения этой темы не последовало. Вместе с тем, в федеральных СМИ более четко вырисовывался образ «они» – «радикальных исламистов». При освещении первого случая отмечалась разобщенность внутри мусульманской уммы Татарстана, способная послужить причиной совершенного «теракта». Использовалась стратегия объяснения причин «теракта» как способа формирования образа «они»: «враг» тот, кто совершил преступление. Отличительной особенностью риторики региональных СМИ в обоих случаях было акцентирование внимания на особой социокультурной самобытности региона как центра мусульманской / татарской культуры, в котором также мирно сосуществуют разные этносы и конфессии. Если при освещении первого случая массмедиа пытались «откреститься» от проблемы радикализации ислама, то во втором случае использовался другой прием – минимизация сообщений о происшествиях (было мало сюжетов, и они были короткими), использование «преступной» риторики, акцент на «наших» правомерных действиях.

В обоих случаях в региональных СМИ освещалась тема реформирования административно-территориального устройства России. В 2012 году на обсуж-

дении проекта Стратегии государственной национальной политики России позиция властей Татарстана по сохранению существующих федеративных отношений была поддержана некоторыми российскими учеными-экспертами. В 2013 году работа федерального центра в этом направлении продолжалась. В контексте этой проблематики риторика региональных и федеральных властей относительно случаев проявления религиозного экстремизма дополняет их позицию по вопросу государственного устройства страны. Первые стараются уменьшить значимость проблемы религиозного экстремизма для региона, показав социокультурную уникальность республики, а вторые, напротив, предпринимают попытки изменить сложившийся status quo через проведение аналогий о радикализации ислама в национальных республиках. Способом выражения позиций обеих сторон являются средства массовой информации.

Источники

I. В канун священного Рамадана // Республика Татарстан. 2012. 20 июля. http://rt-online.ru/aticles/rubric-68/v_kanun_svyawennogo_ramadana/ (дата обращения: 16.11.2012).

II. Спецназовец закрыл своим телом товарищей // Республика Татарстан. 2012. 27 ноября. http://rt-online.ru/aticles/rubric-74/the-soldier-covered-his-body-comrades/ (дата обращения: 16.11.2012).

III. Дети в «муравейнике» // Республика Татарстан. 2012. 9 августа. http://rt-online.ru/aticles/rubric-74/deti_v_muravejnike/ (дата обращения: 16.11.2012).

IV. Брайловская С. Озвучены версии нападения на муфтия // Российская газета. 2012. 19 июля. http://www.rg.ru/2012/07/19/reg-pfo/fayzov.html/ (дата обращения: 16.11.2012).

V. Брайловская С. Убийцу хазрата ищут у соседей // Российская газета. 2012. 24 июля. http://www.rg.ru/2012/07/24/reg-pfo/fotorobot.html/ (дата обращения: 16.11.2012).

VI. МВД и ФСБ проверяют видеообращение «муджахедов Татарстана» // Челнинские известия. 2012. 27 июня. http://www.chelny-izvest.ru/top5/13633.html/ (дата обращения: 30.12.2012).

VII. Брайловская С. Заявили о причастности к теракту // Российская газета. 2012. 6 августа. http://www.rg.ru/2012/08/06/reg-pfo/mudzhahedi-anons.html/ (дата обращения: 16.11.2012).

VIII. Брайловская С. В Казани объединили громкие дела // Российская газета. 2012. 25 октября. http://www.rg.ru/2012/10/25/reg-pfo/dela-anons.html/ (дата обращения: 16.11.2012).

IX. Церкви в Татарстане спалили радикальные исламисты // Россия. – 2013. – 12 дек. – URL: http://www.vesti.ru/videos/show/vid/560960/.

X. Спалившие церкви исламисты заявляют о «пытках» и хотят уйти от ответственности // Россия. – 2013. – 14 дек. – URL: http://www.vesti.ru/doc.html?id=1167223.

XI. В поджогах православных церквей в Татарстане признались чистопольские исламисты // НТВ. – 2013. – 12 дек. – URL: http://www.ntv.ru/novosti/773518/.

XII. Церкви в Татарстане поджигали уголовники, а не исламисты // Россия. – 2013. – 21 дек. – URL: http://www.vesti.ru/doc.html?id=1169859.

XIII. У экстремистов, задержанных в Москве, изъяли целый арсенал // Первый канал. – 2013. – 27 нояб. – URL: http://www.1tv.ru/news/crime/247093.

XIV. Патриарх наградил убитого муфтия орденом Славы и чести // Россия. – 2013. – 23 дек. – URL: http://www.vesti.ru/doc.html?id=1170373.

XV. Новости в Татарстане // Татарстан – новый век. – 2013. – 12 дек.

XVI. Новости в Татарстане // Татарстан – новый век. – 2013. – 2 дек.

XVII. Новости в Татарстане // Татарстан – новый век. – 2013. – 18 нояб.

Литература

1. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Пер. с англ. – Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.

2. Thompson J.B. Ideology and Modern Culture. Critical Social Theory in the Era of Mass Communication. – Cambridge: Polity Press, 1992. – 362 p.

3. Малашенко А. Ислам для России. – М.: РОССПЭН, 2007. – 192 с.

4. Нурутдинова А.Н. Медианарратив поджогов православных церквей в Татарстане: контркультурный феномен или преступление? // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2014. Том 156, кн. 6. – С. 263–272.

5. Нурутдинова А.Н. Образы «мы» и «они» в массмедийном дискурсе религиозного экстремизма в Татарстане // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2013. Том 155, кн. 6. – С. 80–85.

6. Этничность, религиозность и миграции в современном Татарстане / под ред. Р.Г. Минзарипова, С.А. Ахметовой, Л.Р. Низамовой. – Казань: Казан. ун-т, 2013. – 268 с.

5.2. Динамика образа национальной истории в музыкальных произведениях на татарском языке

Национальная музыка – это неотъемлемая часть культуры любого народа. Старинные песни и мотивы передаются от поколения к поколению, перенося во времени устойчивые образы и нарративы, важные для формирования представления о групповой идентичности, а также о знаковых для общности исторических событиях. Рассматривая народную музыку в таком контексте, можно говорить о связи национальной музыки и социокультурной памяти определенной общности. Известный исследователь татарской культуры Р.Ф. Хакимов отмечает, что мотивы былого в народном творчестве возникают из потребности в осмыслении исторических процессов, событий, личностей и фактов [1; 323]. Такие произведения, хотя и могут включать в себя элементы субъективности, художественного переосмысления, все же достаточно точно отражают не только знаковые события прошлого, но и позволяют «народу выразить свое отношение к истории» [1; 324].

В реалиях современной Республики Татарстан внимание привлекает распространение значительного числа коллективов, как профессиональных, так и любительских, проведение множества мероприятий (фестивалей, конкурсов, телепередач), связанных с исполнением песен на татарском языке. Эти мероприятия также активно освещаются в региональных СМИ (ведется вещание нескольких татароязычных телеканалов и радиостанций). Значимость музыкальной сферы подчеркивается и тем, что на официальном портале Правительства Татарстана есть ссылки на рекомендуемую для ознакомления татарскую музыку, которая «интересна людям всех возрастов: татарская электронная музыка, татарская поп-музыка, народные татарские песни-пляски», произведения молодых малоизвестных исполнителей с большими перспективами [I]. Исходя из этого, можно судить о наличии особой сферы жизни Республики Татарстан, связанной с сохранением, созданием и трансляцией музыкальных произведений на татарском языке.

Данное исследование проводилось в рамках проекта «Войны и конвенции памяти в постсоветском Татарстане» Центра сравнительных исследований постсоциализма Казанского федерального университета. Объектом исследования стали музыкальные произведения на татарском языке. Внимание же было сосредоточено непосредственно на о*бразах и интерпретациях истории в музыкальных произведениях на татарском языке и их связи с процессами конструирования национальной идентичности в Республике Татарстан сегодня.* Таким образом, предметом исследования стали историко-политические нарративы в музыкальных произведениях.

Под историко-политическими нарративами мы понимаем как репрезентацию в текстах песен тех или иных исторических событий, так и формирование образа татар, их отношений с другими этническими сообществами, акцентирование самобытной идентичности татар, а также образы и характеристики значимых локальных пространств (родного края, деревни и т.д.). Историко-политические нарративы в национальной музыке могут транслироваться различными способами: через содержание тестов, звучание и манеру исполнения,

использование определенных инструментов и тот визуальный ряд, который сопутствует музыке (декорации оперы или видеоряд музыкального клипа). В данной работе анализ сфокусирован на том, как образы и интерпретации исторического прошлого татар представлены в текстах песен, т.к. именно в этой форме они наиболее понятны слушателям, и при этом их можно уловить и зафиксировать для изучения.

В ходе исследования было проведено 17 интервью с экспертами музыкальной сферы Республики Татарстан. На базе их анализа были отобраны 50 музыкальных произведений на татарском языке (песни и оперы), которые, по мнению экспертов, с одной стороны, содержат образы исторического прошлого татар или отсылки к нему, с другой стороны, продолжают исполняться в республике сегодня. Анализ мнений экспертов был обусловлен стремлением не просто оценить определенное количество текстов, но и разобраться в социальном контексте их создания. Респонденты представляли, во-первых, экспертов, профессионально занимающихся изучением татароязычной музыки (среди них – историки, сотрудники музыкальных учебных заведений, журналисты и общественные деятели), во-вторых, организаторов и менеджеров мероприятий татароязычной музыкальной сферы (организаторы фестивалей и концертов, руководители кружков и секций и т.д.), в-третьих, создателей и исполнителей произведений на татарском языке (музыканты, композиторы, певцы) и, наконец, постоянную аудиторию (тех, кто посещает мероприятия и концерты не реже раза в месяц, а также слушает музыку на татарском языке в повседневной жизни).

Экспертные интервью позволили прийти к выводу о том, что музыкальная сфера, даже когда мы сосредоточиваемся на музыкальных произведениях, содержащих текст – это не однородный объект изучения. К татарским музыкальным произведениям можно отнести как народные, так и авторские песни (созданные и отдельными любителями, и профессионалами), поэтому значимыми критериями отбора были, во-первых, исполнение на татарском языке, во-вторых, наличие историко-политических нарративов, в-третьих, актуальность и востребованность произведения у различных групп исполнителей и слушателей. Сего-

дня в Республике Татарстан звучат как старые (даже старинные, относящиеся к XV-XVI вв.), так и новые музыкальные произведения на татарском языке. Их можно разделить на следующие группы: народные песни (в том числе и эпос баиты), эстрада советского периода, которую большинство экспертов называют «классической», современная эстрада, новые музыкальные течения (татарский реп, джаз и т.д.) и религиозная музыка (в том числе мунаджаты). Последнее направление, несомненно, сильно влияет на слушателей, однако это воздействие обусловлено скорее значимостью религии и требует отдельного глубокого изучения, поэтому в данной работе мы затрагиваем все перечисленные направления, кроме религиозных музыкальных произведений на татарском языке.

Важным представляется и то, что песни исполняются на национальном языке. Язык рассматривается теоретиками национализма (например, Р. Брубейкером) как один из главных наряду с религией механизмов солидарности этнической группы и в то же время реификации группы, т.е. формировании представления об этносе как объективно существующей группе [2; 246]. Именно исполнение на татарском языке мы выделяем как основной критерий отбора произведений для анализа, сознательно сосредоточиваясь только на произведениях, содержащих определенный текстовый нарратив. Это позволило рассмотреть как старинные песни, так и пласт новых произведений на татарском языке, которые также могут влиять на формирование представлений сообщества о своей идентичности, истории и памяти о ней. Представляется важным, что вышеперечисленные жанры, с одной стороны, влияют друг на друга, с другой стороны, значительно различаются по содержанию текстов, манере исполнения, аудитории и т.д.

Методология конструктивизма, на которую мы опираемся в данном исследовании, предполагает, что историческая память – это не только образы и смыслы, которые свободно передаются из уст в уста от поколения к поколению, но и результат целенаправленной работы целого ряда акторов, таких, как государство, этнические, политические, культурные элиты и другие группы. Однако было бы ошибкой считать, что эти конструкции не связаны с широким соци-

альным контекстом. Так, например, Э. Хобсбаум в своей работе «Изобретение традиции» показывает, что модели поведения и мышления не всегда принимаются в том виде, в котором были инициированы теми или иными социальными акторами, а идеологические конструкции (к которым можно отнести и образы исторического прошлого этнической группы) не всегда создаются целенаправленно [3; 3]. Транслируемые разными источниками образы прошлого преломляются в зависимости от ценностей, образования, жизненного опыта и установок отдельного человека или группы. Если использовать терминологию П. Нора, можно считать, что создается множество мест памяти об определенных событиях прошлого [4; 30]. Создание учебников, внесение в календари новых праздничных и памятных дат, выпуск фильмов – все это воспроизводит и конструирует образы истории, выгодные группам (или просто полезные, приятные, значимые в их глазах), производящим эти образы.

На наш взгляд, музыку можно рассматривать как одно из «мест» памяти. С одной стороны, память при помощи музыки передается, когда исполняются те или иные стародавние музыкальные произведения (да и само их существование как бы подтверждает глубокие исторические корни существования группы, которой они принадлежат). С другой стороны, когда создается что-либо новое, оно несет определенные национальные черты (характерные именно для татарской музыки), а, значит, тоже становится проводником памяти, по крайне мере о групповой идентичности.

Музыка тесно связана с эмоциями, поэтому национальная музыка может пробуждать и национальные чувства. «Исторические песни являются произведениями эмоционального содержания […], в тяжелые для народа исторические периоды песня играла большую роль в сохранении национального самосознания, родного языка, народного духа», – пишет о древних татарских баитах Р.Ф. Хакимов [1; 324]. Так, по отношению к действительно хорошим татарским песням говорят «мон»; это слово обозначает и грусть, и радость, и печаль, и глубину, и душевность, связанные с представлением о татарскости. Важно и то, что музыка на татарском языке всегда используется для того, чтобы подчерк-

нуть национальный колорит чего-либо – события, спектакля, официального визита. Музыка становится своеобразным символом, маркером этничности.

В своем исследовании мы пользуемся метафорой «воображаемого сообщества» Б. Андерсона, которую он применил к анализу наций и процесса их конструирования [5; 288]. Идею о том, что нации существуют лишь благодаря тому, что есть люди, которые воспринимают себя их членами [5; 60], на наш взгляд, можно применить к анализу не только наций, но и любых других групп, в том числе национальных и этнических. То, что все сообщества в социологическом смысле «воображаемы», отмечает также С.П. Баньковская в предисловии к русскоязычному изданию книги «Воображаемые сообщества» Б. Андерсона [5; 2]. В этом свете национальную *музыку* (как сами тексты песен, так и проведение различных «национальных» мероприятий, атрибутом которых является музыка на национальном языке) мы рассматриваем как один из элементов конструирования и консолидации сообщества. Существует множество музыкальных произведений, отражающих историю татар (например, «Сююмбике баите», опера «Алтынчеч»). Сегодня создаются и новые музыкальные произведения, представляющие те или иные исторические события (например, оперы «Ак Буре», «Кара пулат» и др.).

Анализ татарской музыкальной сферы следует производить одновременно с двух позиций – по жанрам и по периоду создания, так как оба этих критерия определяют, какие именно образы (в том числе и истории) отбираются, транслируются и создаются. Проанализировав тексты, а также интервью с экспертами, нам удалось выделить несколько историко-политических нарративов, каждый из которых может включать в себя дополнительные значения и изменяться в зависимости от социального контекста.

Первые два нарратива связаны с репрезентациями древней истории татар, это нарратив тоски о тяжелой судьбе татарского народа, а также повествование о сильных и славных, независимых предках татар. Далее, можно выделить образы, связанные с советским периодом истории, при котором, несмотря на сохранение и поощрение татарских языковых и музыкальных особенностей, осо-

бое внимание уделялось конструированию образа татар как, прежде всего, советских людей. И, наконец, рассматривается нарратив, присущий произведениям, написанным в постсоветский период: в них происходит актуализация татарской и татарстанской идентичности, одновременно с «осовремениванием» формы (появление татарского рэпа, рока и т д.) музыкальных произведений и их содержания.

Печаль о тяжелой «судьбе народа». Первое, что отмечаешь, когда начинаешь слушать песни на татарском языке – это обилие протяжных, тоскливых мотивов. Трагизм чувствуется как в мелодии, так и в сюжете. Как отмечает один из респондентов, сотрудник министерства культуры РТ: «*У нас воспринимается, что вся татарская музыка – «монлы музыкалар», что все песни, с грустью, с тоской… С чего это идет? […] музыка отражает характер народа, историю народа […] Есть такое понятие «мон», которое присуще татарскому народу*» [И. 12].

«Мон» как неотъемлемую характеристику татарской музыки упоминал каждый эксперт, оно звучало в каждом интервью. Интересно, что каждый информант определял феномен по-своему. Одни эксперты считали, что это – особенная душевность, другие – особенное звучание. Например, современный татарский композитор определяет «мон» как «*раббированное искусство пения, в которое вошел призыв имама, некий такой азан – призыв к молитве […] Это мелизматическое искусство пения, которым обладает не каждый татарин, даже обладающий голосом*» [И. 11], однако тот же эксперт отмечает, что «мон» – это «*больше, чем вокальная техника, это некий код распознавания […] «мон» по-разному проявляется в каждом из нас. Во мне тоже проявляется: я не говорю на татарском, но я пишу татарскую музыку именно в тех традициях, которые оставили мои предки, и в то же время в ней появляется нечто новое на основе старого*» [И. 11].

Так или иначе, все опрошенные связали это понятие с особым духовным состоянием татарского народа, когда, по словам одного из информантов, исполнителя народных песен: «*Создается образ противоречивого человека, ко-*

торый живет, но в душе есть грусть» [И. 1]. Образ тоски-печали предстает не просто как грусть отдельного человека, эта печаль связана со всем татарским народом. Этот мотив – один из самых старых, прослеживается от таких старинных народных песен, как, например, «Тафтиляу». Тема «грусти народа» отражается в содержании прямо и иносказательно, через использование метафор и соответствующие обобщения.

Связь переживаний целого народа с особой тоской и метафоричностью отмечает и американский исследователь Хелен М.Фаллер; она пишет о том, что «мон» – это обобщенное чувство горя и печали [6; 158]. Певцы, которые исполняли такие песни, передавали зрителям определенный эмоциональный опыт, производящий и воспроизводящий ощущение общности татар *как нации, которая пострадала* [6; 159]. По мнению ученого, «мон» успешно помогает создать объединяющее чувство коллективного страдания, однако это чувство можно понимать по-разному. Гибкость в интерпретации смыслов позволяет татарам испытать чувство коллективной включенности, даже выражая собственную индивидуальность. Типичные тексты о чувстве горя и потере, выраженные метафорически через эмоциональное описание сцен природы, отсылают нас не к судьбам отдельных лиц, а к нации в целом [6; 158].

Один из музыкантов-информантов интерпретирует песню в исполнении народного певца Ильхама Шакирова «Калфак» как песню о «*расставании, о том, как человек тоскует по своему родному и любимому человеку на большом расстоянии…* [Ее] *можно отнести к личной лирике, и в то же время […] исторически так сложилось, что татары во времена революции и в первые годы Советского Союза разъехались по разным странам, кто в Турцию, кто в Восточную Европу, кто в Скандинавию, и эта песня стала символом того поколения, тех, кто остался на одной стороне Советского Союза, и тех, кто остался за границами Советского Союза*» [И. 3].

Об этом же свидетельствует контекст создания песни «Эдриян дингез», посвященной истории проживания татар у Адриатического моря. Она связывается большинством экспертов с попыткой подчеркнуть тяжелую судьбу всего

татарского народа, сопровождавшуюся массовыми расставаниями, хотя сама песня о переживаниях одного человека. В советское время именно песни, созданные отдельными авторами (в основном профессионалами), продолжают подчеркивать трагизм событий, которые были, так или иначе, связаны с историческими событиями в жизни татар. Но образы страданий уходят корнями в гораздо более древние времена.

Каждый из экспертов уверенно связал истоки этой особенности татарской музыки с потерей народом государственности и завоеванием Казани в 1552 году. Прямые отсылки к этому историческому событию можно увидеть в татарском эпосе и таких произведениях, как баиты и мунаджаты [V]. Значимость древней музыки для исторической памяти татарского народа отмечает также такой исследователь татарской музыки, как Р.К. Хурматуллина; особую роль автор отводит влиянию «социально-исторических баитов о борьбе татарского народа за национальную и социальную свободу» [7; 25]. Эти произведения сегодня не на слуху, они не знакомы ни широкому кругу слушателей, ни даже исполнителям. Однако одно из них, а именно «Сююмбике баите», стало широко известно, и даже было творчески переосмыслено многими авторами (например, сборник «Сююмбика» композитора Резеды Ахияровой) [IV].

Представляется интересным ответить на вопрос, почему именно баит, посвященный этому событию, не только не был забыт, но и многократно воспроизводился (и воспроизводится сегодня) и заново интерпретировался композиторами и поэтами. Ответ на этот вопрос можно получить, опираясь на теорию культурной травмы американского социолога Дж. Александера. Он отмечал, что для такой травмы характерны частое обращение к травмирующему событию и воспоминания о нем [8; 14]. Множество появившихся в постсоветское время интерпретаций образа Сююмбике (дочери хана, которая непосредственно участвовала в событиях 1552 года) в татарской музыке (это и песни, и новое прочтение баита, и стихи) можно рассматривать как пример такого вспоминания, связанного с пережитой травмой. Известный татарстанский либреттист, член союза писателей РТ заявил о том, что в 2017 году к выходу готовится «на-

циональная» опера о Сююмбике: «Это будет масштабная работа. Либретто сегодня уже создано, достаточно острое, актуальное, это будет историческая правда» [VI].

Баит о Сююмбике представляет период завоевания Казанского ханства как трагедию, при этом можно сказать, что образ самой Сююмбике – мудрой, добродетельной, отважной – это собирательный образ всего татарского народа. Значит, и смерть Сююмбике вследствие взятия Казани весьма символична: с ней как бы «умирает» свобода татар. Из интервью с сотрудником министерства культуры РТ, поэтессой: «*У нас самое первое место занимает личность Сююмбике. Это закономерно, потому что Сююмбике воспринимается как символ свобод […] это последняя царица Казанского ханства […] мудрая женщина, красивая женщина, и сильная женщина - очень трагическая личность. Из-за того, что она – трагическая личность, ей посвящено очень много песен*» [И. 12].

Тема жертвенности, печали, распространенная в музыкальных произведениях на татарском языке, несомненно, в значительной степени связана именно с рефлексией по поводу исторических событий, приведших к потере татарами собственной государственности. Один из исследователей татарского фольклора прямо говорит в интервью: «*Тема Казанского ханства для татар – это постоянный спутник, они помнят об идее независимости, такие песни они в душе хранят… Вот песня Сююмбике популярна. Таких песен у марийцев и удмуртов нет, потому что у них государственности никогда не было. У татар хоть режь их, хоть что делай, все равно в памяти у них хранится, что была государственность, и они до конца, пока будут живы, эту тему будут помнить*» [И. 15].

Однако образ обидчика, врага в традиционной татарской песне никогда не обозначен прямо: есть тоска, иногда есть отсылка к событию, ставшему ее причиной, но ни Иван Грозный, ни русские как таковые не представлены как враги. В достаточно известном произведении – рок-опере «Магди» – звучит ария в исполнении известного певца Альберта Асадуллина. В словах одной из партий певец образно и метафорично, через обращение к природе, деревьям и

цветам разговаривает со своей любимой, попутно рассказывая о судьбе народа, о вере и о государстве в целом. Такая довольно сложная лирика в настоящее время создается реже, однако регулярно воспроизводится и, по оценкам опрошенных экспертов, достаточно известна.

Иносказательность и метафоричность весьма характерны для татарской музыки вообще и для нарратива о тяжелой судьбе татарского народа в частности. Это отмечает и один из информантов, музыкант: «*После того, как взяли Казань, было очень много баитов, был сочинен Сююмбике баит, татары все равно пытались вот эту политику, политические лозунги сделать мягче… Они не кричали-не ходили, они пытались смягчить, вообще по натуре наш народ такой мягкий*» [И. 1].

Такую иносказательность и метафоричность можно связать не только с культурными и творческими традициями татарских авторов, но и с опасениями открыто напоминать о собственной государственности в период расширения границ Руси, Российской империи и СССР. Способы отражения в музыкальных произведениях на татарском языке темы национальной государственности и истории тесно связаны с историко-политическим контекстом, в котором создавались музыкальные произведения. Данный нарратив прослеживается в народных песнях и эпосе с середины XVI века вплоть до 1920–1930-х гг. Однако тот факт, что впоследствии эта тема стала меньше озвучиваться авторами и исполнителями, объясняется политическими событиями тех времен и степенью культурной свободы. В начале XX века (еще до Октябрьской революции 1917 г.) формировалась прослойка композиторов и музыкантов, занимавшихся созданием национальной музыки профессионально. Предпринимались усилия выйти за рамки традиционного деревенского напева, эпоса или религиозной песни и создать что-то «профессиональное» и одновременно татарское. Профессиональными в данном случае считались произведения, похожие на европейские образцы – оперы, балеты. Происходит подъем национальных чувств, в том числе в музыке [9; 111].

После революции 1917 года и установления коммунистического режима тема государственности татар уже не транслируется открыто и не воспроизводится в новых песнях. Несмотря на период коренизации, создания национальных школ, поддержки национального языка и культуры (включая музыку), тема памяти о государственности татар была явно не к месту, широко известных произведений на эту тему в период существования СССР не создавалось. Однако иносказательно, через мотив тоски, печали и разлуки, историческая память продолжала сохраняться и передаваться во времени.

Великое наследие предков. Форма сказки и иносказательность, весьма популярные у татар, служат не только способом трансляции нарратива о тоске народа. В знаменитых произведениях Г. Тукая образы прошлого предстают как восточная сказка, где есть хан, пышное убранство его дворца, придворные и т.д. [II]. Многие исследователи татарской культуры считают, что именно образ Г. Тукая в XX веке являлся национальным идеалом для татар [10; 127]. Темы борьбы, таланта, сильного национального чувства, которые сопутствуют образу Г. Тукая, транслируются и в созданной композитором Р. Ахияровой и поэтом Р. Харисом в 2006 году опере «Любовь поэта».

Исследователями справедливо отмечается историзм творчества поэта. Татарстанский культуролог Т.Г. Гали указывает, что Г. Тукай не только творчески переосмысливает историю татар в XX веке; «в ряде стихов Тукая оживает далекая история, прошлое родного народа», приводится пример стихотворения «Кичке азан» («Вечерняя молитва»), в котором «поэтически воскрешается история государственности татар» [11; 271]. Интересно отметить, что тот же автор указывает на наличие образов истории и отсылок к независимости татар и в одном из самых популярных и известных сказочных произведений Г. Тукая «Шурале». Поэт сравнивает лес с войсками Чингиз-хана, указывая на величие, «славу дедовских времен» [11; 272].

Важно отметить, что «Шурале» – это произведение Г.Тукая, которое регулярно воспроизводится, в том числе в музыкальных формах, например, в постав-

ленном в 1958 г. и присутствующем в репертуаре поныне одноименном балете. Примечательно, что в сюжете балета также задействован образ Сююмбике.

В период после распада СССР, когда политическая обстановка способствовала тому, что национальные чувства татар обострились, и Татарстан получил определенный суверенитет, память о древних традициях государственности у татар стала как никогда актуальной. Это отразилось и в татарской музыке. Начинает создаваться множество музыкальных произведений, обращающихся к истории утерянной государственности и самостоятельности татар. Тема независимости татар в этих новых произведениях приобрела иную окраску, акцент теперь делается не только на трагизме прошлого и тех исторических перипетиях, которые пережил татарский народ, актуализируется значимость силы нации, ее культурной самобытности, политической системы предков татар, становится явным образ татарина – воина, сильного и гордого.

Композитор Шамиль Шарифуллин создает хоровой концерт «Мунаджаты», представляющий собой художественное переосмысление древнейших корней истории татар. Впервые традиционные религиозные произведения исполняются для широкой публики. Возрос интерес исследователей к репрезентациям истории татар в старинных музыкальных произведениях – баитах и их роли в актуализации исторической памяти татарского народа. Можно заметить обилие мотивов сопротивления, стремления к независимости [7;25]. Тот факт, что в древних эпических произведениях можно найти множество актуальных сегодня сюжетов, отмечает и работник Министерства культуры РТ и педагог Казанской консерватории: «*Я даже своим студентам каждый раз говорю – вас ждут наши эпосы, ждут, когда мы к этому материалу все-таки вернемся. Там такие приключения, героические эпосы, Гарри Поттер отдыхает*» [И. 9].

Конструирование социальной памяти начинается не с сюжета о взятии Казани, а с периода обладания государственностью. Причем можно говорить о двух направлениях интерпретации истоков древней государственности татар в музыкальных произведениях на татарском языке. Во-первых, это признание татар наследниками традиций такого политического образования, как Золотая

Орда, во-вторых, убежденность в том, что татары как народ имеют развитые традиции политической автономии, так как являются потомками булгар, у которых было свое развитое и сильное государство. Это различение свойственно не только для музыкальной сферы. Разноголосица мнений по вопросу о том, кто такие современные татары – потомки степных кочевых монгольских народов или потомки булгар – существует как среди историков, так и среди политиков, журналистов, общественных деятелей. Поэтому просто отметим, какие образы государственности встречаются в татарских музыкальных произведениях в каждом из этих направлений. Примером первой позиции может служить яркая опера «Золотая орда», которая представляет образ сильного, богатого татарского государства, или же баит о дочери последнего хана Казани Сююмбике.

Тема булгарской государственности имеет весомую политическую поддержку и находит широкое отражение в музыкальных произведениях. Можно предположить, что привлекательность булгарской преемственности объясняется отсутствием связи с травмирующим воспоминанием о завоевании Казани или распространенной благодаря советской историографии идеей «татаро-монгольского ига». Одним из объяснений приверженности булгарской теме может служить тот факт, что исторический период существования булгар длительнее, чем золотоордынский, вести свою историю от булгар престижнее с точки зрения доказательства исконных традиций политической самостоятельности, а также усиления акцента на культурно-исторической ценности археологических памятников булгарского периода, расположенных на территории Республики Татарстан.

Сборник татарстанской поэтессы Луизы Батырбулгари «Возвращение» содержит песни о том, как татары потеряли свою государственность, и воспоминания о государстве Булгар. Это такие песни, как "Су буенна энкэй кайтып килэ", "Сонлама", "Мин сине шундый сагындым", "Кайту", "Халкым минем" («Татар кешесе»). В «Татар кешесе» раскрывается собирательный образ татарского человека, который пережил и события XIII–XIV веков, и испытания XVI века, а также XVII–XIX веков. Татарин предстает в образе героя, который, не-

смотря на все исторические перипетии, остался верен своему народу, своей вере. В этих песнях конструируется образ татарина-булгара, гордого воина. В «Татар кешесе» поется про все потери государства и народа, начиная с Волжской Булгарии и заканчивая сегодняшним днем. Это стремление подчеркнуть преемственность в истории и судьбе народа.

Сильное впечатление оставляют произведения композитора Рустема Абязова на слова поэта Джавдата Сулейманова, в которых слышится ностальгия по татарской независимости, государству булгар, по татарским воинам, есть обращения к татарским притчам и легендам. Татарин предстает мифологизированным воином или мудрым правителем, бесстрашным героем, который борется за свое государство. Представление о том, что булгары – это предки татар, подчеркивается также при помощи звучания, которое профессиональные музыканты относят к «булгарскому» времени. Один из современных татарстанских композиторов указывает, что сама «витиеватость», особая пентатоника, традиционные (или признаваемые в качестве традиционных) инструменты курай и флейта – это «*культурный код, понятный татарам на генном уровне*» [И. 11].

Актуальность для современных татарстанских композиторов булгарской тематики отмечает и другой информант, профессиональный музыкант: «*Татарские композиторы 1990-х и по сегодняшнее время начинают все больше уходить в период Казанского ханства, и в период Булгарский. То есть, татарская музыка становится все более отчужденной для нас – современных татар, она становится булгарской, мы слышим такие традиционные инструменты Булгар, как там-там, барабаны… мы привыкли, что у нас больше пентатонические, деревенские «кормушки»*»» [И. 1]

Широкой публике булгарский период преподносится все так же иносказательно, часто в форме сказки. Примером является ставший премьерой в 2014 году балет «Ак Буре», который репрезентируется как сказка булгарского периода. Однако некоторые из экспертов отмечают, что такое «булгарское» звучание популярно лишь среди композиторов; широкому кругу слушателей ближе манера исполнения, относимая к «деревенской» [И.15], [И. 1].

Действительно, можно говорить о популярности булгарской темы у современных композиторов и темы прошлого и почитания предков в целом. В этом направлении работают такие композиторы, как Шамиль Тимербулатов, Масгуда Шамсутдинова, Рашид Калимуллин, Эмиль Низамов и другие. Можно предположить, что существует определенный социальный заказ на создание музыкальных произведений, репрезентирующих периоды древнейшей государственности татар. Мероприятия, связанные с возрождением булгарских святынь и вообще памятью об этом периоде, требуют и подходящего музыкального сопровождения.

По оценкам экспертов, данный нарратив более выражен в городской среде профессионалов-музыкантов и театралов, посещающих специальные тематические мероприятия (оперы, концерты в филармонии и консерватории, встречи с творческими деятелями – поэтами и композиторами). В широких слоях населения республики более известны песни советского периода, современная эстрада, некоторые народные песни малознакомы, поэтому есть смысл остановиться на них подробнее.

Татарское – значит, советское. Музыкальные произведения на татарском языке в период существования СССР претерпели значительные изменения – от народной музыки и форматов, распространенных в узком кругу профессиональных музыкантов, к массовой профессиональной музыке. Происходит институционализация национальной музыки, создаются музыкальные училища, Консерватория, Союз композиторов республики. Зарождается профессиональная эстрада, а также широкий круг фольклорных ансамблей, музыка тиражируется в радио- и телепередачах на татарском языке [9; 96].

Именно в советский период творят такие классики татарской песни, как Загидулла Яруллин, Салих Сайдашев, Султан Габаши, Рустем Яхин и многие другие. Они создают новые по формату произведения и аранжируют народные песни, записывая их и делая доступными широкому кругу слушателей. Большинство экспертов, опрошенных в ходе данного исследования, назвали музыку именно этого периода самой «качественной», а также классической. Информант,

организатор культурных мероприятий отметил: *«Наши очень любят академическую музыку, это с советского времени. В советское время «Татарстан радиосы» сделало огромное дело – воспитало в татарах культуру слушать»* [И. 10].

Наряду с традиционными темами татарской песни, такими, как любовь, родная деревня и «мон», появляются и новые, связанные уже с общей советской историей. Если говорить о раннем советском периоде, то это песни о революции, о первой мировой войне (широко известна до сих пор песня «Герман кое»). В этих песнях татарин – это защитник родной земли от врага. Эта песня и сегодня звучит как со сцены театра (элемент постановки «Мулла»), так и в новой аранжировке современными исполнителями. Информант, молодой человек, постоянный слушатель татарской музыки, отмечает, что это произведение оказывает сильнейшее эмоциональное впечатление: *«Я ходил недавно на спектакль – «Мулла» называется, там песню одну спели – «Герман кое» – очень классная песня […] Она так меня воодушевила, я сразу пришел домой, Вконтакте забил и прослушал, как исполняют ее разные исполнители. Это было вообще!»* [И. 8].

Отразилась в татароязычной музыке, конечно, и Великая Отечественная война. Татарин в песнях этого периода, как и любой другой советский солдат, отважен и верен Родине: «*Есть «Солдатлар» песня. Это 41 год. Опять-таки, патриотизм… в татарской песне патриотизм тоже есть – что они ушли на фронт. [Они не возвратились], но вернулись они в виде лебедей. Обычно у нас у татар лебедь и голубь выражают душу человека, ну, как птица*» [И. 10]. Данный пример позволяет снова обратить внимание на иносказательность татарской песни. Среди таких – известная песня Сары Садыковой «Котем сине» («Жду тебя») и многие другие. В 1957 году состоялась премьера оперы «Джалиль», посвященной Мусе Джалилю, татарскому герою войны, в которой подчеркивается подвиг советского воина, татарина по национальности.

Такие стародавние жанры, как баиты (эпос) и мунаджаты (религиозные произведения) практически забываются даже в деревнях. Информант, исполнитель Татарской государственной филармонии, сообщил о дореволюционных

произведениях с историческим содержанием: «*Таких произведений на татарском языке, связанных с какими-то событиями, осталось очень мало, потому что влиял Советский Союз. Такие жанры, как баиты, мунаджаты… я не скажу, что они запрещались, но их было не модно исполнять. И потом баиты и мунаджаты – это не те жанры, которые можно вынести в широкую массу на широкую публику*» [И. 6].

Особенностью советского периода развития песни на татарском языке можно назвать, с одной стороны, конструирование образа татарина как советского человека, трудящегося, с другой стороны, профессионализацию музыки при сохранении традиционных элементов. Первая тенденция выражалась в создании татарских маршей (один из самых известных марш Салиха Сайдашева «Вождь красной армии»), гимнов, переводе Интернационала на татарский язык, а также в песнях, посвященных Ленину и другим советским лидерам. По оценкам экспертов, сегодня эти песни забыты, они хранятся в архивах и библиотеках, и с ними работают в основном культурологи и филологи.

В советское время, однако, появляются и новые песни – о своей родной деревне и колхозе, например, «Колхоз кызы Сания» («Колхозница Сания»). Среди тематических приоритетов можно отметить восхваление труда, песни про «иген» (жатву). Не забываются и песни о традиционном празднике Сабантуй (праздник плуга и сбора урожая) и создаются новые. Характерная для татарской песни тема труда всячески поддерживается.

Значима в это время и тема патриотизма. Из интервью с постоянным слушателем татарской музыки: «*Ну, гордость за татарский народ в советское время была, какой-то патриотизм у людей, все-таки, был… Пели гимн. «Туган жырым Татарстаным» (родная песня о Татарстане) – очень красивая песня…много песен – И «Туган тел» (Родной язык)* [И. 5] Можно отметить, что и традиционная тема любви к деревне и родному краю так же поддерживается и сохраняется.

В это время оказывается поддержка наиболее политически «удобным» татарским поэтам. Информант, профессиональный исполнитель песен на татар-

ском языке: «*Почему сделали Тукая национальным поэтом? Отнюдь не потому, что были такие стихи хорошие. Было много поэтов, которые были гораздо лучше Тукая – тот же Сагит Рамиев, Дердменд, Такташ, но почему их не сделали? Потому что по происхождению Тукай был лучше всех, сирота, сам рабочий и все такое, поэтому взяли и сказали, что вот Тукай будет вашим великим поэтом*» [И.1]. В целом авторы и темы проходят строгий отбор. Информанты-музыканты и музыковеды, имеющие опыт работы в советском Татарстане, отмечают, что каждая песня или сборник стихов проходили через строгую комиссию, оценивалась как эстетическая сторона произведений, так и их содержание; авторы, желавшие продолжать успешно работать, не могли себе позволить противоречить официальной идеологии. Таким образом, татароязычная музыкальная сфера попала под достаточно строгую цензуру (как, впрочем, и все музыкальное пространство СССР того времени), поддерживались лишь те темы, которые были созвучны советской идеологии.

Некоторые песни даже были переделаны. Один из информантов (работник министерства культуры РТ) отмечает: «*Вот известная песня «Мяскяулярне Казан солгесе» (Казанское полотенце)[…] после падения Казанского ханства было написано… народная грусть. У нас в советское время изменили слова на «апасыннан матур сенлесе» – это никак не вяжется, при чем тут «младшая красивее, чем старшая сестра»? А там было – «бигрәк матур иде өлгесе элгесе». Элге – это образец. То есть, «Какой был красивый образец», это же образец государства говорится, совсем другой смысл, такое глубокое понятие, историческая память здесь лежит. Но, к сожалению, так изменили, даже многие татары теперь не знают*» [И. 12].

Однако все эксперты отмечают, что национальное в советский период сохранялось в песнях прежде всего через звучание, как отмечает информант профессиональный исполнитель: «*Композиторы того периода – чем они были хороши? Они были профессионалы своего дела, они писали песни о Ленине, но в то же время сохранили в них пентатонику (особенность звучания татарской песни)*» [И. 1].

Если национальные элементы в музыкальных сочинениях на татарском языке продолжали транслироваться, часть произведений, тесно связанных с образами истории татар, была практически забыта. Такой жанр, как религиозные мунаджаты, стали слушать гораздо меньше людей. Однако уже с 1970-х гг. начинается новое творческое переосмысление исторической судьбы татарского народа в песнях, примером может быть уже упомянутая песня «Калфак». Постепенно начинается поиск новых образов как татарской истории, так и самих татар.

Современность с древними корнями. Еще одним выявленным в татароязычной музыке нарративом является образ татарина (-ки) как современного человека, но при этом сохраняющего национальные черты и особенности. Этот нарратив объединяет множество различных смыслов, так или иначе связанных с национальной идентичностью. Важнейшим фактором, напоминающим татарам о собственной идентичности и культуре в национальной музыке, был и остается татарский язык. Так, респондент, молодой слушатель, отмечает, что сегодня слушатели татарской музыки – это: «*Скорее всего, те, кто владеет татарским языком, что-то понимает на татарском […] есть люди, которые не понимают языка, но слушают […] Это городские мальчики и девочки […] У меня очень много таких знакомых. Много таких, кто понимает, но говорить не может, но музыку татарскую слушают. Для них это важно*» [И.8]. Можно заметить, что музыка на татарском предстает в этом примере одним из каналов актуализации этнической идентичности в повседневности. Самый массовый сегодня жанр – татарская эстрада – не несет ярко выраженных образов истории народа, однако само ее звучание на татарском языке напоминает о собственной идентичности.

Язык как важнейший фактор социальной памяти о национальном упоминают многие эксперты. Некоторые называют его особым «культурным кодом»; кто-то подчеркивает, что, даже не зная языка, можно приобщаться к татарскому сообществу через песни. Отмечается и то, что песни на татарском языке тесно связаны с обычными повседневными практиками, такими, как общение (праздники, контакты с родителями и друзьями, поездки в автомобиле и т.д.). Музыка

на татарском становится важной для широкого круга слушателей, даже тех, кто плохо говорит на татарском языке. Результаты массового репрезентативного опроса жителей Казани, проведенного в рамках проекта «Войны и конвенции памяти в постсоветском Татарстане» в 2014 г., подтверждают это предположение: около 60% респондентов сказали, что они слушают песни на татарском языке (из них 19% – часто, 22% – иногда и 18% – редко). Чаще всего свою музыку слушают татары (около 85% опрошенных представителей титульной в республике национальности, только 14% опрошенных – русские).

Один из информантов, сотрудник Татарской государственной филармонии, отметил: «*Для татар эта музыка крайне важна, потому что татарская музыка – это единственный для всех татар источник выражения чувств народа, я бы даже сказала: единственный источник выражения чувств народа, который объединяет всех татар и понятен любому, даже маленькому ребенку и старику. Те же звуки курая услышит младенец – поймет, это наше родное. Истинная народная музыка, такие песни, как «Гульжамал», «Тафтиляу» – эти песни они в генном коде заложены уже у человека, и даже у человека, который живет в Москве, который живет в Петербурге»* [И. 7].

Роль языка как маркера этничности, проявляющаяся и в таких музыкальных течениях, как рок и рэп на татарском, относительно новых для национальной культуры, отмечает и респондент, профессиональный музыкант и организатор республиканских музыкальных мероприятий: «*Есть, собственно, альтернативная субкультурная сцена, в которой рассказывается не об отдельно взятом татарине, а о переживаниях Человека, только на татарском языке. Это могут быть темы, поднимаемые русскоязычными или англоязычными группами, но на татарском языке. То есть жизнь человека в городе, все вытекающие отсюда темы, та же самая любовь, лирика… Кто-то пишет на тему веры и тоже рассказывает с точки зрения современного молодого человека*» [И. 3].

В этом примере значимо, что татарин в современной музыке предстает современным человеком, который поет о тех же темах, что и весь мир, сохраняя при этом свою культуру (в данном случае язык). Эту же тенденцию отмечает

работник министерства культуры РТ: «*Любое национальное искусство, когда оно устремлено только вовнутрь, это не совсем правильно, оно будет замыкаться. Когда ты становишься доступным, твое национальное становится доступным, оно становится мировым достоянием, и ты за счет этого впитываешь другие культуры, получается синтез*» [И. 9]. Абсолютное большинство опрошенных экспертов считают, что татарская музыка – это то, чем можно гордиться, и что необходимо не только поддерживать внутри РТ и РФ, но представлять миру. При этом подразумевается, что через музыку можно презентовать себя в мировом сообществе как народ. Отчасти с этим созвучны и высказывания татарстанских политиков, например, М. Шаймиев отмечает на премьере исторической оперы «Кара пулат»: «Именно через музыкальные произведения мы можем с гордостью показать себя миру» [VI].

Сегодня в музыкальном пространстве республики звучат произведения самых разных жанров и содержания, у всех них есть свой круг слушателей. Самая большая аудитория у современной и советской эстрады. Менее обширен круг тех, кто слушает академические, авторские песни, народные песни и современные произведения на татарском языке. Интересно, что все опрошенные респонденты – профессионалы музыкальной сферы отметили, что большинство современных популярных песен на татарском языке – не несут в себе ни традиций татарской культуры, ни каких-либо образов истории, ни в целом эстетической ценности. Даже информант, который сам профессионально исполняет современную популярную татарскую музыку, констатирует, что «*сейчас нет нормальных композиторов, кто-то умирает, кто-то стареет. Даже нормальные молодые композиторы, которые сейчас песни пишут, не понимают уже. Надо петь те песни, которые раньше были*» [И. 2]. Этот респондент, как и другие эксперты, принявшие участие в исследовании, так же отмечает, что современная татарская эстрада сильно коммерциализирована и не отличается «качеством».

Интересно, что, несмотря на это, результаты массового опроса части населения Татарстана (казанцев) свидетельствуют: значительная часть тех, кто слушает татарскую музыку (40%), предпочитают именно современную эстраду,

еще 25% – старинные народные песни, 20% – советскую эстраду и лишь небольшая часть предпочитает религиозную музыку и такие новые течения, как татарский рэп и рок.

На наш взгляд, популярность более «легкой» в тематическом отношении музыки можно объяснить некоторой усталостью слушателя от тоскливости и грусти в татарской песне, и стремлением подчеркнуть другие, более позитивные черты характера татарского народа. Накопившуюся усталость отметили и опрошенные эксперты.

В популярной татарской песне центральным становится мотив определения собственного «Я». Прямо подчеркивается принадлежность к татарскому народу и любовь к нему. Особенно это актуально для молодежных эстрадных песен. Информант, исследователь татарской музыки, замечает: «*Вот сейчас очень много молодежи пишет такие песни – «Без татарлар», «мин татар егете», «мин татар кызы*» *[«мы – татары», «я татарский парень», «я – татарская девушка»]. В последнее время это даже тенденция, я бы сказала*» [И. 12]. Как отмечают информанты, такие песни слушаются, когда молодежь собирается для общения, на праздниках, вечеринках [И. 8], [И. 12].

Само по себе общение важно для понимания той роли, какую музыка играет в укреплении групповой идентичности татар. Песни, которые исполняются на праздниках, юбилеях, свадьбах, посвященные родителям, «песни-открытки» – это распространенное явление для многих как городских, так и сельских жителей. Тесная связь музыкальных произведений на татарском языке с повседневными и праздничными практиками указывает на высокую значимость такой музыки в жизни современного татарина. Музыкальный фон большинства взаимодействий между татарами – это именно песни на татарском языке, тематически чаще всего о родителях, любви, общении. Можно сказать, что через такие песни передаются нормы групповой солидарности, например, уважение к родителям.

Для современной татарской эстрады характерно встраивание татар в современное пространство города, страны и мира. Особенно это заметно в визуальном ряде клипов татарских поп-исполнителей. Во-первых, презентация себя

как татарских поп-исполнителей в «формате» современного глобализированного мира происходит благодаря созданию песен и клипов с современными элементами (в звучании это использование электроинструментов, усиление басов, вкрапление отрывков английских фраз, в визуальном ряде – элементы хореографии, костюмов, манера съемки и т.д.). Во-вторых, это смешение «традиционного татарского» и современного: классическая песня про деревню и клип с традиционными сельскими домами может быть дополнена кадрами, демонстрирующими современный городской образ жизни (главный герой работает в офисе, едет в автомобиле, использует различные гаджеты и так далее).

Отдельно стоит отметить песни о Казани и Татарстане вообще. Пожалуй, самый удачный пример такой песни – популярного исполнителя Салавата Фатхутдинова – «Мин яратам сине, Татарстан» («Я люблю тебя, Татарстан»). В массе всех музыкальных произведений на татарском языке, созданных в последние десятилетия в Татарстане, могут и не читаться явные отсылки к истории и интерпретации каких-либо исторических событий, однако подчеркивание собственной этнической идентичности, гордости за нее и привязанность к малой родине выражены достаточно сильно. Интересно отметить, что на фоне роста значимости национальных особенностей, отличительности и «татарскости», происходит поиск и творческое осмысление того, как татарский народ может выигрышно позиционировать свою культуру на мировом уровне.

Заключение. Анализ эмпирического материала позволяет отметить, что изменение образов истории в татарской музыке тесно связано со спецификой определенного хронологического периода. В музыке происходит конструирование не только представлений об истории татар, но и о самих татарах как народе. Татарская музыка становится одним из механизмов, закрепляющих особенную отличительную идентичность татар как с помощью содержания, так и средствами музыкальной формы (пентатонического звучания, мелодизма, мелизмов, использования курая и т.д.). Изменения историко-политических нарративов в татарской музыке в XX веке отчасти отражают и изменения представлений этнических татар о собственной идентичности.

Особое звучание, набор классических тем, таких, как гармония с природой, семья, любовь, использование татарского языка делают музыку для татар важным напоминанием о собственных корнях (даже для тех, кто не живет в Татарстане или не знает языка). При этом происходит не только воспроизведение старых образцов, но их творческое переосмысление и создание новых. С одной стороны, историческое наследие становится источником все новых и новых музыкальных произведений на татарском языке, как инициированных культурной и политической элитой региона (оперы и балеты «Золотая одра», «Кара Пулат» и др., финансируемые правительством республики), так и созданных авторами-одиночками. С другой стороны, актуализируется интерес поэтов и композиторов к истории татар. Обращение к древности выступает в виде апелляции к источникам силы и мощи татар, так как образ предков проецируется на сам народ.

Татарские музыкальные произведения становятся одним из механизмов поддержания представлений об исторической роли татар, а также своеобразным «экраном», транслирующим версии истории, пригодные для поддержания групповой солидарности. Однако символическая репрезентация – это не нечто, что «спускается сверху» и механически принимается сообществом; предлагаемые образы истории находят эмоциональный отклик, определенную эмпатию у слушателя. Они творчески переосмысливаются поэтами, музыкантами и другими профессионалами. Направленность этого переосмысления отражает изменение представлений о собственной этнической идентичности и месте татар как народа в истории и современных политических реалиях. Изменения в историко-политических нарративах указывают на возросшее значение оценки положения собственной национальной культуры в мире и утверждение значимости такого поиска в глазах экспертов и потребителей культуры.

Источники

I. Web-сайты Татарстана. Веб-сайты татарской музыки [Электронный ресурс] // Правительство РТ. Национальная библиотека Татарстана. – URL: http://kitaphane.tatarstan.ru/ciki/webt.htm_ (дата обращения: 17.11.2015) .

II. Тукай Г. Сказки. – Казань: Татарское книжное издательство, 2009. – 64 с.

III. Обращение Президента Республики Татарстан Р.Н. Минниханова по случаю Дня официального принятия ислама Волжской Булгарией [Электронный ресурс] // Портал правительства Республики Татарстан. – URL: https://prav.tatar.ru/rus/index.htm/news/303154.htm (дата обращения: 17.11.2015).

IV. Ахиярова Р.З. Идель-йорт: песни и романсы. – Казань: Татарское книжное издательство, 2008. – 119 с.

V. Народные жемчужины: баиты, мунаджаты [Электронный ресурс] // Таткнигафонд. По заказу Кабинета Министров Республики Татарстан. – URL: http://www.tatknigafund.ru/books/1795/read?locale=ru (дата обращения: 17.11.2015) .

VI. Татарский театр оперы и балета представит национальную оперу «Сююмбике» [Электронный ресурс] // Татар-информ. Информационное агентство. URL: http://www.tatar-inform.ru/news/kazan/2014/12/30/436578/ (дата обращения: 17.11.2015) .

VII. Минтимер Шаймиев высоко оценил татарскую оперу-легенду «Кара Пулат» [Электронный ресурс] // Татар-информ. Информационное агентство. – URL: http://www.tatar-inform.ru/news/2015/01/21/438952/ (дата обращения: 17.11.2015) .

Литература

1. Хакимов Р. Ф. Исторические песни в татарском народном творчестве // Вестник Чуваш. гос. ун-та. № 4. – 2008. – С.322–324.

2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. (Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism) / Пер. с англ. яз. В.Г. Николаева. Вступ. ст. С. Баньковской. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. – 288 с.

3. The Invention of Tradition, eds. E. Hobsbaum, T. Ranger. Cambridge University Press, 2003. – 320 p.

4. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция – память / П. Нора, М. Озуф, Ж. Пюимеж, М. Винок. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – 328 с.

5. Брубейкер Р. Этничность без групп / пер. с англ. И.Е. Борисовой; Нац.исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.

6. Faller H.M. Nation, language, islam. Central European university press, 2011. – 320 p.

7. Хурматуллина Р.К. Историческая память татарского народа в произведениях музыкальной культуры: баиты // Казанский педагогический журнал. №3. – 2015. – С. 23–27.

8. Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. №3. – 2012. – С. 5–40.

9. Кудрявцев А.В. Национальное в музыке: конец репрезентации? (На примере татарской музыки 1980–1990 гг.) // Постсоветская культурная трансформация: медиа и этничность в Татарстане 1990-х гг. Под ред. С.А. Ерофеева и Л.Р. Низамовой. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – 292 с.

10. Галиуллин Т.Н., Юсупова Н.М. Образ Г. Тукая, как национальный идеал в татарской поэзии XX века // Вестник Татар. гос. гуманит. пед. ун-та. № 3. – 2012. – С.126–129.

11. Гали Б.Т. Об историзме творчества татарского поэта Г. Тукая // Вестник Чуваш. гос. ун-та. № 3. – 2006. – С.270–276.

12. Ибрагимов М.И. Национальная идентичность и теория автора (на примере стихов Г.Тукая «Пища души») // Вестник Удмурт. гос. ун-та. № 5–4.– 2013. – С.142–146.

13. Исхакова Н.Р., Сафиуллина Н.З. Особенности формирования татарской национальной музыкальной культуры молодежи // Международный журнал экспериментального образования. – 2014. № 3. – С. 26–29.

14. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004 . – С. 111–138.

ГЛАВА III. ТЕНДЕНЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В РЕГИОНЕ

Реальное состояние социального самочувствия жителей республики и тенденции социокультурных процессов в регионе предопределяются множеством факторов. При анализе укоренившихся практик жизнедеятельности регионального сообщества, а также многообразных форм функционирования социальной сферы, отражающих её неоднородность, выделяются несколько составляющих, каждая из которых так или иначе влияет на качество жизни населения в целом и на повседневную жизнь конкретного человека.

При изучении отдельных сторон региональной социальной сферы, динамики ее развития, проблем и перспектив акцент делается на реализации возможных стратегий её трансформации в направлениях, связанных с улучшением социального самочувствия жителей республики.

1.3. Экскурс в историю регионального социологического сообщества

В России после Октябрьской революции и гражданской войны стали широко практиковаться конкретные социальные исследования с целью информирования общества о различных сторонах его жизни, о ходе революционных преобразований, имевшие определенное теоретическое и практическое значение. Однако вскоре на долгие годы воцарилось господство умозрительных теоретических построений. Лишь в конце 1950-х гг. с началом «оттепели» постепенно преодолевался догматизм в общественных науках, возрождался интерес ученых к познанию эмпирической реальности.

Знаковым событием стало первое участие советских социологов в работе III Международного социологического конгресса в Амстердаме в 1956 году. После Всемирного социологического конгресса в Милане (1959 г.) в Москве, Ленинграде, а затем и в Казани стали создаваться социологические подразделения.

Этот период характеризуется сложными, неоднозначными, противоречивыми процессами и явлениями, противостоянием различных позиций, взглядов на развитие социологии со стороны ученых и политиков. Длительное время в стране было неопределенное отношение к социологии: то она третировалась как буржуазная наука, то от нее ожидали слишком многого, считая панацеей от всех социальных проблем. В результате институционализация социологии как науки состоялась лишь в конце 1980-х гг.: преобразование Института социологических исследований в Институт социологии означало признание социологии в качестве самостоятельной теоретической науки.

В региональном аспекте становление социологической мысли также характеризовалось противоречивыми тенденциями. Эти процессы носили «запаздывающий» по сравнению с российскими характер.

В Казанском государственном университете социологическая лаборатория была открыта вслед за Ленинградским, Московским и одновременно с Ростовским, Новосибирским и Уральским университетами. В Казанском университете 31 января 1964 года издан приказ №18, $1 о создании при кафедре диалектического и исторического материализма социологической лаборатории (основание – приказ Министра высшего и среднего специального образования РСФСР от 2 января 1964 г., №6).

В составе лаборатории было четыре штатных сотрудника и руководитель на общественных началах. Первым научным руководителем лаборатории был доцент Н.А. Аитов, специалист в области социологии труда, социального планирования и проектирования. С 1965 г. в течение ряда лет лабораторией руководил доцент Р.Г. Балтанов, специалист в области религиоведения. В 1969–1976 гг. лабораторию возглавлял М.А. Нугаев, доцент возникшей к тому времени кафедры научного коммунизма, основное исследовательское направление было связано с изучением трудовой активности рабочего класса промышленных предприятий г. Казани и г. Набережные Челны. Затем в течение ряда лет при кафедре научного коммунизма существовала социологическая группа, специализировавшаяся на изучении студенческой проблематики. В конце 1980-х –

начале 1990-х гг. социологическая лаборатория существовала как проблемная под руководством доцента А.Л. Салагаева, была головной по изучению общественного мнения в Республике Татарстан, основным исследовательским направлением было девиантное поведение молодежи. Впоследствии руководители лабораторий стали известными учеными, докторами наук, внесшими весомый вклад в развитие различных отраслей социологического знания. Новый этап развития социологических исследований в Казанском университете связан с созданием Центра социологии культуры в середине 1990-х гг. под руководством доцента кафедры социологии С.А. Ерофеева, спецификой ее деятельности было региональное (Поволжье) и международное (страны Западной Европы) сотрудничество.

Первым казанским социологом периода оттепели можно считать Г.Т. Журавлева: доцент химико-технологического института, он просвещал начинающих исследователей вузов города, дал им «путевку в жизнь». Еще один энтузиаст – в области психологических исследований – Е.А. Климов, доцент Казанского университета, учивший молодых сотрудников социологических лабораторий статистическому анализу. Вскоре оба переехали в Москву, стали известными учеными, докторами наук.

Социологические лаборатории открываются и в других вузах г. Казани: авиационном институте, где сложилась «могучая кучка» – Р.В. Волков, одним из первых в городе проводивший фокус-группы, Э.С. Рахматуллин, занимавшийся промышленной социологией, Т.Г. Исламшина, специалист-этнолог; а также в финансово-экономическом, педагогическом институтах и других учреждениях города и республики.

В течение всего этого времени сотрудниками лабораторий и внештатными сотрудниками, привлекавшимися на основе заключения хозяйственных договоров с предприятиями и организациями, было проведено множество конкретных социологических исследований, касавшихся различных сфер жизни российского общества. В ходе проведения этих исследований отрабатывались методология и методика применительно к различным исследовательским про-

ектам, были реализованы репрезентативные исследования: изучение религиозного сознания и поведения жителей г. Казани на основе опроса 5678 чел. (краткие результаты опубликованы в журнале «Наука и религия», 1967, №8); полевые исследования в сельских районах республики, в том числе состояние религиозности жителей в моноэтнических поселениях: татарской деревне Верхний Нурлат Октябрьского района (материалы опубликованы в сборнике «Атеизм – в массы», 1972, на татарском языке), русской деревне Тюрнясево Октябрьского района, а также в полиэтничном (татары, русские, чуваши) поселении (деревня Ленино Лениногорского района РТ).

Студенческая проблематика была постоянно в центре внимания исследователей: духовный мир казанского студенчества, его образ жизни (объектом изучения были студенты крупнейших вузов Казани – университета, а также институтов: педагогического, сельскохозяйственного, инженерно-строительного). Мотивация выбора университетского образования была предметом исследований в 1967 и 1968 гг. – для выявления устойчивых, повторяющихся процессов, обнаружения тенденций (отдельные результаты опубликованы в материалах Всесоюзной научно-теоретической конференции. Москва, 1972).

Наряду с научными лабораториями возникают социологические службы на промышленных предприятиях республики, а также в г. Казани, на базе которых проводятся исследования с участием ученых казанских вузов. Экспериментальной исследовательской площадкой для казанских социологов становится строившийся Камский автомобильный завод, его первенец Ремонтно-инструментальный завод, в 1970-е гг. здесь проходят социологическую практику студенты Казанского университета. Это время расцвета заводской социологии, у истоков которой в республике находится Н.С. Фатхуллин, ныне профессор, доктор философских наук, специалист в области девиантологии.

Помимо прикладных исследований было организовано социологическое просвещение профсоюзных, комсомольских и партийных работников силами казанских ученых, прежде всего Казанского университета, при поддержке Областного Комитета КПСС.

Координация деятельности социологических подразделений осуществлялась Советской социологической ассоциацией, которая имела иерархическую структуру: ей подотчетны были Поволжское отделение с центром в г. Самаре, в составе которого в свою очередь находился Татарстанский филиал с центром в г.Казани. Это было реально действовавшее в республике и в Поволжье социологическое сообщество, члены которого осуществляли совместную научную деятельность, принимали активное участие в конференциях на базе своего региона.

Помимо социологического просвещения партийных и комсомольских работников в Казанском университете студентам отделения научного коммунизма, существовавшего с 1970 года, читались социологические дисциплины, а также проводилась выездная социологическая практика в ведущих научных центрах страны, в частности в университетах: Ленинградском, Горьковском, Латвийском, Самарском, в академических организациях (Институт социологии РАН, Институт этнографии РАН, НИИКСИ при ЛГУ, Институт истории АН Эстонской ССР), в заводских лабораториях (Нижнекамскнефтехим, Камский автомобильный завод, Волжский автомобильный завод) и др. Спецификой советского времени была подготовка специалистов-гуманитариев из других стран мира (Республика Куба, Восточная Германия, Монголия, Афганистан, Лаос, Вьетнам и др.). Социокультурные контакты студентов различных этнических групп способствовали их взаимопониманию и взаимопомощи. Иностранные студенты, выпускники тех далеких лет, стали руководителями научных и образовательных учреждений в своих странах, хранят теплую память о казанском университетском прошлом. Посланцы Кубы спустя четверть века организуют фестивали на своей земле, посвящая их своим сокурсникам и преподавателям.

В вузах Казани сформировались свои социогуманитарные научные школы под руководством опытных ученых-исследователей: помимо КФУ (возглавляет Р.Г. Минзарипов, выпускник отделения научного коммунизма КГУ, доктор социологических наук, профессор), это КНИТУ/КАИ (возглавляет выпускник отделения научного коммунизма КГУ доктор политических наук, профессор В.А. Беляев), КНИТУ/КХТИ (одним из руководителей являлся выпускник

отделения научного коммунизма КГУ А.Л. Салагаев, доктор социологических наук, профессор), КГАСУ (под руководством В.К. Падерина, доктора философских наук, профессора), КГЭУ (под руководством М.А. Нугаева, доктора философских наук, профессора, а также доктора политических наук, профессора Н.М. Мухарямова, выпускника отделения научного коммунизма КГУ), КГМУ (организатор науки доктор философских наук, профессор Р.Г. Балтанов, ныне гуманитарные науки курирует выпускница отделения научного коммунизма КГУ Л.М. Мухарямова, доктор политических наук, профессор) и многие другие. Между учеными вузов существуют научное сотрудничество, взаимопомощь в подготовке кадров высшей квалификации. Однако не хватает координации научных исследований в городском и региональном масштабах, в то время как исследовательское поле представляет собой сложный поликультурный ареал, для углубленного социогуманитарного подхода необходимы усилия специалистов различных направлений.

В течение двух десятилетий в Казанском университете осуществляется подготовка дипломированных специалистов-социологов, а также подготовка кадров высшей квалификации – кандидатов социологических наук (диссертационный совет по защите кандидатских диссертаций действовал с 1992 года, по защите докторских диссертаций – с 2010 по 2012 гг.).

Все эти процессы не могли не способствовать становлению социологической мысли республиканского сообщества. Однако происходило это медленно, через потери и приобретения. В числе причин длительного полувекового процесса формирования социологической школы следующие:

– Отрыв эмпирической социологии от теоретической. Отношение к социологии как к науке сугубо эмпирической, не имеющей своих теоретических оснований, лишь обслуживающей другие науки с помощью своей методики и исследовательских процедур, служило тормозом для ее развития. До сих пор существует диссонанс в тандеме «теория – эмпирика»: недостаточная разработанность теорий, объясняющих специфику российской реальности, побуждает исследователей обращаться к методологически не всегда адекватным российскому обще-

ству «западным» конструкциям (так, трансформационные российские процессы описывались посредством структурно-функционального анализа).

– Частая смена научных лидеров и научных направлений в социологических подразделениях различных организаций и ведомств республики, в том числе в Казанском университете.

– За интенсивным развитием эмпирической социологии в академических учреждениях и заводских лабораториях советского общества последовало закрытие в 1990-е гг. социологических служб из-за недостаточного финансирования.

– Многотемье, недостаточность крупномасштабных исследований в РТ, в городах и сельских поселениях, дающих целостную картину жизни различных групп регионального сообщества; недостаток фундаментальных коллективных монографий социологов республики по аналогии с публикациями новосибирских социологов (Новосибирская экономико-социологическая школа) затрудняли выход республиканского социологического сообщества на российскую и международную «арену».

– Взаимоотношения социологов с властными структурами, суть которых красноречиво сформулировал один из партийных функционеров, давая очередное задание по проведению исследования: «У вас – мозги, у нас – власть». Социология развивалась на общественных началах, результаты социологических исследований использовались ограниченно, преимущественно для иллюстрации положений докладов партийных работников, как своего рода «дань моде». Между тем социологические исследования – трудоемкая работа, разновидность профессиональной деятельности, в ходе которой затрачиваются интеллектуальные и временные ресурсы исполнителей.

В условиях функционирования рыночного общества возникают исследовательские центры на основе самоокупаемости, выполняющие работы по заказу. Кроме того, исследователи широко используют индивидуальные и коллективные гранты для реализации научных работ.

В постсоветском российском обществе интенсифицировались процессы взаимодействия отечественных исследователей с учеными других стран. В Ка-

занском федеральном университете это происходит в контексте Программы развития университета: восстанавливаются прежние международные связи, устанавливаются новые двусторонние и многосторонние контакты. На развитие совместных с российской стороной исследовательских проектов ориентировано европейское научное социогуманитарное сообщество.

Существуют все основания полагать, что у социологической мысли регионального сообщества, имеющего богатое прошлое, талантливых наследников, – плодотворное будущее.

2.3. Динамика экологического сознания татарстанцев

Преодоление экологического кризиса и переход к устойчивому развитию невозможны без формирования у населения развитого экологического сознания как составляющей экологической культуры и экологически ответственного поведения, – именно это является необходимым условием дальнейшего существования современного общества. В исследовательском плане нас, в конечном счете, интересует вопрос: есть ли тенденция сдвига массового экологического сознания от восприятия окружающей среды как набора ресурсов для удовлетворения потребностей и достижения целей общественного развития к пониманию взаимозависимости развития общества и природы, проявляющейся в жесткой взаимосвязи, которая существует между состоянием природной среды и благополучием и здоровьем человека, его восприятием себя как части природы и намерениями социальных субъектов активно содействовать сохранению и восстановлению окружающей природной среды, что, собственно, и показывает реальный уровень экологизации массового сознания. Трансформация массового экологического сознания рассматривается в процессуальном аспекте как изменение содержания в соответствии с принципами устойчивого развития.

Экологическое сознание как один из маркеров экологической культуры является ее базовым компонентом. Экологическое сознание «признает окружающую среду высшей самоценностью, где человек является лишь частью

природной системы, а его поведение и установки корректируются таким образом, чтобы не нанести ущерба окружающей среде» [1; 375] Иметь экологическое сознание – значит быть ответственным перед природой, осознавать ограниченность и уникальность природных ресурсов, стремиться к устойчивому развитию.

В отечественной социологической традиции в самом общем виде под экологическим сознанием понимают «сознание, которое охватывает наши представления, способы поведения, сферу деятельности, желания и ожидания, которые касаются окружающей природной среды» [2; 330], в зарубежной – его понимают более конкретно и связывают со «степенью озабоченности субъектов проблемами окружающей среды и проявление желания/оказание помощи при решении экологических проблем» [3; 482]. В экологическом сознании предполагается пропорциональное сочетание иррационально-чувственных и рациональных компонентов, базирующихся на экологической озабоченности, образованности и информированности социальных субъектов, наличие определенной шкалы ценностей, в которой доминирующую роль играют постматериальные установки.

Таким образом, принимая во внимание разнообразие существующих подходов к концептуализации экологического сознания, под ним мы понимаем *компонент экологической культуры, характеризующийся определенным уровнем озабоченности населения состоянием окружающей среды, сформированности экологического знания, наличия у субъекта набора постматериальных ценностей и установок* [4].

Экологическое сознание можно рассматривать не только как структурный элемент и форму проявления экологической культуры, который непосредственно оказывает влияние на выработку моделей поведения, соответствующих определенному отношению к окружающей природной среде. Состояние экологического сознания является фактором, влияющим на социальное самочувствие социальных субъектов (индивидов и групп), поскольку в нем сочетаются осознанная оценка ими экологических условий существования, ощущение комфортности/дискомфортности жизнедеятельности (на физиологическом и пси-

хологическом уровне) в этих условиях, оно выражается в психологических состояниях тревожности, экологической обеспокоенности, в степени удовлетворенности экологической ситуацией, прежде всего в районе непосредственного проживания, что, в конечном счете, воплощается в различных формах проэкологической активности или пассивности. Современные концепции для измерения благосостояния и качества жизни также включают не только социальные и экономические, но и экологические показатели; причем в последнее время привлекает к себе все больше внимания американский подход, при котором в центр внимания ставится субъективное восприятие и оценка благополучия «самим рядовым человеком» [5; 66–67].

Исследователи экологического сознания различают две традиции его анализа – гносеологическую и социологическую. В гносеологической традиции сознание выступает как отражение общественного бытия, которое фиксируется в содержании экологического императива, идеи гуманизма, экологической этики и т.д. В рамках социологического подхода, которого придерживаемся в своем исследовании мы, простейшими структурными элементами экологического сознания выступают знания, убеждения, нормы, ценности. В своих работах социологи (Р. Данлэп, Р. Инглехарт, Р. Митчелл, В. Сафронов, Б. Фирсов, В. Сафронов и другие) определяют и детализируют набор компонентов, характеризующих экологическое сознание, включая в него: «озабоченность состоянием среды; мобилизация моральных ресурсов; способность к идентификации источника угрозы и породившего ее социального субъекта; признание здоровой и безопасной среды обитания общественной ценностью; индивидуальная мобилизация, т.е. осознание необходимости личного участия в протестных, креативных и иных коллективных действиях; когнитивная мобилизация, т.е. формирование готовности к действиям на основе осмысления информации о рисках и опасностях» [I].

Мы предлагаем дополнить и обобщить вышеперечисленный список следующим перечнем индикаторов экологического сознания: уровень озабоченности индивида состоянием окружающей его среды; экологическая информиро-

ванность (установки на получение экологической информации); уровень экологического знания; наличие у субъекта постматериальных ценностей и установок; уровень экологической ответственности; осознание значимости и необходимости использования «зеленых технологий» [6].

Таким образом, можно выделить несколько блоков исследовательских задач, решение которых позволит сделать выводы о состоянии и динамике экологического сознания татарстанцев:

1. Определение динамики степени экологической озабоченности населения, (степени обеспокоенности состоянием окружающей среды).

2. Фиксация динамики изменения оценок экологической ситуации в РТ в целом и местах непосредственного проживания; выявление наиболее значимых экологических проблем.

3. Отслеживание изменений в уровне информированности населения по экологическим проблемам (установки на получение экологической информации).

4. Наличие у социальных субъектов постматериальных ценностей, готовности к экологически ориентированному поведению, степень сформированности чувства ответственности и причастности к тому, как экологические проблемы будут решаться (факторы, которые влияют на решение экопроблем).

За последние двадцать лет жизнь в российском обществе, в том числе и в РТ, заметно изменилась. Речь идет не только о политико-экономических, социокультурных, институциональных изменениях, но и об изменениях в социальной структуре, в ценностных ориентациях, стиле жизни, потребительских предпочтениях и запросах различных социальных групп. Повышение уровня жизни, стабилизация экономики в 2000-х годах и повышение покупательной способности населения, разнообразие в предоставляемых рынком услуг, несмотря на сохранение значительного социального неравенства в обществе, сказалось и на уровне запросов татарстанцев: в стиле жизни многих социальных групп важное место стала занимать забота о своем здоровье и физиологическом и психологическом самочувствии, что повлекло за собой повышение внимания к состоянию окружающей среды.

Так, если в 1997 году состояние окружающей среды беспокоило 68,6 % татарстанцев [7; 213], то в 2003 году уже 72,4%, а в 2014 году – 76,2 % жителей республики*. Таким образом, в целом можно наблюдать тренд роста уровня экологической обеспокоенности населения РТ.

Результаты опроса татарстанцев в 2014 году показали, что среди горожан больше, чем среди сельских жителей, обеспокоенных ухудшением состояния окружающей среды (соответственно 42,3% и 32,7 %) (рисунок 1).

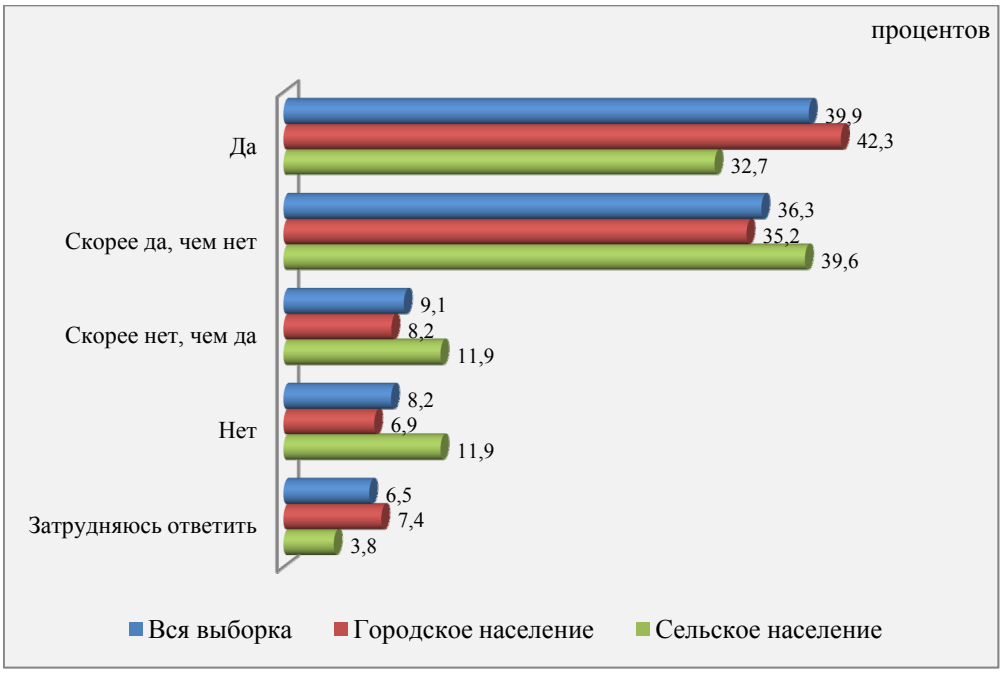

Рисунок 1 – Распределение ответов респондентов на вопрос: «Беспокоит ли Вас состояние окружающей среды в вашем городе/поселке?», % к общему числу респондентов.

* В 1997 году исследование проводилось социологической группой КГТУ при участии КМ РТ и Экологического фонда РТ по репрезентативной выборке объемом 800 единиц. Статистическая погрешность не превышала 5 %. В 2003 году исследование проводилось социологической группой кафедры социологии КГУ при участии Л.Г. Егоровой по случайной репрезентативной многоступенчатой выборке объемом 650 единиц. Статистическая погрешность не превышает 5 %. В 2014 году по заказу ЦЭСИ КМ РТ сотрудниками Центра перспективных экономических исследований Академии наук РТ при участии П.О. Ермолаевой и Е.П. Носковой было проведено социологическое исследование в Республике Татарстан, охватывающее обширный круг вопросов в рамках оценки качества жизни населения и социально-экономического положения республики. Выборка составила 3500 единиц. Статистическая погрешность не превышает 5 %. Во всех трех исследованиях использовался метод анкетирования.

Подчеркнем, что, по данным исследования 1997 года, существенных различий в этом вопросе во мнениях представителей разных территориальных групп – городских и сельских – не было обнаружено [7; 97].

Экологическая озабоченность населения республики, безусловно, имеет под собой объективные основания. Несмотря на то, что экологическая ситуация в районах РТ различна, в целом состояние природной среды республики продолжает оставаться неблагополучным. «Ранжированный список проблем экологической безопасности Республики Татарстан включает в себя: ухудшение демографической ситуации и состояния здоровья населения; высокий уровень загрязнения атмосферного воздуха выбросами автотранспорта; химическое загрязнение питьевой воды, подаваемой населению по системе централизованного водоснабжения; загрязнение поверхностных водных объектов сбросами и выбросами промышленных предприятий, транспорта и предприятий коммунального хозяйства; аккумулированное загрязнение почвы вследствие долговременного выброса загрязняющих веществ от автотранспорта и промышленных предприятий; экологическую опасность загрязнения окружающей природной среды от неорганизованного хранения бытовых и промышленных отходов; загрязнение атмосферного воздуха выбросами от промышленных предприятий; экологическую опасность объектов на промышленных предприятиях, возможность экологических аварий и катастроф» [II].

Урбанизация, предприятия теплоэнергетического комплекса, развитие промышленности, особенно нефтяной и химической отраслей, увеличение количества автотранспорта являются причиной повышенного уровня загрязнения атмосферного воздуха в республике, причем за 2010-е годы последний фактор стал доминирующим. «Проблема наиболее выражена в крупных городах, таких, как Казань, Набережные Челны, Нижнекамск, Альметьевск, Бугульма и Заинск. На сегодняшний день уровень загрязнения в атмосфере столицы республики характеризуется как “высокий”, а в Набережных Челнах и Нижнекамске – как “очень высокий”» [III].

Уровень загрязнения водных объектов также значительно превышает установленные нормативы. Об этом говорится в государственном докладе «О состоянии и об охране окружающей среды РФ в 2014 году», опубликованном на официальном сайте Минприроды: «Состояние экосистем Волжского каскада водохранилищ характеризуется как состояние антропогенного экологического напряжения с элементами экологического регресса» [IV]. Несмотря на то, что в 2014 году отмечено улучшение качества вод водных объектов в районе города Казань, экологическая ситуация остается напряженной. «В черте города воды озера Средний Кабан характеризуются как "загрязненные" – "грязные" воды (в 2013 г. – "экстремально грязные"). В целом изменения состояния рассмотренных водных экосистем не произошло». Согласно данным, опубликованным в докладе, РТ занимает 1 место среди 10 субъектов федерации Поволжского федерального округа с наибольшим объемом сбросов загрязненных сточных вод; 4 место – с наибольшим объемом выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух; 8 место – с наибольшей долей проб питьевой воды в распределительных сетях, не соответствующих нормативам по санитарно-химическим показателям [IV].

Еще одна важная проблема – состояние почвы, которое характеризуется загрязнением, истощением и деградацией. Наиболее актуально для республики – загрязнение почвы пестицидами, солями тяжелых металлов, нефтешламами; сокращение гумусного горизонта пахотных почв. В местах добычи нефти отмечается сильное загрязнение почвы, превышающее фоновое содержание от 10 до 100 раз [7, III]. Серьезными проблемами для республики продолжают оставаться увеличение объема отходов производства и потребления и их накопление в разных точках Татарстана; фрагментация и исчезновение лесных массивов из-за их уничтожения; изменение природных ландшафтов из-за чрезмерных антропогенных нагрузок и ряд других. В целом можно говорить о снижении устойчивости естественных природных комплексов республики к антропогенному давлению.

Рассмотрим, как на фоне реального положения дел выглядит иерархия наиболее значимых экологических проблем в оценках татарстанцев. Как показывает исследование 2014 года, наиболее остро для населения стоят экологические проблемы, непосредственно влияющие на состояние здоровья: качество питьевой воды (53,1%), загрязнение воздуха (48,4%), загрязнение рек, озер, прудов (34,8%) (рисунок 2). Данные проблемы непосредственно ощущаются респондентами на себе.

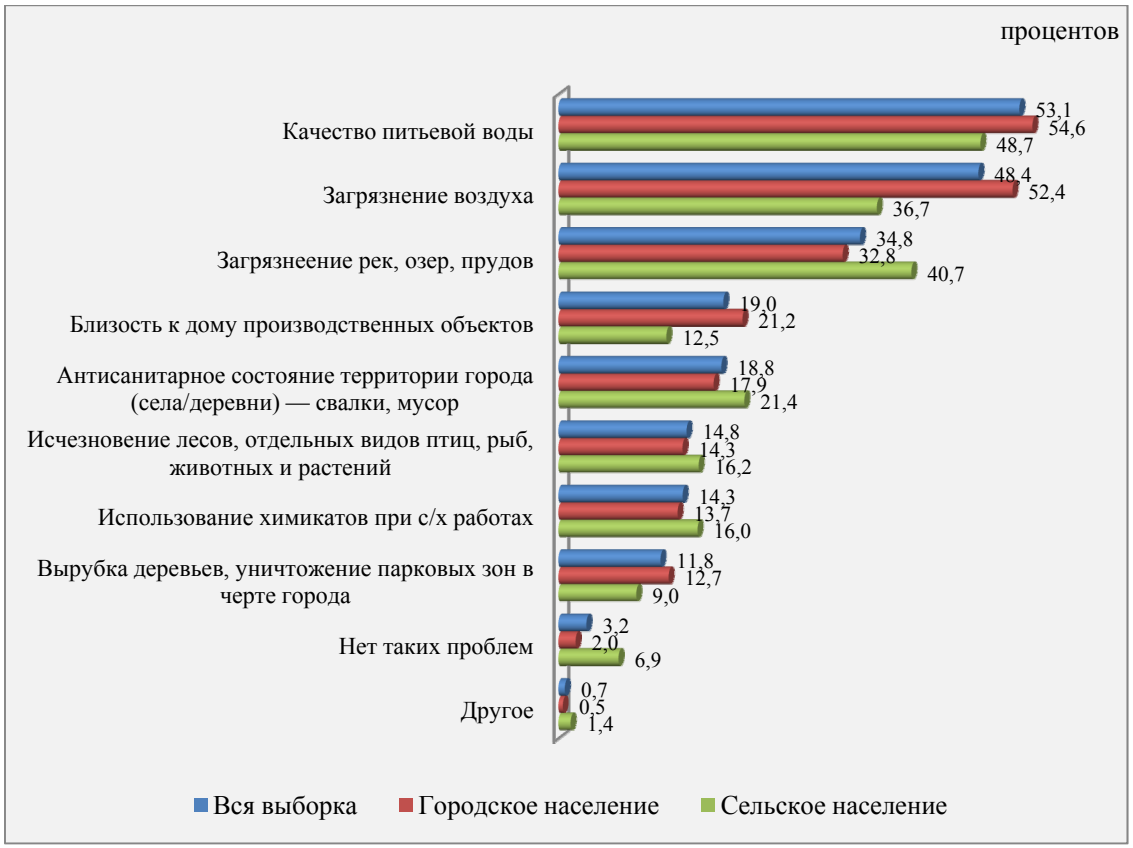

Рисунок 2 – Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие экологические проблемы волнуют Вас больше всего?», % к общему числу респондентов.

Практически каждого пятого жителя республики беспокоит близость к дому производственных объектов. Антисанитарное состояние территории города, села, деревни беспокоит 18,8% респондентов, исчезновение лесов, отдельных видов птиц, рыб, животных и растений, вырубка деревьев беспокоит 14,8% опрошенных, использование химикатов при сельскохозяйственных работах волнует 14,3%.

Жителей сельских поселений больше, чем горожан, беспокоят такие проблемы, как загрязнение рек, озер, прудов (40,7%), антисанитарное состояние территории села, деревни (21,4%); исчезновение лесов, отдельных видов птиц, рыб, животных и растений (16,2%); горожане же более всего озабочены качеством питьевой воды (54,6%), загрязнение воздуха (52,4%).

Показательно, что значительные усилия по охране природной окружающей среды в РТ дали свои результаты: довольно существенно снизилась доля респондентов, которых волнуют те или иные проблемы. Однако серьезных изменений в иерархии наиболее беспокоящих татарстанцев экологических проблем за период с 1997 по 2014 год практически не произошло (таблица 1).

Таблица 1

Ранжированный перечень экологических проблем, волнующих татарстанцев, % к общему числу респондентов

Экологические проблемы, волнующие татарстанцев	Ранжирование экопроблем респондентами в 1997 году и доля респондентов, которых волнует проблема	Ранжирование экопроблем респондентами в 2014 году и доля респондентов, которых волнует проблема
Качество питьевой воды	1 место (76,6 %)	1 место (53,1 %)
Состояние атмосферы, загрязнение воздуха	2 место (68,1 %)	2 место (48,4 %)
Загрязнение водоемов промышленными отходами	3 место (51,1 %) [совместно с загрязнением лесов, полей]	3 место (34,8 %)
Загрязнение улиц, подъездов, дворов бытовыми отходами	4 место (35,1 %)	5 место (17,9 %)
Радиоактивное загрязнение	5 место (23,8 %)	Не изучалось
Близость к дому производственных объектов	Не изучалось	4 место (21,2 %)

Значительную роль в обеспечении экологической безопасности играет решение вопроса хранения, переработки и утилизации отходов. К основным

проблемам, с которыми жители сталкиваются при утилизации и переработке отходов в районе проживания, относятся следующие: некачественная уборка мусора на улицах (29,4%), несвоевременный вывоз мусора с придомовой территории (28,3%), недостаточное количество мусорных урн на улицах (25,5%), постоянное возникновение несанкционированных мусорных свалок (23,5%), отсутствие предприятий по переработке мусора (17,6%), а также недостаточное количество контейнеров для мусора во дворах (16,7%).

Вопросы хранения, переработки и утилизации отходов беспокоят как горожан, так и сельчан. Сельчан больше, чем горожан, волнуют такие проблемы, как некачественная уборка мусора на улицах (31,6%), постоянное возникновение несанкционированных мусорных свалок (26,3%), недостаточное количество во дворах контейнеров для мусора (18,7%), отсутствие оборудованных площадок для складирования мусора (17,2%). Горожане больше обеспокоены несвоевременным вывозом мусора с придомовой территории (28,9%), недостаточным количеством мусорных урн на улицах (26,2%) (рисунок 3).

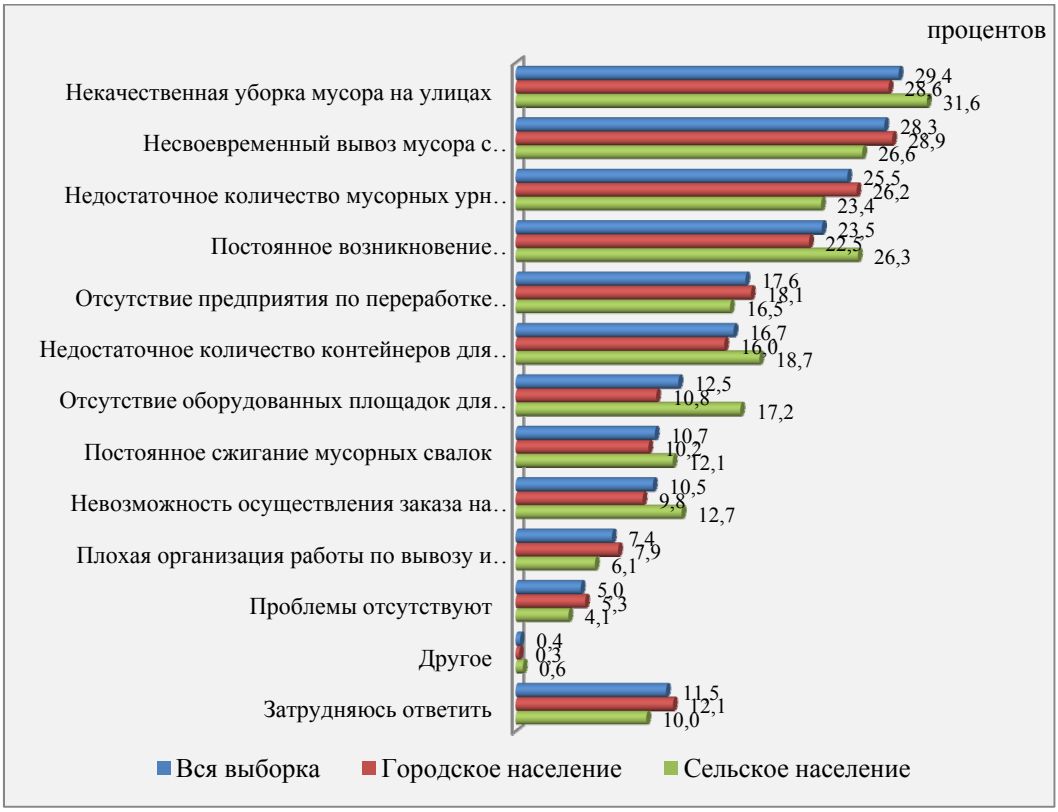

Рисунок 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие проблемы в утилизации и переработке отходов существуют в Вашем районе (городе)?», % к общему числу респондентов.

Среди факторов, которые, по мнению татарстанцев, влияют на ухудшение состояния природной окружающей среды, основными являются те, что связаны с негативной антропогенной деятельностью человека, как производственной, так и бытовой. Почти половина (48,3%) респондентов указали, что таким фактором является увеличение количества машин на дорогах. При этом доля татарстанцев, отметивших этот фактор, увеличилась с 1997 года в четыре раза. Значимое влияние, по мнению респондентов, оказывают и другие факторы этой группы: почти треть (31,8%) респондентов связывают плохую экологическую обстановку с отсутствием мусороперерабатывающих предприятий; четверть (25,4%) сетуют на наличие экологически вредных производств на территории города; некачественная очистка сточных вод влияет на состояние окружающей среды, по мнению четвертой части (24,8%) опрошенных, а осуществление предприятиями выбросов в воду и атмосферу – 23,6%, проблемы с утилизацией и переработкой твердых бытовых отходов – на первом месте у 23,1% респондентов.

Еще одна важная причина ухудшения состояния окружающей природной среды, по мнению жителей республики, связана с низким уровнем экологической культуры граждан (47,4%). Осознание значимости фактора сформированности высокого уровня экологической культуры для сохранения природы в массовом сознании неуклонно возрастает [4, 6, 7].

Экологи выделяют на территории РТ три зоны: 1) районы с тревожной и тяжелой экологической ситуацией, преимущественно большие города, в которых концентрируется промышленное производство, 2) районы с умеренно-напряженной и напряженной экологической ситуацией и 3) районы с удовлетворительной экологической обстановкой [7, II, III]. Поэтому актуализируется, по нашему мнению, вопрос о динамике состояния экологического сознания жителей городов и, прежде всего, крупных промышленных центров.

Одним из самых проблемных городов, с точки зрения экологической безопасности в РТ, является Нижнекамск. Именно жители Нижнекамска проявляют высокий уровень экологической озабоченности состоянием окружающей

среды в своем регионе, который не снижается последние 10–15 лет. Это происходит на фоне снижения значимости экологических проблем в ряду других: эта проблема в 1997 году занимала второе место в иерархии 10–12 проблем, максимально тревожащих татарстанскую общественность (опрос экспертов) [7; 259]; в 2003 году занимала пятое-шестое место (массовый опрос), в 2014 году – 7 место. Нижнекамцы же устойчиво ставят экологическую проблему на третье место по значимости [8]. Для жителей Нижнекамска наиболее проблемным в экологическом смысле является влияние промышленных предприятий на качество жизни в городе. Наиболее остро для нижнекамцев стоит проблема качества питьевой воды. Отметим, что является она и первоочередной для других нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих районов Республики Татарстан.

Другая актуальная для нижнекамцев проблема – ухудшение здоровья горожан, которое они тесно связывают с экологической ситуацией. Источниками неблагоприятного антропогенного воздействия на окружающую природную среду горожане считают деятельность промышленных предприятий города, а также растущее число автотранспортных средств. Для решения экологических проблем важную роль, с точки зрения нижнекамцев, играет, кроме снижения сбросов в окружающую среду продуктов промышленной переработки и внедрения экологически безопасных технологий, рост числа зеленых насаждений в городской и пригородной зоне, охрана водных и земельных ресурсов, дальнейшее развитие коллективного садоводства и огородничества, рост числа экологически привлекательных мест отдыха.

Экологическая ситуация в столице республики не столь тяжела, но все же относится экологами к напряженной [9], что находит свое отражение в массовом сознании казанцев.

По данным социологического исследования, проведенного нами в 2012 году, проблемы экологии волновали 24,1% казанцев и, таким образом, эта проблема оказалась на пятом месте по значимости для горожан в иерархии других значимых для них проблем. Подчеркнем, что значимость экологических проблем в общественном сознании казанцев почти не изменилась за десять лет: по

данным исследования 2005 года, ухудшение состояния окружающей среды занимало 6 место в ряду социальных проблем [10; 10; 11; 409]. В 2015 году проблему плохой экологической ситуации в городе респонденты хотя и поставили на третье место по актуальности, но доля взволнованных ею несколько уменьшилась – 22,4%*.

Для выявления степени, меры экологической озабоченности респондентам в исследовании 2012 года были заданы сравнительно-сопоставительные вопросы и вопросы, характеризующие изменения и перспективы в деле решения экологических проблем. Важный блок вопросов сконцентрировал внимание респондентов на значении для них проблемы ухудшения состояния окружающей среды. Три четверти казанцев заявили, что для них эта проблема имеет большое значение («*очень большое*» – 28,9%, «*достаточно большое*» – 46,8%), пятая часть (19,2%) затруднились ответить. Небольшая часть респондентов призналась, что проблема ухудшения состояния окружающей среды не имеет для них большого значения («*небольшое значение*» – 4,2%, «*совсем небольшое*» – 1,0%).

Следующий шаг предполагал «локализацию» обсуждаемой проблемы: мы спросили у казанцев, важна ли для них экологическая ситуация в месте их проживания – в г. Казани. Неудивительно, что абсолютное большинство (92,3%) респондентов отметили важность локальной экологической ситуации: 51,0% считают её очень важной лично для себя, 41,3% – важной в определенной сте-

* В 2005 году социологическое исследование проводилось исследовательской группой, представлявшей социологов (при участии Л.Г. Егоровой) и экологов КГУ. Методом сбора информации выступал репрезентативный выборочный опрос населения города Казани по многоступенчатой (районированной) случайной бесповторной выборке. Объем выборки составил 420 человек. Ошибка выборки не превышала 5%. В 2012 году социологическое исследование проводилось авторами статьи. В качестве методов сбора информации использовались массовый опрос населения Казани (репрезентативная многоступенчатая комбинированная случайная выборка объемом 400 единиц) и полуструктурированные экспертные интервью. Ошибка выборки не превышала 5%. В июле-августе 2015 года сотрудниками Центра перспективных экономических исследований Академии наук РТ при участии П.О. Ермолаевой и Е.П. Носковой было проведено социологическое исследование среди жителей Казани, в рамках которого были проанализированы некоторые параметры экологического самосознания и самооценки здоровья горожан. Опрос проводился среди жителей всех административных районов г. Казани по квотной выборке, которая была построена по трем основным критериям (пол, возраст, район проживания) пропорционально генеральной совокупности. Общее количество опрошенных составило 674 человек; ошибка выборки не превышала 5%.

пени. Однако незначительная часть опрошенных горожан (4,4%) заявила, что для них не важна экологическая ситуация в Казани. В этом аспекте по сравнению с 2005 годом ситуация изменилась: тогда лишь для 39,2% респондентов экологическая ситуация в Казани имела очень большое значение, в определенной степени – для 44, % казанцев.

Таким образом, можно констатировать существенный рост общей экологической озабоченности горожан до 2012 года [6, 10, 11]. Однако за последние три года ситуация начала меняться: по данным исследования 2015 года, лишь треть опрошенных согласились (или скорее согласились) с утверждением, что их беспокоит экологическая обстановка в месте проживания (34,1%), более четверти горожан она уже не беспокоит (28,5%). По нашему мнению, такое положение дел связано с позитивной оценкой горожанами деятельности властей по улучшению экологической ситуации в городе и благоустройству его в связи с проведением в 2013 году Всемирной Универсиады, что привело к снижению остроты этой проблемы для части населения. Косвенно это подтверждают следующие данные: более половины опрошенных в 2015 году казанцев отметили, что после проведения Универсиады в 2013 г. экологическая ситуация в Казани изменилась – 52,8% (обратного мнения придерживается в два раза меньшая доля опрошенных (28,3%), затруднились с ответом – 18,9% респондентов). Подавляющее большинство из тех, кто заметил какие-либо изменения в экологической ситуации, считают, что они положительные (78%), меньшинство – отрицательные (15,7%), остальные затруднились ответить (6,3%).

Важным аспектом в исследовании 2012 года стало сравнение актуальности экологической обстановки в зависимости от уровня её локализации. Подтвердилась тенденция, обнаруженная в более ранних социологических исследованиях [10, 11]: чем ограниченнее территория (т.е. чем ближе она к месту проживания), тем более респондент взволнован экологической ситуацией в её пределах (рисунок 4).

Рисунок 4 - Распределение ответов респондентов на вопрос:
"В какой мере Вас беспокоит состояние окружающей среды ...", %

Таким образом, закономерность такова: чем ближе к непосредственному месту обитания респондентов находится точка локализации, тем более горожане озабочены состоянием окружающей среды в ней.

Мы также выясняли у горожан, какие именно проблемы они считают первостепенными в пределах Казани. По результатам опроса 2012 года выявилась наиболее актуальная проблема, связанная с качеством воды: ее отметили около трех четвертей опрошенных (73,8%). Значимость ее оставалась очень высокой в последнее десятилетие: так, например, в 2005 году качество питьевой воды очень волновало 72,1% казанцев. За последние три года горожане оценили усилия городских властей, предпринятых для улучшения ситуации, и острота ситуации явно снизилась: неудовлетворительное качество питьевой воды волнует теперь чуть более трети казанцев – 37,7%. Однако именно эта проблема продолжает оставаться наиболее актуальной для горожан.

Как показал опрос 2015 года, наиболее значимыми проблемами для казанцев являются те, с которыми большинство из них сталкивается в повседневной жизни; кроме качества питьевой воды, это: загрязнение воздуха промышленными предприятиями и автотранспортом – волнует 34,6% горожан, загрязнение водных объектов – 24,5%, общая замусоренность города – 16,3%, неудовлетворительное состояние мест отдыха (скверов, парков, пляжей) – 13,1%,

повышенный уровень шума – 13,4%. Наименее актуализированы в сознании казанцев те проблемы, что «не лежат на поверхности», не ощущаются большинством в повседневной жизни (изменение климата и глобальное потепление, выпадение кислотных дождей, подтопление городских территорий, состояние заповедных территорий города).

Таким образом, наиболее серьезными, по мнению казанцев, экологическими проблемами в Казани и Татарстане продолжают оставаться: качество питьевой воды; загрязнение воздуха (в рейтинге наиболее актуальных проблем для города эта позиция поднялась с шестого места в 2005 году на первое место в 2012 году и второе место в 2015 году); загрязнение акваторий; замусоренность города. Причем две первые по значимости проблемы оказывают непосредственное воздействие на состояние здоровья и качество жизни горожан.

Первоочередные меры по улучшению экологической обстановки в городе, которые следовало бы, по мнению казанцев, предпринять, в 2012 году составили:

1. Ужесточение законодательства, повышение финансирования природоохранных мероприятий – 25,1%.

2. Озеленение территорий, очистка лесов, улучшение качества воды – 18,5%.

3. Формирование экологического сознания, экологическое воспитание – 16,7%.

4. Решение проблемы утилизации мусора – 15,4%.

5. Введение штрафов, усиление контроля за исполнением экологического законодательства – 10, 1%.

6. Внедрение альтернативных источников энергии – 5,7%.

Как видно, две позиции (4 и 6) так или иначе связаны с развитием «зеленых» технологий.

Важным компонентом экологического сознания является экологическая информированность; именно она определяет общие установки и ориентации населения по отношению к окружающей среде. Кроме того, на основе изучения

данного показателя возможно выделение лидеров мнений, основных институтов, через которые происходит социализация населения в области экологии. Итак, следующий блок вопросов в нашем исследовании касался ориентаций казанцев в поиске информации по экологической проблематике, предпочитаемым источникам информации и уровню доверия им.

В целом, большинство населения интересуется экологической информацией (86,8%); не интересна информация такого рода для 13,2% населения. При поиске экологической информации чаще всего казанцы обращаются к интернету (61,5%), центральному телевидению (54,4%), общероссийским газетам (43%), местному телевидению (41,6%). Частота обращения населения к данным источникам коррелирует с уровнем доверия к ним. Так, источникам, которым население доверяет более всего, являются: центральное телевидение (35,8%), лекции и материалы, подготовленные специалистами, учеными (35,4%), интернет (34,7%).

Несмотря на высокую заинтересованность населения экологической информацией, большинство (59,4%) не пытались сами искать информацию по интересующим экологическим проблемам. Это в целом соотносится с данными исследований, проведенных нами ранее. Вместе с тем, последние исследования показывают, что доля экологически активных граждан с каждым годом растет. Так, если в 2005 году 19,7% горожан самостоятельно пытались искать информацию по экологическим проблемам, то 2012 году – уже 36,3%. В целом, если в 2005 году 63,8% жителей Казани считали необходимым получать информацию о состоянии экологической обстановки с точки зрения ее безопасности, то сейчас доля таковых увеличилась до 81,3%.

По мнению населения, распространению экологических знаний более всего способствует институт СМИ: специальные теле- и радиопрограммы (58,6%), публикации в газетах, журналах (26,6%), институт образования – специальные предметы в школе, техникуме, вузе (28,8%), а также просветительская деятельность природоохранных организаций (17,8%).

Экологическая информированность является медиатором между сферой сознания и сферой практики, пассивным и активным уровнем сформированности экологического сознания. Это обусловлено тем, что, какой бы высокой ни была экологическая информированность, главное ее назначение – в умении пользоваться экологической информацией в практической деятельности. Соответственно, мы попросили ответить казанцев на серию вопросов, связанных с разными аспектами и проявлениями экологической деятельности.

Данные 2012 года показывают, что достаточно велика доля тех, кто не реализует никакие проэкологические практики, она составляет 20,1%. В целом значительная доля населения была вовлечена в разнообразное множество проэкологических актов. Наиболее популярными проэкологическими практиками среди населения являлись: потребление очищенной воды (56,1%), экономичное использование воды (50%), экономичное использование электроэнергии (48,5%), покупка/выращивание экологически чистых продуктов (24,4%), а также чтение статей, посвящённых экологической проблематике (20,1%).

В опросе 2015 года наиболее популярными формами экологичного поведения среди опрошенных оказались: потребление очищенной (бутилированной/фильтрованной) воды (40,2%) и готовность сортировать мусор (34,7%). Остальные виды проэкологической деятельности в меньшей степени распространены среди казанцев, причем наименьшую популярность имеют активные формы экологичного поведения, такие, как участие в деятельности экологического движения, в акциях экологического протеста и в экологических мероприятиях (например, посадка деревьев, облагораживание придомового участка и т.д.) (таблица 2).

Таблица 2

Суждения респондентов по поводу участия в экологических практиках, % к общему числу респондентов

Суждения	Варианты ответов «согласен» и «скорее согласен»	Варианты ответов «не согласен» и «скорее не согласен»
1. Меня беспокоит экологическая обстановка в месте проживания	34,1	28,5
2. Я отдал бы часть своих сбережений на охрану окружающей среды, если был бы уверен, что эти деньги будут использованы по назначению	21,2	43,3
3. Население по сравнению с городскими властями более эффективно в решении экологических проблем города	22,7	38,1
4. Я могу повлиять на решение экологических проблем	20,3	42,7
5. Я готов сортировать мусор по контейнерам	34,7	28,9
6. Я готов отстаивать свои права на здоровую окружающую среду	25,7	34,5
7. Я принимал участие в акциях экологического протеста, подписывал/писал жалобы, письма	15,3	49
8. Я принимаю участие в экологических мероприятиях (например, посадка деревьев, облагораживание придомового участка и т.д.)	18	51,6
9. Я стараюсь потреблять очищенную воду (бутилированную/фильтрованную)	40,2	30,6
10. Я принимаю участие в деятельности экологического движения	13,5	56,4

Многие их указанных практик заставляют задуматься, что является основной интенцией при их совершении. К примеру, в основе экономичного использования электроэнергии лежит мотив бережливого отношения к окружающей среде или мотив рациональной экономии? Для ответа на эти вопросы мы обратились к изучению факторов, обусловливающих экологическую деятельность. Здесь в методологическом плане мы руководствовались контекстуальной

теорией экологического поведения П. Стерна, согласно которой намерение личности быть включенным в экологически ответственное поведение – результат влияния множества разнообразных факторов (среда, индивидуальные установки, ситуативные факторы и т.д.). В соответствии с этим мы предлагали респондентам назвать причины своего участия (или неучастия) в различных проэкологических практиках [12].

В этом плане, согласно опросу 2012 года, около половины жителей (45,9%) преследует социально-альтруистические ценности («*Я не хочу, чтобы окружающие и будущие поколения страдали от плохого качества окружающей среды»),* для 39,1% населения важны социально-эгоистические ценности («*я не хочу страдать от плохого качества окружающей среды»*), для 17,4% – экономические стимулы («*я хочу сэкономить деньги*»), для 7,3% – привычка (*«Я привык(ла) к этим мероприятиям с детства*»).

Гражданская активность населения в защите окружающей среды еще достаточно низка, но заметно растет: если в 2012 году лишь 9,1% процентов опрошенных жителей Казани заявили о том, что участвовали в предшествующем году в каких-либо мероприятиях социальной, гражданской направленности по защите окружающей среды, то в 2015 году таковых оказалось уже 18%; если в 2012 году лишь 1,0% респондентов указали, что состоят членами в экологических движениях, то в 2015 году – уже 13,5% респондентов указали, что принимают участие в деятельности экологических движений.

Устойчиво в последние годы просматриваются ряд следующих тенденций в характеристиках экологического сознания горожан. Позицию «активно участвовать в решении экологических проблем должно население» – занимают фактически только женщины. Чем выше уровень образования – тем выше уровень экологической озабоченности. Но проэкологическая активность (участие в пикетах, экологических движениях и т.п.) выше у респондентов со средним и средним специальным уровнем образования, люди с высшим образованием, а также респонденты с более высоким уровнем материального достатка предпочитают самосохранительное поведение (фильтрацию питьевой воды, употребление экологически чистых продуктов и т.п.).

Данные наших исследований еще раз подтвердили выводы коллег – учёных других регионов России о том, что ответственность, связанную с большей эффективностью в решении экологических проблем, за состояние окружающей среды города и решение экологических проблем население возлагает по большей части на городские власти (в исследовании 2012 года – 48,9% опрошенных).

В рамках опроса 2015 года мы обратились к респондентам с просьбой оценить работу местных органов власти в сфере решения экологических проблем. Данные свидетельствуют, что чуть более половины опрошенных в целом удовлетворены в данном отношении: 51,8% казанцев полагают, что власти делают все возможное (много/достаточно) в данных условиях. Однако более трети опрошенных считают действия органов власти недостаточными (39,6%), а 8,6% респондентов полагают, что власти совершенно не занимаются вопросами экологии, устраняются только последствия экологических проблем.

Интересно, что в опросе 2012 года вторую позицию по степени эффективности в решении экологических проблем города, правда, с большим отрывом, заняли экологические движения (22, 9%). Лишь 21,9% респондентов связывают решение экологических проблем с деятельностью самого городского населения, 10,3% – с бизнес-структурами, производственными организациями. Отметим, как важный тренд то, что 3,5% жителей города в позиции «другое» указали вариант «все вместе», а также то, что 20,1% жителей города не согласны с тем, что природоохранные действия – это задача не отдельных граждан, а государства. Таким образом, у населения растет понимание необходимости комплексных действий различных субъектов в деле защиты и оздоровления окружающей среды. Однако все же в решении экологических проблем большинство горожан рассчитывает на государство (59,2%). Это может быть связано, с отчужденностью большей части населения от процесса принятия решений, в том числе по социально-экологическим вопросам. В целом для населения характерна тенденция «перекладывания» ответственности за экологическую ситуацию на плечи органов власти: при собственной пассивности горожане ждут активных действий от властей.

Что касается наиболее важных, с точки зрения населения, действий для улучшения качества окружающей среды и уменьшения экологических проблем, то более половины респондентов (54,6%) наиболее существенной, эффективной мерой считают ужесточение законодательства в области экологической безопасности. Среди других важных действий были отмечены повышение качества экологического образования в школах и вузах города (39,6%) и внедрение экологических стандартов и зеленых технологий (38,3%). Среди «зеленых» технологий наиболее значимыми для разработки горожане считают те, которые так или иначе связаны с решением выделенных ими актуальных городских проблем, а именно: технологии по переработке органических отходов с получением полезных продуктов (например, сортировка и переработка мусора) – эту позицию отметили 56% респондентов, а также технологии по оценке и улучшению состояния окружающей среды с использованием живых организмов – 54,9%. На третьем месте по важности разработки и использованию оказались биотехнологии для улучшения здоровья людей.

В целом по результатам социологических исследований можно констатировать, что у татарстанцев сформирован довольно высокий уровень экологической озабоченности состоянием окружающей его среды; средний уровень экологического знания; в массовом сознании присутствуют некоторые постматериальные ценности и установки, а также осознание значимости и необходимости использования «зеленых технологий». Однако в целом экологическое сознание горожан не переходит на активный, деятельностно-ориентированный, практический уровень, слабо выражена трансформация экологических ценностей, информированности, установок и тревожности в проэкологическую деятельность.

Источники

I. Яницкий О.Н. Экологическая социология [Электронный ресурс] // ЭСМ: Федеральный образовательный портал. – URL:

http://ecsocman.hse.ru/data/998/698/1219/023Glava20.pdf (дата обращения: 12.04.2008).

II. Концепция экологической безопасности РТ на 2007-2015 годы [Электронный ресурс] // URL: prav.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_7617_enc_898.rtf (дата обращения: 29.10.2015).

III. Шакирова З.Х. Экологическая ситуация в Республике Татарстан [Электронный ресурс] // Сельское, лесное и водное хозяйство. 2013. № 8. – URL: http://agro.snauka.ru/2013/08/1143 (дата обращения: 30.10.2015).

IV. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды РФ в 2014 году» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства природы РФ. – URL: www.mnr.gov.ru/upload/iblock/3f1/doklad_2014.pdf (дата обращения: 18.09.2015).

Литература

1. Jurin, R. R., & Fortner, R. W. (2002). Symbolic beliefs as barriers to responsible environment behavior. Environmental Education Research, 8(4). - 373–394.

2. Маркович Д.Ж. Социальная экология. – М., 1997. – 339 с.

3. Dunlap R. E. & Jones R. E. Environmental concern: Conceptual and measurement issues: Handbook of Environmental Sociology, 2002. – P. 482–524.

4. Ермолаева П.О. Экологическая культура российских и американских студентов (кросскультурный проект). Монография. – Казань: Казан. ун-т, 2012. – 256 с.

5. Социальное неравенство. Изменения в социальной структуре: европейская перспектива / Под ред. В.Воронкова, М.Соколова. – СПб.: Алетейя, 2008. – 160 с.

6. Егорова Л.Г., Ермолаева П.О., Носкова Е.П. Динамика экологического сознания горожан (на примере г. Казани) // Ученые записки Казанского университета. – Том 155. – Серия гуманитарные науки. – Кн.6. – Казань, 2013. – С.23–33; см. также Ермолаева П.О. Особенности формирования экологической культуры российских и американских студентов (кросс-культурный проект): Автореф. дисс. канд. социол. наук. – Казань, 2011. – 24 с.

7. Яо Л.М. Экологическое сознание современного российского общества: теоретико-методологические подходы. Монография. – М.: ЦГЛ «РОН», 2004. – 311 с.

8. Гузельбаева Г.Я., Егорова Л.Г., Ефлова М.Ю. Экологическое пространство промышленного города в оценочных суждениях его жителей (на примере города Нижнекамска) // Горожанин и природа: трансдисциплинарное измерение устойчивого развития города. Материалы 4-й и 6-й сессий Международного семинара / под ред. Л.М. Бухараевой, М. Марлуа, С.А. Ахметовой. – Казань: Казан. ун-т, 2012. – С. 158–170.

9. Мингазова Н.М., Хафизов М.Н., Фролов И.Н. Анализ состояния окружающей среды города Казани // Экология Казани. – Казань: Изд-во «Фэн» Академии наук РТ, 2005. – С. 423–439.

10. Белоногов В.А., Байбаков Э.И., Гузельбаева Г.Я., Егорова Л.Г., Ефлова М.Ю. Экологические проблемы г. Казани в сознании населения города // Экологический консалтинг. – 2005. – № 1 (17). – С. 10–16.

11. Белоногов В.А., Байбаков Э.И., Гузельбаева Г.Я., Егорова Л.Г., Ефлова М. Ю. Экологическое сознание городского населения // Экология Казани. – Казань: Изд-во «Фэн» Академии наук РТ, 2005. – С. 409–416.

12. Stern, P., & Dietz, T. The value basis of environmental concern //Journal of Social Issues. – 1994. Vol.50, P. 65-84. Stern, P. C. Information, incentives and pro-environmental consumer behavior // Journal of Consumer Policy. – 1999. – Vol. 22**. –** P. 461–478.

3.3. Поле государственных услуг Республики Татарстан: социологический анализ социального и физического пространства

Пространство государственных услуг в нашей стране – сравнительно новая социальная среда, поскольку официально определение государственных услуг в России было закреплено только в 2001 г. в Федеральной программе «Реформирование государственной службы РФ». В этой программе было указано о

необходимости достижения качественного уровня исполнения государственными служащими своих должностных обязанностей и оказываемых ими гражданам и организациям государственных услуг [1, с. 130]. За последнее десятилетие эта сфера претерпела значительные изменения, и можно констатировать, что процесс ее трансформации продолжается до сих пор. Так, после развала СССР в связи с перестройкой государственного аппарата система государственного управления нуждалась в реформировании. Появление термина «государственная услуга» символизировало переход к новой парадигме государственного управления, в которой государству отводится роль структуры, оказывающей услуги гражданам и организациям. Таким образом, реформа государственного управления в России касалась не только ограничения контроля над экономикой со стороны государства, но и вопросов повышения качества предоставляемых им услуг и повышении его информационной открытости, что нашло воплощение в федеральной программе «Электронная Россия» (2002–2010 гг.).

Республика Татарстан позиционирует себя как один из передовых регионов в области модернизации сферы государственных услуг. Республика Татарстан – разработчик программы «Электронное правительство» и лидер по ее внедрению. «Электронное правительство», разработка которого в республике началась в 2005 г., определяется как «стратегически важная ветвь IT-технологий, направленная на то, чтобы минимизировать контакт между пользователем и работниками социальных и правительственных служб» [I]. Основной задачей «Электронного правительства» является ведение электронного документооборота органов власти и налаживание общения между гражданами и государством в электронном формате. Таким образом, физическое взаимодействие населения – получателя услуг с оказывающими их агентами (государственными учреждениями и их работниками) должно быть сведено к минимуму.

Однако на практике во многих сферах, где населению оказываются государственные услуги, физический контакт граждан с работниками государственных учреждений продолжает оставаться доминирующей формой взаимодействия. Разработка и реализация концепции клиентоориентированного государства остается

в российской и татарстанской действительности острой и нерешенной проблемой, частным отражением которой является организация физического пространства территории, где населению предоставляются государственные услуги.

Как правило, исследования сферы государственных услуг касаются вопросов удовлетворенности населением качеством оказываемых им услуг. Популярными темами здесь выступают недовольство тарифами ЖКХ, состоянием сферы здравоохранения, отношение граждан к увеличению суммы налогов и штрафов и прочее [например, II]. Также на эту тему проводится ряд маркетинговых исследований – мониторинги по изучению качества услуг в отдельных областях.

Однако наше исследование направлено не на изучение качества предоставляемых государственных услуг, а на анализ распределения ролей принципала (населения) и агента (государственных учреждений и их работников) в поле государственных услуг, влияние духа государства и бюрократии на формирование физического и социального пространства этого поля. Отталкиваясь от принципал-агентской модели и идей П. Бурдьё о взаимозависимости физического и социального пространства, мы концентрируем внимание на роли самих министерств и ведомств в формировании фоновых практик в поле государственных услуг, в ходе которых принципал теряет свойства нанимателя услуг, а агент встает на позиции руководителя в производстве услуги. Это выражается в обустройстве физического пространства, которое постоянно стремится воплотиться в пространство социальное [3, с. 35–36]. Нашей исходной гипотезой является предположение о том, что отношения принципала и агента в этой среде носят латентно авторитарный характер, где агент занимает доминирующую, а принципал – подчиненную позицию.

В статье даётся социологический анализ социального и физического пространства сферы государственных услуг, которая понимается как особое поле со своими агентами, капиталами, правилами и фоновыми практиками. На материалах визуального исследования муниципальных организаций г. Казани показано пространственное доминирование агента (государственных служащих) над

принципалом (населением), формирующее у последнего представление о роли «подданных» в государственной системе.

Поле государственных услуг. В данном разделе сферу государственных услуг концептуализируем как особое социальное поле (или субполе) в смысле, в котором он используется французским социологом П. Бурдьё. В этом поле имеют хождение разнообразные виды капиталов и агенты, занимающие определенные позиции благодаря имеющемуся у них объему капиталов. Как и любое поле, поле государственных услуг имеет свою логику, правила, и агенты выстраивают свое поведение в соответствии с ними. При этом в поле воспроизводятся также некие фоновые практики и механизмы дисциплины, которые влияют на поведение агентов скрытым образом, формируя у них представление о собственной позиции (доминирующей или подчиненной) в данном поле.

Исследование пространства государственных услуг уместно начать с рассмотрения концепции социального и физического пространства П. Бурдье, поскольку она дает ключ к пониманию необходимости социологического анализа пространства. Физическое и социальное пространство, по П. Бурдье, тесно взаимосвязаны между собой, поскольку люди, будучи одновременно биологическими существами, которые «помещаются» в определенном пространстве, и социальными агентами, вступающими в отношения, одновременно существуют в обоих этих пространствах. Социальное пространство рассматривается как совокупность разнообразных социальных полей, в которых агенты могут занимать определенные позиции. Эти позиции, данные через распределение различных видов капитала (экономического, культурного, социального, символического [4, с. 60–74]), определяют социальный статус агента в социальном пространстве. Ключевым является тезис П. Бурдье о том, что социальное пространство всегда стремится выразиться в физическом пространстве. Показательным здесь является пример французского социолога о двух берегах Сены: существующее в объективных пространственных структурах и отраженное в картах разделение правого и левого берегов Сены с точки зрения социального пространства представляет собой оппозицию «театра авангарда и поиска театру

бульварному, конформистскому, повторяющемуся; публики молодой публике старой, буржуазной; или кино как искусства и эксперимента залам с исключительным правом показа некоторых фильмов и т.д.» [3, с. 38].

Субполе государственных услуг (будучи частным выражением поля государства) пересекается с другими социальными полями – полем экономики по принципу налогообложения, с полем политики в роли государственного регулирования, с полем власти как составляющей исполнительной власти и т.д. Агенты действуют в этом поле, как и в любом другом – то есть постоянно сообразуют свои практики с логикой поля, с существующими в нем правилами.

Что касается самих агентов, то они в любом поле существуют как индивидуальные, так и институциональные агенты. Потребители государственных услуг обычно представлены индивидуальными агентами, т.е. людьми. Сами учреждения могут пониматься как институциональные агенты, действующие через нанятых работников. Институциональные агенты, предоставляющие услуги, располагают определенной властью и ресурсами, следовательно, действующие от их лица служащие автоматически приобретают данную власть и ресурсы и распоряжаются ими в соответствии с правилами поля. Здесь мы можем наблюдать пересечения идей П. Бурдье с положениями принципал-агентской модели, которая будет рассмотрена ниже.

Следует остановиться и на формах капитала, которыми обладают институциональные агенты в лице учреждений по предоставлению государственных услуг. В первую очередь, это экономический капитал. Учреждения обладают материальными ресурсами, которыми наделяет их государство, а если быть точнее – они обладают им постольку, поскольку государство обладает властью изъятия и перераспределения экономических ресурсов населения. Сфера государственных услуг, таким образом, выступает как инструмент государства. Во-вторых, это информационный капитал. Государство через учреждения государственных услуг накапливает, обрабатывает и перераспределяет не только материальные ресурсы, но и информацию. В-третьих, государство и его учреждения обладают огромным символическим капиталом, оно располагает «средствами навязывания

и внушения устойчивых принципов видения и деления» [2]. Через учреждения оно реализует это деление: так, например, органы социальной защиты устанавливают принципы выделения «незащищенных» групп населения, и только государство имеет право определять критерии для попадания в эту группу.

В поле государственных услуг происходит встреча спроса на эти услуги со стороны потребителей – индивидуальных агентов и предложения со стороны институциональных агентов – учреждений.

Пространство позиций разделяется на главенствующие или доминирующие, которые могут заставить работать конкретное поле для достижения своих интересов, и противоборствующие им, выдвигающие противоположные требования, подчиненные позиции. Это положение применимо ко всем социальным полям: в некоторых оно проявляется открыто (поле политики), в некоторых завуалированно, латентно. Субполе государственных услуг здесь работает по аналогии всего поля государства в целом. Граждане выбирают лидера, который будет выполнять поставленные перед ним задачи в интересах граждан. Однако, несмотря на то, что лидер (в лице министерств и ведомств) изначально находится в подчиненном положении, то есть работает на получателей услуг, он тем временем занимает доминирующее положение в этом поле и может распоряжаться переданными ему ресурсами в виде различных видов капитала по своему усмотрению. Социальный капитал государственного служащего сложно поставить под сомнение, поскольку его чин предполагает юридически оформленные гарантии его профессионализма. У него увеличивается круг потенциальных ресурсов, сеть социальных связей, а также прибыль от принадлежности к этой группе.

В поле государственных услуг работают механизмы дисциплины. Мыслительная и телесная дисциплины практикуются во всех органах власти и ведомствах, и органы, оказывающие государственные услуги, не исключение. Решение любой задачи (будь то оплата счетов, получение особых справок или разрешений) заранее задается соответствующим министерством. Телесные дисциплины выражаются в разделении помещения на зоны для посетителей и со-

трудников – кабинки, отдельные кабинеты, застекленные окошки и т.д. Через такие базовые принципы абсолютной классификации и формируется навязанное представление о роли «подданных» в государственной системе. П. Бурдье использует понятие «пространственных прибылей» или «прибылей локализации», связанных с нахождением рядом с желаемыми вещами (благами, услугами, оснащением) и агентами, либо вдали от нежелательных, а также с властью над пространством и временем и габаритами обладаемого [3, с. 45]. Служащие сферы государственных услуг обладают этими пространственными прибылями, само пространство организовано таким образом, чтобы подчеркнуть их исключительное положение, ограждающее их от потребителей услуг.

Если опираться на идеи, изложенные П. Бурдье в его анализе государства, то очевидно, что сфера государственных услуг всей своей организацией и функционированием отвечает цели внушить определенное видение государства как структуры, имеющей неограниченную власть над индивидами. Эта власть существует в лице ее представителей, они символизируют государство так же, как его символизирует школа («Когда я входил в школу, я входил в государство» [6, с. 34]). Точно так же потребители государственных услуг, входя в соответствующие учреждения, «входят в государство».

Резюмировать указанное можно цитатой П. Бурдье, отражающей важность анализа физического пространства для оценки пространства социального: «Таким образом, нужно… задаться вопросом, как и в чем локализация в определенной точке физического пространства (неотделимая от точки зрения) и присутствие в этой точке могут принимать вид имеющегося у агентов представления об их позиции в социальном пространстве, и через это – самой их практики» [3, с. 45].

Принципал-агентская модель в анализе поля государственных услуг. Как отмечалось выше, в поле государственных услуг происходит встреча предложения и спроса на эти услуги, следовательно, возникают отношения между двумя типами агентов: населением как получателем услуг, с одной стороны, и различных учреждений и их работников как агентов, их оказывающих, с дру-

гой. Данные отношения, на наш взгляд, могут быть хорошо описаны в терминах принципал-агентской модели.

Принципал-агентская модель – это модель описания и анализа социальных отношений, находящаяся на стыке двух дисциплин – социологии и институциональной экономики. Она предполагает наличие двух действующих лиц: принципала и агента. Принципал, обладая различными видами капитала (экономический, социальный, символический), ставит перед собой определенные цели, для достижения которых он пользуется услугами агента. Принципал и агент заранее оговаривают все условия их взаимоотношений. Принципал для достижения своих целей передает агенту часть своих ресурсов, оговаривает плату за достижение поставленных перед ним целей и санкции за их невыполнение. Агент же обязуется использовать переданные ему принципалом средства только для выполнения перечисленных задач. В этой схеме могут присутствовать агенты контроля, которым может выступать либо сам принципал, либо другой агент для контроля работы первого агента. Контракт, заключенный между принципалом и агентом, может быть оформлен как в устной форме, так и на бумаге. В некоторых случаях он закреплен юридически. Иногда принципал и агент могут не подозревать, что находятся в таких отношениях, поскольку все работает интуитивно на уровне ролевых ожиданий.

В нашем случае под принципалом понимается население. Граждане во время выборов формируют правительство, отталкиваясь от их политических программ, тем самым ставят перед правительством цели и задают вектор развития общества. Налогообложение здесь служит основным способом передачи ресурсов агента принципалу. В качестве вознаграждения выступает заработная плата агента, которая зависит от занимаемой им должности в аппарате правительства. Однако, в отличие от других взаимоотношений, эти взаимоотношения имеют свои специфические черты. Во-первых, здесь нет четко сформулированного агента контроля, проверяющего работу агента, так как самоконтроль государственных структур не вписывается в данную модель. Настоящим же агентом контроля могут выступать лишь общественные движения. Проявляется агент

контроля в митингах, забастовках, демонстрациях, в деятельности различных общественных организаций и работе некоторых СМИ. Общественный контроль может помочь в решении поставленных гражданами задач, однако чем масштабнее эти задачи, тем шире должен быть контроль. Во-вторых, государственная структура сама устанавливает размер вознаграждения (заработной платы) своим сотрудникам за выполнение поставленных задач. Положение принципала здесь сильно проигрывает положению агента из-за отсутствия прямых рычагов давления.

В описании принципал-агентской модели социолог и политолог Георгий Сатаров [5, с. 61–63] приводит перечень возможных проблем, с которыми может столкнуться принципал:

1. «Агент может быть недостаточно эффективен». В сфере государственных услуг редко встречается, что какую-либо службу оценивают по её эффективности. Принципалом не контролируется ход всей работы агента, статистические показатели по клиентам, как правило, в закрытом доступе. По эффективности можно оценивать разве что отдельных сотрудников, чем занимается сама организация.

2. «Принципал может неэффективно поставить перед агентом задачу и обеспечить ресурсами». В случае, когда в роли агентов выступают государственные службы, задачи и указания по работе сотрудникам государственных учреждений выдаются начальством, но не населением. Это связано с многоступенчатостью государственных структур. Правила поведения, обслуживания и график приема никак не зависит от граждан, он формируется агентом – начальником конкретной организации.

3. «Агент может стать принципалом, наняв собственного агента для достижения поставленных целей». В государственной структуре агент сам становится принципалом, нанимая собственного агента для выполнения поставленных задач. Правительство как первый агент разделяет свои обязанности, создает новых агентов – министерства. Те в свою очередь делятся на подразделения, которые также нанимают себе сотрудников. Из-за делегирования полномочий

цель и задачи агентов низшей ступени могут идти вразрез с целью, поставленной первым принципалом – населением, в связи с чем возникают две следующие проблемы.

4. «Агент располагает собственными целями, которые могут вступать в конфликт с целями принципала». Важные решения по выдаче пособий, алиментов, путевок, получение водительских прав – везде решающее слово за агентом, который по своему усмотрению может решать подобные вопросы.

5. «Агент может использовать ресурсы принципала в собственных интересах». Иллюстрацией данной проблемы выступают многочисленные сообщения в СМИ о случаях использования собственного положения для личной выгоды: заключение чиновниками невыгодных контрактов, растраты государственной казны на личные нужды, в собственных интересах или интересах своего окружения.

Таким образом, принципал-агентская модель является эффективной для описания взаимоотношений в поле государственных услуг и позволяет осмыслить причины проблем, возникающих в нем. Она определяет границы возможностей и поведенческие практики, которые допустимы при оказании государственных услуг. В то же время она сочетается с представлениями П. Бурдьё о структуре полей и позиций агента в зависимости от имеющихся у него капиталов и дополняет их.

Физическое пространство государственных услуг г. Казани. Гипотезой настоящего исследования является предположение, согласно которому отношения между принципалом (населением как получателем услуг) и агентом (государственными учреждениями и их работниками) в поле государственных услуг приобретают латентно авторитарный характер, что находит выражение в обустройстве физического пространства государственных учреждений.

В рамках эмпирического исследования поля государственных услуг был проведен анализ организации физического пространства государственных и муниципальных организаций г. Казани. Поскольку Республика Татарстан позиционирует себя как лидер по внедрению «Электронного правительства», пред-

ставляет интерес то, как поле государственных услуг функционирует в условиях модернизации.

В качестве объекта анализа выступили ведомства и государственные организации, отобранные по показателям популярности [III]:

1) Федеральная миграционная служба;
2) Министерство внутренних дел;
3) Пенсионный фонд;
4) Федеральная налоговая служба;
5) Министерство труда и социальной защиты;
6) Управление федеральной регистрационной службы;
7) Федеральная служба судебных приставов.

Предметом исследования стала обстановка физического пространства ведомств, искусственно создаваемые дискомфортные условия получателей услуг – принципалов и аналогичные им условия работы агентов. Важным фактором к тому же является положение тел в пространстве – то, в каких позах находятся принципал и агент во время взаимодействия, в ожидании своей очереди и т. п. Поэтому наблюдение объекта проходило по двум критериям: 1) оценка комфортабельности для принципалов – получателей услуг; 2) условия работы агентов исследуемой организации. Как для принципала, так и для агента оценивалась численность людей на определенном пространстве, положения тел, описание рабочего места агента и места ожидания для принципала, доступность физическая (наличие пандусов, парковочных мест, туалетов) и доступность информационная (разборчивый текст объявлений, наличие указателей).

В качестве метода сбора информации было использовано внешнее наблюдение. Поскольку нам интересны практики конструирования физического пространства, задающие тон отношениям принципала и агента, то этот метод кажется нам наиболее подходящим. Результаты наблюдения записывались, а также протоколировались фотографиями.

Анализ физического пространства в учреждениях г. Казани, предоставляющих государственные услуги, подтверждает гипотезу о пространственном

превосходстве агента над принципалом (рис. 1), однако существуют и исключения. Формирование обстановки зависит от совокупности различных типов капитала, которыми владеет принципал. Так, в Госавтоинспекции наблюдается авторитарный стиль работы, жесткий контроль (объявление фамилий по громкоговорителю как один из элементов). Приватность и изоляция пространства агента как практики формирования обстановки характерны для учреждений, осуществляющих налоговые сборы и штрафы за административные правонарушения. Пространство принципала здесь строго ограничено, акцент во взаимодействии двух сторон делается на обязанностях принципала (например, необходимость выплаты штрафа), решающей стороной всегда выступает агент. Символический капитал сотрудника организации, наделенного властью, подчеркивает его униформа. Она также играет роль в разделении пространства на территорию посетителя и территорию служащего, формируя социальную дистанцию между ними. Несмотря на то, что принципалы являются фактическими нанимателями агентов, представители ведомств МВД на примере Госавтоинспекции занимают более высокое положение в социальном пространстве поля государственных услуг.

Обустройство физического пространства отделения Федеральной службы судебных приставов задает поведенческие стратегии в этом поле. Специфика учреждений этого типа предполагает особый характер взаимоотношения двух сторон – нарушителя и лица, осуществляющего контроль. Помещения для персонала поддерживают стратегию маркирования территории с помощью табличек «Вход только для персонала», «Посторонним вход запрещен». Отсутствуют пандусы, для посетителей отведена лишь четверть всего имеющегося пространства, приватное пространство сведено к минимуму.

Рисунок 1. Качество мест для сидения для посетителей (слева) и служащих (справа). Министерство труда и социальной защиты.

Полной противоположностью учреждений такого типа выступают отделения Пенсионного Фонда, работающие одновременно в интересах соблюдения целей принципала и не нарушающие зону комфорта агента в лице сотрудников. Отделение демонстрирует как физическую, так и информационную доступность для посетителей (входы оборудованы пандусами с надлежащим углом наклона, на стенах присутствуют стенды с актуальной информацией на русском и татарском языках). В свободном доступе для посетителей находятся розетки, туалет, нет недостатка в сидениях. Несмотря на то, что в момент наблюдения не работал терминал электронной очереди, благодаря работе администратора очередь была равномерно распределена по кабинетам. У персонала есть свое помещение для отдыха, которое находится вне зоны видимости посетителей. Таким образом, ситуация в отделениях Пенсионного Фонда представляет собой удачную организацию физического пространства, где и агент, и принципал не доминируют в пространственном смысле.

Инспекция Федеральной налоговой службы, напротив, представляет собой пример сходного стесненного положения как принципала, так и агента. В

дискомфортных условиях находятся и сотрудники, и посетители; мыслительная и телесная дисциплинирующие практики, описанные П. Бурдье как свойственные государственному аппарату, здесь проявляются ко всем находящимся в помещении. Пандус на входе присутствует, однако упирается в стену, значительная часть помещения занята посторонними предметами: сломанной мебелью и списанной техникой. Прием граждан осуществляется через узкие окошки, находящиеся значительно ниже уровня лица посетителей, вынуждая их становиться в сгорбленное, «просящее» положение (рис. 2). Сидения для ожидания не используются, поскольку находятся в другом крыле, напротив кабинетов, которые не занимаются приемом граждан. Некомфортабельные условия затрагивают и сотрудников службы: часть помещения для работы завалена макулатурой и коробками, в плачевном состоянии находится туалет для персонала, этаж, отведенный для сотрудников, имеет узкие коридоры со сложенными у стен бумагами. В инспекции находят выражение интересующие нас внутренние элементы давления на позицию принципала в социальном пространстве. Однако нельзя говорить о том, что источниками этого давления являются агенты – работники инспекции, поскольку они также испытывают дискомфорт.

Рисунок 2. «Просящее» положение получателя услуг
в Госавтоинспекции и Федеральной налоговой службе.

В целом специфика оказываемых услуг в том или ином учреждении определяет позицию принципала в пространстве изучаемого поля государственных услуг. Его положение всегда менее комфортно в учреждениях, связанных с его обязанностями (налоги и санкции государства), и более комфортно там, где реализуются его права (например, Пенсионный Фонд). Позиция агента не очень связана со спецификой оказываемых в учреждении услуг и в целом всегда более выигрышна по сравнению с положением принципала.

Поле государственных услуг представляет обширное пространство для исследований, и зачастую эти исследования посвящены оценке населением качества получаемых услуг. Однако визуальная социология открывает в этой сфере принципиально новые возможности для исследователя. Анализ физического пространства территории, где населению предоставляются государственные услуги, дает представление о действительном положении получателей услуг, что трудно измерить опросами общественного мнения.

Важно изучить устройство государственных учреждений, выявить их основные принципы и правила, по которым они функционируют. Для этого автором предлагается использование категорий социального и физического пространства. Идея исследования государственных учреждений сквозь призму социального пространства нова, однако базируется на определениях «социальное поле», «социальное пространство», которые давно используются в социологии. Нам наиболее близко определение социального пространства П. Бурдье, поскольку оно рассматривается им как совокупность социальных полей, в которых социальные агенты могут занимать определенные позиции. Анализ сферы государственных услуг в контексте различных социальных полей помогает в изучении позиций и действий в них социальных агентов.

Поле государственных услуг служит площадкой для встречи спроса на услуги со стороны потребителей – граждан и предложения со стороны институциональных агентов – государственных учреждений.

Опираясь на идеи П. Бурдье и его анализ государства, можно сделать вывод о том, что поле государственных услуг отвечает цели внушить определенное

видение государства как структуры, имеющей неограниченную власть над индивидами. Поэтому для углубленного толкования отношений социальных агентов уместно использовать принципал-агентскую модель, применимую для анализа множества социальных явлений. В настоящем исследовании под принципалом понималось население как получатель государственных услуг, а под агентом – государственные организации и служащие, предоставляющие эти услуги.

Отталкиваясь от данных методологических предпосылок, мы сконцентрировали внимание на роли самих министерств и ведомств в формировании фоновых практик в поле государственных услуг, в ходе которых принципал утрачивает доминирующую роль в качестве нанимателя, а агент встает на позицию «руководителя» в производстве услуги. Это выражается в обустройстве физического пространства территории учреждений, где населению оказываются услуги.

Анализ физического пространства сферы государственных услуг г. Казани средствами визуальной социологии подтвердил гипотезу о пространственном превосходстве агента над принципалом, однако существуют и исключения. В целом специфика оказываемых услуг в том или ином учреждении определяет позицию принципала в пространстве изучаемого поля государственных услуг. Его положение всегда менее комфортно в учреждениях, связанных с его обязанностями (налоги и санкции государства), и более комфортно там, где реализуются его права (например, Пенсионный Фонд). Позиция же агента слабо коррелирует со спецификой оказываемых в учреждении услуг и в целом всегда более выигрышна по сравнению с положением принципала.

Пространственное доминирование агента над принципалами формирует у последних представление о себе как о «подданных» в государственной системе, которым отводится лишь малая и не самая комфортабельная часть пространства – как физического, так и социального. Организация физического пространства поля государственных услуг г. Казани, на наш взгляд, является хорошей иллюстрацией положений П. Бурдьё о символическом и незамечаемом насилии, воспринимаемом как нечто само собой разумеющееся и естественное.

Источники

I. Государственные услуги Республики Татарстан – портал госуслуг [Электронный ресурс]. – URL: http://www.uslugi.tatar.ru/ (1.10.2015).

II. Отечественное ЖКХ: оценки россиян. Москва, 2015. Данные исследования ВЦИОМ [Электронный ресурс]. – URL: <http://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2015/2015-10-12-zhkh-abramov.pdf> (1.10.2015).

III. Портал государственных услуг Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gosuslugi.ru/ (1.10.2015).

Литература

1. Алькина Г.И., Герба В.А. Сущность государственных услуг / Вестник ТОГУ, 2009. – №3(14). – С. 129–134.

2. Бурдьё П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля [Электронный ресурс]. – URL: <http://bourdieu.name/content/burde-duh-gosudarstva-genezis-i-struktura-bjurokraticheskogo-polja> (1.10.2015).

3. Бурдьё П. Социология политики: Пер. с фр. Н.А. Шматко / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко / – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.

4. Бурдьё П. Формы капитала // Экономическая социология. – 2002. – № 5. – С. 60–74.

5. Сатаров Г.А. Коррупция: нетрадиционный взгляд. Коррупционные отношения: агентская модель и смежные подходы / Общественные науки и современность. – 2004. – № 2. – С. 60–69.

6. Bernhard T. Maître anciens. – Paris: Gallimard, 1988. – 218 p.

4.3. К проблеме поиска оптимальных траекторий городского развития

По мере развития человеческой цивилизации города все более превращаются в доминантные типы поселений, что обусловливает повышение их роли и значения в жизни общества. Активные урабанизационные процессы актуализи-

руют необходимость поиска новых направлений развития современных мегаполисов и мира в целом. На повестке дня остаются вопросы устойчивого развития городов и поиска новых траекторий городского развития.

Проблема поиска облика и структуры города будущего не нова: так, еще в начале советского этапа существования России велись активные споры между урбанистами и дезурбанистами по поводу облика города будущего. В этот период возникают проекты «города-сада», «города-микрорайона», «оптимального города», «города направленного развития», которые хотя и обладали рациональным зерном, вместе с тем не учитывали глубинные процессы, формирующие города и системы расселения [1].

Сторонники крупных городов и дезурбанисты, призывавшие к их разукрупнению, максимально равномерному расселению [2], несмотря на различия в оценке урбанистических процессов, стояли на одних – технократических позициях. Технократизм их методологии заключался в том, что социальная жизнь города полностью детерминировалась проектно-строительной индустрией. Город выступал объектом осуществления властных решений, при этом не уделялось достаточного внимания городскому сообществу, предполагалось, что горожане будут просто следовать за развитием систем и технологий, а не самостоятельно формировать городское пространство.

В 1960-е годы предпринимаются попытки планирования городов, расчета и размещения инфраструктурных объектов. Урбанисты вновь обращаются к идеям коллективного расселения 1920-х годов [3]. В этот период город снова воспринимается как объект, который необходимо спроектировать и расселить жителей, сгруппировав по тем или иным признакам, директивно определив все возможные сети взаимодействий.

В 1980-е годы развивается теория социального управления городом, которая предполагает управление трудовыми ресурсами и даже целенаправленное изменение образа жизни горожан. Вводится программно-целевой подход к муниципальному управлению – это метод связи целей плана социально-экономического развития с комплексом экономических, социальных, научно-

технических и производственных мероприятий и народнохозяйственными ресурсами, обеспечивающими их выполнение [4], при котором предполагается разработка и осуществление специфических плановых документов – комплексных целевых программ. Программно-целевое планирование построено по логической схеме: "цели – пути их достижения – способы (инструменты) достижения цели – средства, необходимые для достижения цели" [I]. Данный инструмент предполагает четкую проработку муниципалитетом программы развития территории и перечня мероприятий, при этом участие населения (реципиента муниципальной услуги) не предусматривается. Таким образом, город снова выступает в качестве объекта (регулирования, управления), но не субъекта самоорганизации.

Выявление вектора трансформации современных российских городов, таким образом, является актуальной практической и теоретической задачей. Ее практический аспект объясняется утверждением социокультурного подхода к проектированию городского пространства в качестве нормы этой сферы деятельности, которая должна подчинить градостроительство концепции культурно-ориентированного развития места.

Разработка концепции города как многослойной среды обитания человека, доминантой которой являются жизненные потребности человека, имеет давнюю традицию, благодаря работам таких авторов, как М. Вебер, П. Сорокин, П. Бурдье, М. Кастельс, в трудах которых была сформирована идея комплексного подхода к изучению города как среды, в рамках которой происходит выработка системы социальной идентификации, опирающейся на физические границы города, принадлежность индивида к городской территории и социокультурное освоение им этого пространства. Как пишет Бурдье: «Физическое пространство не может мыслиться … иначе, как через абстракцию (физическая география), т.е. игнорируя решительным образом все, чему оно обязано, являясь обитаемым и присвоенным. Иначе говоря, физическое пространство есть социальная конструкция и проекция социального пространства, социальная структура в объективированном состоянии, объективация и натурализация прошлых и настоящих социальных отношений» [5].

В работах отечественных исследователей А.С. Ахиезера, Л.Б. Когана, М.Г. Лаппо, Ю.Л. Пивоварова, А.А. Сусоколова, О.Н. Яницкого урбанизация рассматривается как особый феномен социальной организации и развития общества. Для этих ученых очень важны функциональные показатели урбанизации, степень и характер воздействия города на окружающие районы (т.е. распространение городских образа жизни и стиля поведения) и степень развитости самого города.

Город представляет собой жизненное пространство большого количества людей, организованных определенным способом и образующих в повседневных межличностных взаимодействиях «социальные сети», разрушение которых ведет к социокультурной деградации: «город – это прежде всего особым образом организованное, обитаемое жизненное пространство. Он создается деятельностью людей, повседневные запросы которых и составляют, собственно, социальную "подоснову" сотворения рукотворных городских ландшафтов» [6].

Кардинальное изменение ориентиров социокультурного развития – переориентация общества на ценности индивидуальной свободы, инициативы и ответственности, защиты частной жизни и гражданских прав, вызвало стремление к их реализации в сфере переустройства повседневной жизненной среды. Разнонаправленность этой активности и образовала поле социальных мутаций, одна из которых – превращение градостроительства в мощный инструмент социально-территориальной сегрегации населения» [6]. Поэтому необходимо «выявление принципов измерения городов не по числу городского населения, а на основе понимания социокультурного смысла происходящих в них процессов» [7]. Данная задача, равно как и задача организации жизненного пространства города, учитывающего запросы и ожидания горожан, не только является приоритетной для градостроителей, но требует усилий специалистов различных профилей, исследующих проблемы воспроизводства целостности культуры.

Новые реалии диктуют новые правила, расширяют спектр вопросов, которые необходимо решать. Меняется менталитет горожан, их ожидание от городской среды и услуг, предоставляемых городом, на традиционные ограниче-

ния города, доставшиеся в наследие от советского периода, накладываются информационно-технологические потребности города и растущая конкуренция городов. Все это актуализирует необходимость поиска оптимальных стратегий реформирования городских территорий и удовлетворения потребностей населения. Современный этап характеризуется выходом «интеллектуальных технологий» в массы. Осуществляется масштабная компьютеризация всех процессов и попытка применения технологий во всех сферах жизнедеятельности человека, в том числе в государственном и муниципальном управлении. Как и в советский период, инициатива исходит преимущественно сверху, следует отметить в первую очередь указ президента РФ об электронном правительстве и другие.

Все большую популярность, как в России, так и за рубежом приобретает концепция «умный город», которая рассматривается как оптимальная модель организации городского пространства. В последнее время термин «умный город»[*] широко используется в выступлениях первых лиц государства, политиков

[*] • Умный город – это инструментальный, взаимосвязанный, разумный город. Инструментация делает возможным перманентный сбор и интеграцию информации обо всех процессах, происходящих в городе, посредством датчиков, автономных центров сбора интерактивной информации в мультимедийных системах, получаемой с всевозможных устройств, фотоаппаратов, смартфонов, медицинских устройств и других систем по сбору информации, включая социальные сети как сенсоры человеческих отношений. Взаимосвязность означает интеграцию этой информации на профессиональных компьютерных платформах и распределение этой информации между различными муниципальными органами и службами. Разумность города предполагает комплексную аналитику, моделирование, оптимизацию и визуализацию оперативных бизнес- процессов с целью оптимизации процесса принятия решений [8].

• Умный город – это совокупность разумных компьютерных технологий, применяемых в ключевых объектах инфраструктуры и при предоставлении государственных и муниципальных услуг. Это новое поколение интегрированного оборудования, программного обеспечения и сетевых технологий, которые обеспечивают ИТ-системы оперативной информацией о мире и продвинутой аналитикой для оптимизации государственных и бизнес процессов [II].

Принимая во внимание комплексность умного города, его можно воспринимать в качестве большой органической системы, связывающей множество подсистем и компонентов. Умный город – это органическая интеграция систем, с налаженной взаимосвязью ключевых систем умного города, которые могут сделать систему систем разумнее. Очевидно, ни одна система не работает в изоляции. Поэтому умный город следует рассматривать как органическое целое – сеть взаимосвязанных систем, тогда как системы индустриальных городов были в большей степени похожи на скелет и кожу, постиндустриальные умные города больше похожи на организмы с нервной системой, которая обеспечивает скоординированную разумную организацию деятельности города. Новая разумность городов основывается на эффективной комбинации телекоммуникационных сетей (нервов), повсеместно внедренном интеллекте (мозги), датчиках (органы чувств) и программном обеспечении (знания и когнитивные способности).

и деятелей бизнеса, все чаще и чаще он стал мелькать на страницах российских средств массовой информации. Представления о содержании и сути концепции весьма неоднозначны, однако предпринимаются активные попытки их повсеместной реализации в соответствии с репрезентациями властных структур.

Существует два варианта реализации концепции «умный город» 1) модернизация существующих городов в соответствии с критериями «умного города»; 2) строительство «умных» городов с нуля. В российских реалиях и те и другие проекты в большинстве своем предполагают внедрение информационно-коммуникационных технологий с целью оптимизации городского пространства [9].

В городе Казани предпринимаются попытки реализации проектов, связанных с «умными» технологиями, такими, как «Умный безопасный город», который призван обеспечить безопасность жителей города. К проекту относят инженерные и IT-системы: уличное видеонаблюдение, системы автоматизированного контроля дорожного движения и фотофиксации нарушений ПДД, системы экстренной связи «Гражданин – Полиция», функционирует портал по автоматизированной обработке заявок ЖКХ «Открытая Казань» [III], предприняты инициативы по запуску «умных» пассажирских автобусов [IV]. Однако масштабное внедрение технологий «умного города» и попытка компьютеризации всех процессов, происходящих на территории города, не являются эквивалентом комплексного решения городских задач.

Сложность этого пути заключается в том, что большинство жителей уже проживают в городах, где необходима модернизация инфраструктуры, у горожан имеется устойчивое представление о территории и о вариантах взаимодействия с муниципальной властью и возможностях участия в городских процессах, которые не поддаются мгновенному изменению. В связи с этим некоторые властные инициативы не находят отклика среди горожан, проекты общественников не получают достаточного внимания. Кроме того, понимание «умного города» властями зачастую ограничивается лишь технологическими характеристиками [V]. Помимо этого, внедрение «умных» решений является чрезвычайно сложной задачей для городских властей. Существует огромное количество ин-

ституциональных и организационных барьеров на пути использования в городах новых технологий. Модернизация существующих городов имеет свои ограничения: заменить существующие городские системы иногда практически невозможно, потому что на них зиждется городское хозяйство. Совершенствование городского развития в соответствии с концепцией «умный город» проблематично, так как в городах уже сложились устойчивые системы, реализующие функции жизнеобеспечения.

Преувеличение потенциала «умного города» в качестве панацеи от всех городских недугов грозит обернуться профанацией и формализацией потенциально успешных стратегий; простое внедрение технологий под эгидой «умного города» определяет риски значимого невнимания к актуальным проблемам горожан, пока власти будут озабочены повышением «разумности» территории.

Второй вариант реализации концепции, строительство «умных» городов с нуля – наиболее выигрышный путь демонстрации всех преимуществ технологических решений. С точки зрения внедрения информационно-коммуникационных технологий проекты «с нуля» позволяют достичь большего в более короткие сроки. Использование инновационных технологий приносит ощутимые результаты и вдохновляет на дальнейшее развитие современной инфраструктуры. Тем не менее, реализация таких проектов ограничена масштабами городских поселений и требует масштабных инвестиций.

На базе г. Казани предполагается реализация обеих стратегий, первая из которых заключается в попытке модернизации существующей системы городского хозяйства в соответствии с требованиями «умного города», другая - в строительстве нового города Иннополиса с нуля. Подобные проекты относятся к инфраструктурным, и бюджет их составляет десятки миллиардов долларов, реализуются они всегда по инициативе правительств или местных властей с привлечением бизнес-партнеров.

Очевидно, город не сводим к простой сумме частей, на которые его предметная выраженность поделена по соображениям удобства учета – районов, микрорайонов и т.п. [VI], а также простого набора инфраструктурных элементов

города. Механическое насаждение зданий и сооружений (пусть даже с применением последних технологических решений) и размещение энного количества людей на определенной территории еще не гарантируют успешности этой территории как города, формирования городской идентичности и способности занять свое место в системе городов. В мировой практике существует достаточно много примеров, когда максимально комфортные условия нового города, применение наилучших инфраструктурных решений и оптимальное городское планирование проигрывали по привлекательности старым городам с проблемами городского функционирования [10]. В этой связи неоднозначно будущее Иннополиса.

Подобная технократизация решений присуща не только муниципальному, но и региональному уровню. Так, Стратегия развития Республики Татарстан к 2030 году [VII] в свою очередь пестрит «умными» решениями, так, в тексте Стратегии насчитывается 129 словосочетаний со словом «умный» в самых разных контекстах: «умная экономика», «умная медицина», «умная промышленность» и т.д.

Горожане весьма неоднозначно относятся к подобным проектам, инициативы властей зачастую вызывают недовольство [IV]. Основной причиной критики является недостаточный уровень осведомленности жителей о перспективах реализации программы, ее потенциала и степени влияния на городское пространство. Очевидно, ни одна программа развития и привлечения инвестиций не может быть осуществлена исключительно силами городской администрации и представителей власти, необходимо активное включение горожан и предпринимателей города в процессы принятия управленческих решений, разработки стратегии и ее реализации. Это позволит избежать недовольства населения и использовать человеческий потенциал для развития территории и реализации амбициозных проектов.

Очевидно, на первый план выходят пользователи технологий и культурные контексты, т.е. креативность пользователей (их способность творчески адаптировать технологии под свои нужды), а также культурные контексты и социальная ткань общества образуют специфические сценарии использования

современных технологий, не заложенные в них изначально. Нельзя не согласиться с представителями антропологического подхода, которые сомневаются в способности цифровых технологий выступать самостоятельными агентами действия и создавать особые типы городской реальности [11].

Согласно замечанию директора Немецкого энергетического агентства Ульриха Бентербуша на пленарном заседании «Как города становятся умными», в Европе выдвигается сходная концепция «умных городов», однако западные эксперты предпочитают делать упор не на технологии, а на вовлеченность граждан в процесс развития мегаполисов [V], если кратко: «умный город» – это «умные» жители. Очевидно, технологии являются инструментом решения городских задач, а не основополагающей целью.

Однако анализ российской и зарубежной практики позволяет утверждать, что большинство существующих проектов реформирования территории и конструирования города упускают из внимания потребности горожан, ориентируясь преимущественно на технологические решения, которые являются относительно быстродостижимыми, но малопродуктивными.

В условиях острой конкуренции городов за человеческие ресурсы и инвестиции на первое место выходит человек – житель города. Именно он формирует требования к городской среде, и от соответствия городских инфраструктур этим требованиям непосредственно зависят конкурентоспособность города и его дальнейшее развитие.

Источники

I. Программно-целевое планирование. Понятие, принципы, методы. Краткий курс лекций по дисциплине «Планирование на предприятии» [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Studme.org. – URL: http://studme.org/15200827/finansy/programmno-tselevoe_planirovanie (дата обращения: 1.10.2015).

II. Hafedh Chourabi et al. Understanding smart cities: an integrative framework. 2012. 45th Hawaii International Conference on System Sciences [Электрон-

ный ресурс] // Publications of the Center of technology for government». – URL: https://www.ctg.albany.edu/publications/journals/hicss_2012_smartcities/hicss_2012_smartcities.pdf (дата обращения: 01.06.2015).

III. О проекте Открытая Казань [Электронный ресурс] // Открытая Казань Помощник в работе с ЖКХ. – URL: https://open.kzn.ru/aboutproject (дата обращения: 17.09.2015).

IV. Американская корпорация Cisco поможет Казани создать «умные» пассажирские автобусы [Электронный ресурс] // Журнал Kazan First. – URL: http://kazanfirst.ru/feed/31260 (дата обращения: 7.09.2015).

V. Россия и Запад разошлись во взглядах на «Умный город» [Электронный ресурс] // Электронное издание Новый день. – URL: http://urfo.org/ekb/537810.html (дата обращения: 13.10.2015).

VI. Глазычев В.Л. Город утраченный [Электронный ресурс] // Сайт В.Л.Глазычева. – URL: http://glazychev.ru/habitations&cities/gorod_utra4enny.htm (дата обращения: 10.09.2015).

VII. Татарстан 2030. Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 [Электронный ресурс] // Business Online. Деловая электронная газета Татарстана. – URL: http://www.business-gazeta.ru/uploads/strategy_tatarstan2030f.pdf (дата обращения: 7.10.2015).

Литература

1. Ишкинеева Ф.Ф. Социально-стратификационные процессы в монопромышленном городе в условиях трансформационного общества (на примере города Набережные Челны Республики Татарстан) // Автореф. дисс. … уч. степ. канд. социол. наук. – Казань, 2000. – 27 с.

2. Ядов А. Социология в России [Электронный ресурс] // Библиотека "Полка букиниста". – URL: http://polbu.ru/yadov_sociology/ (дата обращения: 15.09.2015).

3. Градов Г.А. Город и быт. Перспективы развития системы и типов общественных зданий. – М.: Стройиздат, 1968.

4. Каркавин М.В. Программно-целевой подход к управлению территориальными образованиями в условиях перехода России к инновационному типу развития // Вестник ИНЖЭКОНа. Серия: Экономика. – 2009. – Т. 32. – № 5. – С. 100–107.

5. Бурдье П. Социология политики [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Гумер. – URL: http://gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Burd/01.php (дата обращения: 5.10.2015).

6. Дридзе Т.М. Город как жизненная среда и социальные проблемы в столичной агломерации // Социально обоснованное градоустройство. – М., 2005. – С. 53.

7. Ильин В.Г. Город как концепт культуры. Диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук / Ростов на Дону, 2004.

8. Harrison, C., Eckman, B., Hamilton, R., Hartswick, P., Kalagnanam, J., Paraszczak, J., & Williams, P. (2010). Foundations for Smarter Cities. IBM Journal of Research and Development, 54(4).

9. Ishkineeva G., Ishkineeva F., Akhmetova S. Major Approaches towards Understanding Smart Cities Concept // Asian Social Science; Vol. 11, No. 5; 2015.

10. Скотт Дж. Благими намерениями государства [Электронный ресурс. Библиотека Якова Кротова. – URL: http://krotov.info/lib_sec/18_s/sko/tt_s_0.htm (дата обращения: 23.09.2015).

11. Запорожец О.Н., Лапина-Кратасюк Е.Г. Антропология цифрового города: к вопросу о выборе метода // ЭО. – 2015. – № 4. – С. 41–54.

5.3. Система общественного транспорта г. Казани как объект социологического анализа

Постсоветский период в истории Казани – это время радикальной «перестройки» города: программа ликвидация ветхого жилья, подготовка к празднованию тысячелетия города и проведению Универсиады привели к изменениям в приоритетах городского развития, зонировании городской территории и многих

других аспектах функционирования города. Естественно, изменения коснулись и системы общественного транспорта, именно эти изменения лежат в основе данного исследовательского интереса.

За короткий постсоветский период казанский общественный транспорт подвергался многочисленным изменениям: это были как коммерческие инициативы, так и крупные транспортные реформы, инициированные мэрией города. Изменения транспортной системы отражают приоритеты в развитии города, поэтому могут являться объектом социологического анализа.

Социология общественного транспорта вполне логично входит в корпус дисциплин городской социологии, однако также вписывается в контекст социологии мобильности. Интерес к транспорту в целом и городскому общественному транспорту в частности был характерен еще для классиков социологии: в частности, Э. Дюркгейм утверждал, что "…города всегда происходят от потребности, побуждающей индивидов постоянно находиться в максимально возможной близости друг к другу"[8], из чего следует возрастающая роль городского транспорта в больших городах. В отношении сущности и роли общественного транспорта в городской и общественной жизни высказывались социологи разных направлений: структурно-функционального (Т. Парсонс) [VII], феноменологического (П. Бергер и Т. Лукман) [II], постмодернистского (З. Бауман) [I] и др. Анализ общественного транспорта как инструмента присвоения дефицитного городского пространства представил П. Бурдье [III].

В российской социологии города в последние годы наблюдается интерес к повседневным городским практикам, конструированию городской среды, поведению человека в публичном пространстве. Подобный подход представлен в сборнике статей «Микроурбанизм. Город в деталях», некоторые из материалов которого посвящены общественному транспорту [VI].

Целью данного исследования является апробация совершенно иной стратегии изучения общественного транспорта, базирующейся не на анализе мнений относительно этого социального института, а на изменениях самой системы в городе Казани.. В истории системы казанского общественного транспорта

последних 25 лет можно четко выделить три стадии: 1) «советскую» (до распада СССР) – целостную директивную систему, создававшуюся с учетом необходимости доставки рабочих на многочисленные заводы в разных частях города; 2) «коммерческую» (от распада СССР до 2007 года) – время ослабления регламентации системы, на первое место выходит коммерческая рентабельность маршрутов, характерной чертой становится компенсация недостатков советской системы в новых условиях т.н. «маршрутками»; 3) «постреформенную» – после реформы 2007 года, когда была создана принципиально новая система, регламентирующаяся мэрией, стремящаяся отвечать новым условиям. Изучение изменений транспортной системы в разные периоды жизни общества позволяет зафиксировать изменения в структуре города. Развитие общественного транспорта отражает логику развития конкретного городского пространства и городского сообщества. Таким образом, транспортная система города в определенной степени является зеркалом социальных изменений, происходящих в городе, и отражает приоритеты городского развития и потребности городского сообщества.

Проблема исследования может быть сформулирована в виде вопроса: в каком направлении происходят изменения в транспортной системе города и какие приоритеты они отражают? Целью исследования, соответственно, является определение приоритетов развития современной транспортной системы г. Казани.

Основным методом исследования является картографический анализ: сравнение карт общественного транспорта г. Казани, а также создание собственных карт, наглядно демонстрирующих происходящие изменения. Были использованы карты города с обозначением на них маршрутов общественного транспорта 1988 г., 1999 г. (частично дополненная информацией с сайта «Моя Казань»[http://kazan.ws/]) и 2012 г., который выбран не случайно – перед Универсиадой система, сложившаяся в 2007 году, была оптимизирована, изменены и переименованы некоторые маршруты.

Приоритеты транспортной системы могут быть количественно определены через размер и местоположение «пучков», через которые проходит макси-

мальное количество транспорта. Это указывает на высокую потребность в находящихся поблизости зданиях и заведениях. Однако одного лишь знания об этих точках недостаточно, необходимо охватить основные векторы, направления транспортных потоков в городе. Это достигается путем сопоставления районов, через которые пролегает каждый отдельный маршрут. Данное исследование состоит из двух частей – определение и сравнение основных «пучков» (узлов транспортных потоков) и «аутсайдеров» (наименее загруженных маршрутов), вторая часть – расчеты, связанные с определением степени загруженности транспортной системы в определенных районах города. Изменения в транспортной системе невозможно охарактеризовать без описания перемен в структуре города, произошедших за анализируемый временной период.

В 1988 году Казань имела несколько иную конфигурацию: центральную часть современного Вахитовского района занимал Бауманский район, Авиастроительный и Ново-Савиновский районы были единым Ленинским районом (современное состояние приобрели в 1994 году). Ново-Савиновский район был застроен частично, в пространстве между улицей Чуйкова и проспектом Ямашева, значительная часть района была занята болотами и прудами. В Приволжском районе в тот период активно строился район Горки-2 (Проспект Победы – Зорге – ул.Завойского) и начинал строиться район Горки-3 (Пр.Победы – Зорге – Дубравная).

Характер застройки имевшихся на тот момент районов также отличался. Практически весь центр города был застроен жильем малой этажности, зачастую еще дореволюционной постройки. В частности, почти полностью таким «ветхим» жильем были застроены бывшие ул. Мокрая (район ЦУМа), ул. Сенная (близ бывшегоТГГПУ), Суконная (от современных пл. Тукая до улицы Эсперанто), Федоровская (район улицы Федосеевской, Тельмана), Академическая (район улицы Вишневского), Старо-Татарская и Ново-Татарская слободы, а также район улицы Бутлерова и близлежащих оврагов. Вместе с тем учреждения в центре города были расположены точечно, значительная часть жителей города работала на промышленных предприятиях, зонированных близ двух

ветвей железной дороги, проходящих по Казани: южный ход (промзоны Приволжского района, поселка Дальний, улицы Халитова) и северный ход (Пороховой завод, Тасма, Оргсинтез, Элекон, КАПО, КМПО, Вертолетный завод). Таким образом, структура городских перемещений оказывается сложнее, чем традиционное для сегодняшнего времени перемещение из «спальных» районов в центр и обратно, так как основные рабочие места были расположены на окраинах, а центр города густо заселен.

В числе характерных черт данного периода стоит отметить, в первую очередь, низкую степень автомобилизации и высокую значимость общественного транспорта. Для этого времени характерно также примерное «равенство» между автобусами и электротранспортом как в количестве маршрутов, так и в охвате городской территории: трамвайные и троллейбусные линии строились в новых районах иногда даже с опережением строительства самих районов. Кроме того, стоит отметить, что некоторые маршруты создавались, по сути, для работников определенных организаций, например, у самого отдаленного из крупных казанских предприятий – «Оргсинтеза» – такую функцию выполняли трамвай №10 и троллейбус №5, связывавшие его с районами проживания работников предприятия.

Следующий период – 1999 год – характеризуется значительными изменениями в самой структуре города, в расселении его жителей и, соответственно, в характере транспортной системы.

Главным событием, произошедшим незадолго до этого, становится начало подготовки к празднованию 1000-летия города. В качестве одной из своих приоритетных задач руководство города считает т.н. «ликвидацию ветхого жилья», т.е. переселение жителей в новые микрорайоны и снос старых малоэтажных домов, строительство на их месте современных жилых и офисных зданий. В первую очередь были снесены здания в самом центре города, со временем распространившись на окраинные части центра, а также за его пределы (некоторые слободы, например Суконная, почти полностью лишились исторической застройки). Новыми местами компактного расселения горожан стали микро-

районы «Азино-2» и «Азино-1» Советского района, чуть позже – «Восточное заречье» в Ново-Савиновском районе. Таким образом, значительная часть населения из центра переселилась на окраины города, в новые многоэтажные районы. Однако в условиях коммерческого бума повысился спрос на помещения в центре города, из жилой части он превращался в коммерческую, следовательно, в «центр притяжения» для «маятниковых» мигрантов. Промышленные предприятия при этом находились в глубоком кризисе, соответственно, они перестали быть «центрами притяжения». Произошли заметные изменения в структуре расселения и занятости горожан.

Подобные изменения должны были найти свое отражение в системе общественного транспорта. Однако кардинальной реформы существующих маршрутов не произошло. Увеличилась автомобилизация, трамвай и троллейбус, требующие постоянной поддержки инфраструктуры, стали убыточными, в целом «престиж» общественного транспорта снизился (то же касалось и развития сети: лишь в 1999 году впервые за постсоветское время была построена новая линия трамвая – по Проспекту Победы). В данной ситуации городское правительство было вынуждено «развязать руки» коммерческим перевозчикам. Так как эти перевозчики интересовались максимизацией выгоды, они выбирали наиболее «популярные» маршруты и направления, таким образом частично компенсируя отсталость еще советской системы общественного транспорта. Две эти системы существовали «параллельно» друг другу, «маршрутки» часто даже не отмечались на картах города. Маршруты этих компаний часто дублировали друг друга, и вся эта система выглядела хаотичным нагромождением маршрутов, однако главную свою задачу – компенсацию отставания городского транспорта от изменившихся городских реалий – она выполняла.

К 2012 году начатые в 1990-х инициативы получили свое развитие: после успешного проведения 1000-летия города Казань получила право на проведение Универсиады, и на 2012 год пришлась наиболее активная стадия этой подготовки. Очистив центр и застроив его новыми зданиями, администрация города обратила свое внимание на оставшиеся в границах «ядра» Казани частные

секторы – Ягодную, Пороховую слободы, деревни Калугу и Аметьево, ветхие дома Авиастроительного и Кировского районов. На их месте стали точечно, а потом и комплексно возводиться новые многоэтажные здания, промзоны были подвергнуты джентрификации. Особенное внимание уделялось районам близ объектов Универсиады. В городе стали появляться элитные многоэтажные жилые комплексы. За период с 1999 года в городе появилось много новых дорог, включая новый мост «Миллениум». Кроме того, в это же время начинается многоэтажное комплексное строительство за пределами городского «ядра» – на границе города, в поселках, прилегающих к городской границе и городах-спутниках.

По поводу транспортной ситуации в городе уместно выделить несколько ключевых событий. Первым стало открытие в 2005 году метрополитена. После этого пришло понимание, что старая система, совмещавшая в себе советские «пережитки» и хаотичные коммерческие перевозки, уже не отвечает изменившимся условиям, при которых именно метрополитен и его будущее путевое развитие станут доминантой общественного транспорта. Поэтому в 2007 году была соответствующая реформа, в ходе которой сетка автобусных маршрутов была создана «с чистого листа». Главной задачей, стоявшей перед авторами новой системы, был учет изменившихся реалий без характерных для «маршруток» «перекосов». Что касается электротранспорта, то в течение 2000-х гг. трамвайные пути были демонтированы (прежде всего в центре города), а в 2010 г. трамвайные пути на улице Декабристов были перенесены в Кировский район. Троллейбусное сообщение в этот период медленно развивалось, заменяя трамвай на некоторых направлениях.

Пиковые точки определялись путем сложения численности пассажиров через выбранную остановку маршрутов. Два кольцевых маршрута считались за один. Трамвайный, троллейбусный и автобусный маршруты считались равными. Ввиду невозможности и бессмысленности просчета данного параметра для каждой остановки нами были выбраны 68 остановок, находящихся в ключевых местах (важные здания, исторические районы, разъезды маршрутов), т.е. оста-

новки-маркеры. Это же подчеркивается тем, что в качестве подобной остановки-маркера использовались не только именно эти остановки, но и находящиеся в непосредственной близости, так как важным является факт обслуживания района маршрутом, а не точность наименований.

В первую очередь стоит рассмотреть результаты по 1988 году. Три самых напряженных узла (по 15 маршрутов) – Площадь Тукая (тогда – Куйбышева), Павлюхина, Восстания. По одному маршруту проходило через Авторынок, Левченко и Муштари. Первые два просто являются отдаленными районами, а остановка Муштари использовалась лишь трамваем маршрута № 2 ввиду большого количества транспорта вокруг. Многих остановок тогда еще не существовало, поэтому на их месте точек нет.

Для ситуации 1999 года по сравнению с 1988 г. характерен прогресс в развитии общественного транспорта, связанный с появлением большого количества маршрутов. Лидирующее положение получает ост. площадь Тукая – через нее проходит 66 маршрутов, далее – Арбузова-Халитова с 55 маршрутами. Театр Г. Камала и Проспект Победы с 52 маршрутами занимают третье место. В числе аутсайдеров Муштари, Левченко и Нефтебаза. Стоит отметить уменьшение роли, например, остановки на ул. Восстания (48 маршрутов), важного узла на пересечении нескольких заводских дорог.

В 2012 году главным узлом остается площадь Тукая (32), что указывает на «центробежную силу», детерминированную радиально-кольцевой системой Казани. Площадь Тукая, как «сердце» города, должна быть связана с любой его точкой. Аналогичная ситуация на площади Восстания, которая в новой системе является центром пересечения направлений с Кировского, Авиастроительного, Ново-Савиновского и Московского районов, частично «отобрав» эти лавры у района Московского рынка. Третье место у района Арбузова-Халитова – также узловой точки, связывающей центр города, поселок Дербышки, Ново-Савиновский район и Азино. В аутсайдеры попала остановка на ул. Короленко, обслуживающаяся лишь одним автобусом, находящаяся рядом с крупной промзоной севера Ново-Савиновского района, снижение ее роли симптоматично.

Рис.1. Изменения в северной части города (Авиастроительный, Московский, Кировский и Ново-Савиновский районы) в 1988, 1999 и 2012 годах.

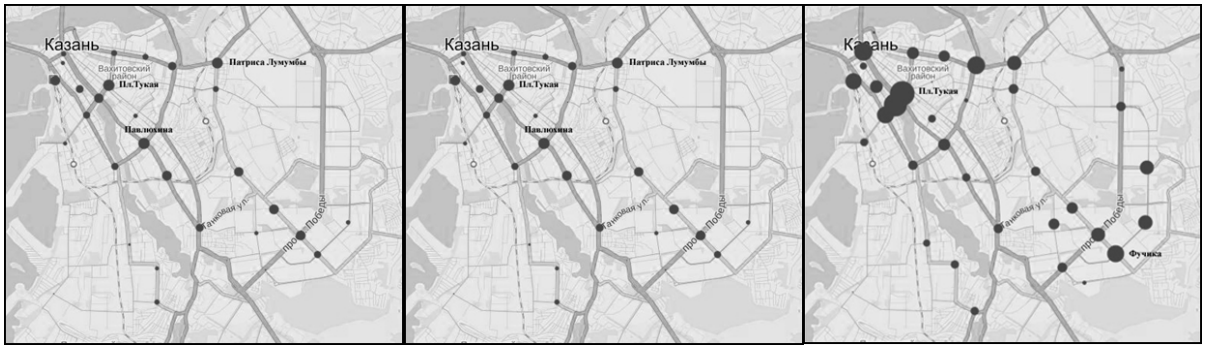

Рис.2. Изменения в южной части города (Вахитовский, Приволжский, Советский районы).

Однако для того, чтобы комплексно охарактеризовать произошедшие изменения, стоит сравнить два коэффициента: А – отношение количества маршрутов 1999 года к количеству маршрутов 1988 года и В – соответственно 2012 г. к 1988 г.

По коэффициенту А лидерами являются остановки Ново-Савиновского района, достигшего пика развития в начале 2000-х. Здесь же – связующие центр с Заречьем остановки ЦУМ и Батурина. Наибольший интерес представляет список аутсайдеров – это точки с коэффициентом менее 2 (при увеличении количества маршрутов с 78 до 200) – промышленные районы: Жилплощадка, Можайского, Регпалата, Тэцевская, 10 лет Октября, разъезд Восстания и др. Это демонстрирует изменения в приоритетах, ярко выраженные в коммерческой мотивации владельцев маршруток (они составляли основную долю транспортных средств), наблюдается спад промышленного производства, основным направлением движения становится «жилой район – центр», поэтому наблюдается концентрация маршрутов при подъезде к мостам и в самих спальных районах.

По коэффициенту В показатели не очень значимы (суммарное количество маршрутов в 1988 и 2012 годах практически одинаково). Потоки жителей из пригородов, направлявшихся в город, в том числе в центр, привели к тому, что на первое место по количеству маршрутов вышла остановка Интернат (Дербышки) с коэффициентом 5, на второе – «Микрорайон 9А» (Рамстор на Парина) с коэффициентом 4,3. В аутсайдерах оказались остановки Короленко, Жилпощадка, Тэцевская, Можайского, что вновь подтверждает отмеченную ранее тенденцию: промышленные районы становятся менее востребованными, в то время как нарастает движение с окраин в центр. Для проверки сложившегося впечатления перейдем ко второй части исследования.

Изучение одних лишь остановок не может дать полноты относительно общих тенденций и приоритетов. Например, некоторый узел в центре города не отвечает за загруженность всего центра. Для определения подобных тенденций необходимо определить долю маршрутов, пролегающих через район относительно всех городских маршрутов. В первую очередь стоит рассмотреть ситуацию, сложившуюся в 1988 году: Центральный Вахитовский район имеет первое место с 56,4% всех маршрутов, Приволжский район – 38,4 и Советский – 35,8 занимают второе-третье места. Аутсайдером выступает малозаселенный Ново-Савиновский район (тогда еще часть Ленинского района). В 1999 году через центр пролегало уже 70% всех маршрутов. В «спальных» районах, а также в Ново-Савиновском и Советском районах, где шло крупномасштабное строительство, число маршрутов резко возросло, в то время как в Авиастроительном и Кировском (традиционно промышленных) районах число маршрутов снизилось. Для 2012 года характерно «выравнивание» районов относительно среднего уровня, нагрузка на центр снизилась до 63,2, это высокий показатель, нагрузка на Советский район составила 58,2 – разница небольшая. Это связано с тем, что Азино превратилось в «окраину нового типа» – не только спальный район, но и район развитой инфраструктуры, особенно торговой. Московский район по количеству маршрутов обошел Приволжский – следствие того, что

через данный район проходят очень многие маршруты из других районов Заречья, в том числе в центр.

В течение всего анализируемого периода в каждом районе росла интенсивность движения общественного транспорта. Исключение составляют Вахитовский и Приволжский районы, пик нагрузки пришелся на конец 1990-х гг. Связано это, в первую очередь, с тем, что новая транспортная система строится на принципах диаметров – т.е. больших маршрутов от одного конца города до другого. Соответственно повышается количество остановок и районов, которые этот маршрут обслуживают.

Современная транспортная система Казани действительно претерпела изменения, особенно в отношении смещения «пиковых точек» в центр города. Однако эти выводы нельзя радикализировать. Например, промзоны Приволжского и Советского районов практически не «пострадали», что связано с близким расположением к ним жилых массивом и крупных торговых и транспортных узлов. С другой стороны, действительно, промзоны Авиастроительного, Московского, Кировского районов стали обеспечиваться минимумом маршрутов. Известно, что в целом Заречье строилось как промышленный район, большая часть его жителей получала квартиры поблизости от расположенных здесь заводов. Как следствие – центрирование в 1988 году на остановке Восстания как ключевой точке всего Заречья. Сами маршруты были короткими, с окраин в центр они не пролегали, так как в этом не было необходимости. К 1999 году изменения приоритетов привели к тому, что наиболее загруженными оказались центральные остановки и особенно мосты через Казанку, связывавшие центр с промышленным Заречьем. В то же время застройка новых микрорайонов привела к интенсификации транспортных потоков. После 2007 года установившиеся приоритеты, доселе выраженные лишь в коммерческой инициативе, были «легитимированы» новой схемой, устранены «перекосы», однако принцип остался тот же – связь всех районов с центром хотя бы двумя-тремя маршрутами. Проект казанского метро, изначально призванный связать Горки с промзоной Авиастроительного района, теперь направлен на доставку людей с обеих точек в центр.

Изменения системы общественного транспорта репрезентируют изменения социальной структуры города. Появление новых потребностей в сфере городской мобильности обусловливает эти изменения, независимо от того, детерминированы ли они коммерческой выгодой или желанием снизить общественное недовольство. Вместе с тем, с точки зрения исследования, важно разделять подобные факторы и прочие (будь то лоббирование маршрутов, постройка новых жилых комплексов и т.п.).

Стоит отметить, что трансформация системы общественного транспорта Казани не закончилась. Новым «трендом» в Казани становится строительство новых микрорайонов за пределами города, в отдалении от основных магистралей и потому требовательных к общественному транспорту (Осиново, «Салават Купере», «Лесной городок», застройка в Константиновке). Кроме того, строительство аналогичного уровня (крупные комплексы – свыше 10000 жителей) ведется и в самом городе (Аметьевская магистраль и Танкодром, Ягодная слобода, планируемая джентрификация промзоны поселка Дальний). Ведутся работы по строительству новых станций и проектированию новых линий казанского метрополитена. Ппланируется «закольцевать» 3 и 5 маршруты трамвая, создав самый большой в России трамвайный маршрут. Вкупе с политикой «деавтомобилизации», проводимой городским правлением (постройка перехватывающих парковок, установление платы за парковку в центре города, введение «автобусных» полос на улицах), все эти действия обостряют необходимость грамотного управления такой сферой, как общественный транспорт, а, значит, изучения изменений в этой сфере.

Источники

I. Бочарова О.В. Роль социального института транспорта в социальном пространстве города [Электронный ресурс] // Вестник Саратовского государственного технического университета, 2010, №1. Том 2.
[URL: http://cyberleninka.ru/article/n/rol-sotsialnogo-instituta-transporta-v-sotsialnom-prostranstve-goroda] (дата обращения 11.11.2015).

II. Ганин, О.Б., Ганин, И.О. «Умный город»: перспективы и тенденции развития [Электронный ресурс] // «ArsAdministrandi». – 2014. – № 1.
[URL: http://cyberleninka.ru/article/n/umnyy-gorod-perspektivy-i-tendentsii-razvitiya] (дата обращения 11.11.2015).

III. Гороховская Л.Г. Мобильные городские практики глазами пассажиров [Электронный ресурс] // Гуманитарные исследования в Сибири и на Дальнем Востоке. – 2012 – № 1.
[URL: http://cyberleninka.ru/article/n/mobilnye-gorodskie-praktiki-glazami-passazhirov] (дата обращения 11.11.2015).

IV. Игнашин В.А., Кавеев Т.Н., Кавеева А.Д. Система общественного транспорта г. Казани как объект социологического анализа [Электронный ресурс] / КАЗАНСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК, 2015. – № 1. – С. 64–71. [URL: http://shelly.kpfu.ru/e-ksu/docs/F251138791/14_VESNA_2015.pdf] (дата обращения 11.11.2015).

V. Малеева Т.В., Смирнов А.А. Проблемы и перспективы развития пассажирских транспортных услуг в агломерациях [Электронный ресурс] // Kant. – 2012. – № 1.
[URL: http://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-perspektivy-razvitiya-passazhirskih-transportnyh-uslug-v-aglomeratsiyah] (дата обращения 11.11.2015).

VI. Пирогов С.В. Феноменологическая социология и урбанистика [Электронный ресурс] // Вестник Томского государственного университета. – 2004. – № 284.
[URL: http://cyberleninka.ru/article/n/fenomenologicheskaya-sotsiologiya-i-urbanistika] (дата обращения 11.11.2015).

VII. Скалабан И.А. Социальное картирование как метод анализа социально-территориального пространства [Электронный ресурс] // Журнал исследований социальной политики. – 2012. – Т. 10. № 1. – С. 61–78.
[URL: http://jsps.hse.ru/data/2012/10/03/1244539116/Sklaban_socialnoe%20kartirovanie.pdf] (дата обращения 11.11.2015).

Литература

I. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества [Электронный ресурс] / Пер. с англ. М.: Издательство «Весь Мир», 2004. – 188 с. [URL: http://yanko.lib.ru/books/cultur/bauman-globalizaciya-8l.pdf] (дата обращения 11.11.2015).

II. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания [Электронный ресурс] – М.: «Медиум», 1995. – 323 с. [URL: http://skepdic.ru/wp-content/uploads/2012/11/0458680_BCA67_piter_berger_lukman_t_socialnoe_konstruirovanie_realnosti_tr.pdf] (дата обращения 11.11.2015).

III. Бурдьё П. Социология политики [Электронный ресурс]: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко / – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с. – Гл. 3. [URL: http://bourdieu.name/content/burde-sociologija-politiki] (дата обращения 11.11.2015).

IV. Вучик В. Транспорт в городах, удобных для жизни / пер. с англ. А. Калинина под научн. ред. М. Блинкина [Электронный ресурс]. – М.: «Территория будущего», 2011. [URL: https://vk.com/doc-34690553_160674666?hash=396517b7eefede0e05&dl=175a20aebb7477b1be] (дата обращения 11.11.2015).

V. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм.- М.: Наука, 1991. – 572 с.

VI. Микроурбанизм. Город в деталях / Сб. статей; под отв. редакцией О. Бредниковой, О. Запорожец [Электронный ресурс]. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 352 с. [URL: http://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/125280544] (дата обращения 11.11.2015).

VII. Парсонс Т. Система современных обществ [Электронный ресурс] / Пер, с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с. [URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Parsons/index.php] (дата обращения 11.11.2015).

6.3. Блогосфера и социальные проблемы: конструирование повестки дня татарстанскими блоггерами

Одними из ключевых трендов развития Республики Татарстан последних лет стали информатизация и медиатизация, которые проникли в разнообразные сферы общественной жизни. В значительной степени эти процессы затронули бизнес, государственные услуги и средства массовой информации, которые трансформировались с соответствии с новыми условиями. Так, IT-проекты стали приоритетным и высокодоходным бизнес-направлением региона, одним из ярких примеров которых является реализованное в Республике «Электронное правительство». Кроме того, возникло пространство региональных электронных СМИ, не дублирующих печатные издания.

Как и повсюду в мире, распространение интернета в Республике позволило гражданам самостоятельно формировать собственный информационный «рацион»: возникли более узкие и гомогенные медиа-сегменты, пришедшие на замену массовым и рассчитанные на определенную аудиторию. Социальные сети и блоги, в свою очередь, явились уникальной площадкой, ставшей медиатором между СМИ и гражданами. С позиции конструкционистского подхода, эти площадки можно назвать новыми *публичными аренами,* то есть институтами, на которых различными *функционерами* этой арены формируется собственная повестка дня. Ключевыми функционерами, которые действуют в социальных сетях и блогосфере и во многом определяют повестку дня на конкретной арене, являются популярные пользователи, «лидеры мнения», владеющие большим символическим капиталом – рейтингом. Именно они осуществляют отбор, интерпретацию и представление аудитории различных тем и, следовательно, обладают символической властью проблематизировать некоторые из них, т.е. запускать процесс конструирования социальных проблем. С появлением множества новых площадок «многие утверждения-требования циркулируют только в определенных сегментах населения, а те, кто конструирует социальные проблемы, используют различную риторику для различных аудиторий» [2, с. 38].

Социально-экономический портрет функционеров, формирующих повестку дня, приобретает в таких условиях ключевое значение, поскольку они конструируют ее исходя из интересов своего социального слоя.

В настоящей статье раскрываются особенности сети микроблоггинга Twitter как публичной арены, социальный портрет ее ключевых функционеров – популярных блоггеров татарстанского сегмента («лидеров мнения»), определяется повестка дня татарстанского Twitter и основные стратегии проблематизации и депроблематизации, которые используются в процессе конструирования социальных проблем на данной площадке.

Блогосфера как публичная арена. Термин «конструирование социальных проблем» означает деятельность индивидов или групп по выражению недовольства относительно некоторых предполагаемых условий [12, с. 161]. Такой подход означает, что социальные проблемы – это не некие объективные условия действительности, а продукт коллективного определения [3]. Другими словами, социальной проблемой является только то, что определяется в качестве таковой членами общества. Процесс конструирования социальной проблемы обычно выражается в форме риторики требовательного характера или так называемого выдвижения утверждений-требований (claims-making) [12, с. 161].

Традиционно к числу публичных арен относят ветви власти, средства массовой информации, кино, научные сообщества и др. С конструкционистской точки зрения, блогосфера, в целом и сеть Twitter в частности, может быть рассмотрена как новый тип публичной арены – среды, в которой происходит конструирование социальных проблем и их конкуренция за часть общественного внимания. Поскольку любая публичная арена имеет свою «пропускную способность» [13, с. 153–156], разнообразие тем в ней всегда ограничено. Twitter в этом отношении не является исключением, к тому же популярные блоггеры конструируют именно те проблемы, в которых заинтересованы сами (речь идет об интересах, связанных с их социальным статусом, а не с корыстными целями). Исследователи отмечают, что в блогосфере существует конкуренция, которая заставляет блоггеров быть активными и находиться в авангарде актуаль-

ных проблем [15]. Все публичные арены, включая блогосферу, в силу пропускной способности обладают принципами отбора, которые определяют вероятность появления на них тех или иных социальных проблем. Больше шансов имеют темы, которые представляются в драматичном виде, соответствуют культурным акцентам и политическим пристрастиям аудитории и институциональным ритмам публичной арены [13, с. 157–165].

При этом функционеры обычно хорошо знакомы с принципами отбора, которые свойственны той или иной публичной арене, и адаптируют к ним свои утверждения. В противовес мнению авторов концепции публичных арен С. Хилгартнера и Ч. Боска [13] о том, что такая адаптация носит умышленный характер, мы считаем, что функционеры приводят свои утверждения в соответствие с принципами отбора непреднамеренно, лишь подсознательно сообразуясь с логикой конкретной публичной арены, и для них этот процесс происходит естественно. Вслед за Пьером Бурдье можно утверждать, что освоенный мир воспринимается людьми как нечто само собой разумеющееся благодаря тому, что индивиды усваивают через коммуникацию определенные способы и навыки практических схем действий в определенных институциональных контекстах, т.е. переводят внешние для них структурные установки во внутренние структуры своего собственного поведения [см., например. 5]. Поэтому функционеры выдвигают утверждения-требования в блогосфере относительно свободно, однако перечисленные требования к отбору тем работают и здесь.

Институциональный ритм сети Twitter как публичной арены обусловлен такой организационной характеристикой, как возможность коммуникации только посредством сообщений длиной не более 140 символов. Это роднит Twitter со СМИ, которые ограничены газетной площадью, эфирным временем и т. д., поэтому утверждения-требования, выдвигаемые в Twitter, должны быть максимально лаконичными, конкретными и соответствовать при этом принципам отбора. Такими принципами для всех публичных арен являются драматизм и соответствие культурным и политическим установкам аудитории [13, с. 157–162]. Кроме того, для Twitter также характерны являющиеся свойствен-

ными для СМИ зависимость от ключевого источника информации и «поглощенность непосредственными быстроразвивающимися событиями настоящего» [13, с. 162]. Следует отметить, что ограниченность 140 символами в Twitter не обязывает «упаковывать» социальную проблему в эти рамки, поскольку ее конструирование продолжается с помощью реплаев (reply – ответ на сообщение в сети Twitter) и дальнейших сообщений по теме, то есть в процессе взаимодействия многих пользователей. Зачастую этот недостаток устраняется и за счет использования ссылок на статьи по этой теме в Интернете и комментариев к ней, следовательно, повестка дня в Twitter зависит от определенных источников информации. Так, в татарстанском сегменте Twitter часто ссылаются на электронную газету «Бизнес Online», а обозреватели этого издания имеют твиттер-аккаунты и переносят повестку дня издания на эту интернет-площадку. Таким образом, «сетевая коммуникация предполагает постоянную систему взаимных отсылок, “пульсирующих” ключевых текстов и порождаемых ими нитей взаимодействия» [6, с. 7]. Ссылки возможны не только на тексты, а также на видео и изображения, которые часто являются наглядными аргументами в пользу каких-либо утверждений.

Большим недостатком Twitter как публичной арены является «поглощенность непосредственными быстроразвивающимися событиями настоящего», что фактически означает недолговечность, короткую «жизнь» социальных проблем в Twitter, что подтверждается материалами настоящего исследования. Это обусловлено зависимостью от других источников информации, динамичностью, присущей Интернету в целом и в особенности Twitter (мгновенное получение информации и комментариев – составление собственного мнения и позиции – переход к другим темам). Важной причиной недолговечности социальных проблем в Twitter, на наш взгляд, является также характер агентов, функционирующих в Twitter.

Социальный портрет блоггеров татарстанского Twitter. Ключевые функционеры в Twitter – это популярные блоггеры, «лидеры мнения», действующие на этой площадке. Их риторика способна оказывать воздействие на ау-

диторию, потому что они имеют определенный авторитет и популярность в данном сообществе.

«Лидеры мнения» в классической трактовке Пола Лазарсфельда, предложившего двухступенчатую модель коммуникации, выступают как связующее звено между средствами массовой коммуникации и массой, нуждающейся в ориентации [1, с. 32–33]. Такая посредническая функция означает, что «лидеры мнения» в Twitter, осуществляющие отбор, распространение и интерпретацию информации и выдвигающие на ее основании утверждения-требования, имеют две роли. С одной стороны, они являются функционерами данной публичной арены (то есть формируют повестку дня), но, с другой – частью аудитории (хотя и наиболее популярной ее частью), т.е. теми, кого С. Хилгартнер и Ч. Боск называют «членами общества». «Члены общества» также обладают «пропускной способностью»: они ограничены не только временными и денежными ресурсами, которые могут выделить на вопросы социального плана, но и размерами «лишнего сострадания, которое они могут найти у себя в отношении вещей, находящихся за пределами их обычных непосредственных забот в рамках их социального статуса» [13, с. 155–156]. Таким образом, у людей существует склонность к той или иной проблематике в силу их социальной идентичности и интересов.

В этой связи обратимся к социальному портрету популярных блоггеров татарстанского Twitter, чтобы лучше понять механизмы формирования повестки дня на этой арене.

Татарстанский Twitter охватывает довольно узкий сегмент населения, наиболее активное ядро которого социально может быть охарактеризовано как средний слой – это люди, обеспеченные в экономическом и культурном отношении, жители крупных городов (Казань, Набережные Челны), активные пользователи мобильного интернета. Результатом нашего исследования стал социальный портрет «лидеров мнения» в Twitter, описанный через определение позиций блоггеров в разных социальных полях и объемов обладаемых ими капиталов, т.е. с помощью концепции капиталов П. Бурдье [5]. Респонденты отбирались согласно методу критериальной выборки [8, с. 71–76] (на основе рей-

тинга пользователя). В качестве метода сбора информации было использовано глубинное интервью, содержавшее тематические блоки. Такими блоками выступали: 1) позиция респондента в сетевом информационном поле; 2) позиция в поле политики; 3) культурный капитал; 4) экономический капитал. Глубинное интервью было выбрано по причине его широких возможностей в том, что касается выявления субъективных смыслов и значений, которые придают респонденты тем или иным аспектам своей жизни, а также потому, что личная встреча с респондентом позволяет получить дополнительную информацию о нем через его внешний облик, сопутствующие предметы и т. д.

Резюмируя результаты эмпирического исследования, можно составить определенный портрет популярных блоггеров в татарстанском сегменте Twitter. Изучаемая группа преимущественно представлена мужчинами в возрасте от 22 до 32 лет, её культурный капитал характеризуется высоким уровнем основного и дополнительного образования, полной занятостью в области, связанной с коммуникациями, большим опытом поездок и интересом к спорту, политике и истории. «Лидеры мнения» материально обеспечены, доход выше среднего, что обеспечивается полной занятостью, часто – наличием собственного бизнеса. Они составляют ядро твиттер-сообщества популярных людей со сходным стилем жизни, имеют контакты с представителями власти и официальными организациями, популярны в сети Twitter среди широкой аудитории (в среднем 1000 человек). Позиция «лидеров мнения» в сетевом информационном поле характеризуется большим стажем пользования интернетом (10 лет и более), практически беспрерывным, активным пользованием с мобильных устройств. «Лидеры мнения» предпочитают получать и обсуждать политическую информацию в интернете, при этом критично относятся к информации, производя ее отбор и дальнейшее распространение; как правило, высказываются в интернете не анонимно, а от собственного лица. Не являясь профессиональными политиками и членами партий, они имеют опыт влияния на принятие политических решений, на органы власти, на организацию политических действий (участие в акциях, пикетах, организация сбора подписей и др.). Для «лидеров мнения» характерен

системный подход к оценке социальных проблем и в связи с этим недовольство российской политической системой, однако они осознают необходимость действовать в существующих условиях и предпочитают обсуждать способы решения конкретных проблем.

Повестка дня татарстанского Twitter и ее конструирование блоггерами. Популярные блоггеры («лидеры мнения») имеют возможность принимать непосредственное участие в формировании повестки дня в Twitter в силу своего символического капитала, поэтому, рассматривая конструирование социальных проблем на данной публичной арене, необходимо изучать именно их риторику. Сплошной анализ сообщений 10 самых популярных блоггеров в татарстанском сегменте Twitter позволил определить перечень наиболее популярных тем, которые позиционировались их авторами как проблемные и требующие изменений.

Анализ риторики «лидеров мнения» показал, что повестка дня в Twitter распадается на два класса обсуждаемых проблем:

1. Проблемы, перенесенные из СМИ, т.е. обсуждение прецедента. В этом случае повестка дня СМИ переносится в Twitter, и происходит «поддержка» аудиторией Twitter какой-либо темы в качестве проблемной.

2. Проблемы, к которым аудитория Twitter имеет «предрасположенность» в силу социальных диспозиций и интересов и для воспроизводства которых не требуется наличие прецедентов и освещения в СМИ. Так конструируются, в основном, проблемы, имеющие непосредственное отношение к интересам среднего класса. В изученный период значимыми темами стали: городское развитие, коррупция, детские сады, ЖКХ, предпринимательство, а также то, что было названо историком Н.П. Поповым – «партия власти как социальная проблема» [10], т.е. проблема монополизации власти в России.

«Лидеры мнения» склонны к конструированию проблематики, связанной с их интересами и потребностями, обусловленными их социальной диспозицией. Социальный портрет этой группы свидетельствует, что они могут быть отнесены к среднему классу (слою), поскольку обладают соответствующим объемом экономического и культурного капиталов. Как представители среднего

класса они предъявляют особые требования к городской среде, в особенности к архитектурному облику, качеству дорог (поскольку являются владельцами автомобилей) и чистоте улиц.

Проблема городского развития является наиболее предпочитаемой и регулярно воспроизводящейся на данной публичной арене независимо от прецедентов. Несмотря на то, что проблемы первого класса (связанные с громкими прецедентами, освещенными в СМИ) на какое-то время могут вытеснить проблему городского развития с публичной арены Twitter и стать поводом для оживленного обсуждения, положение таких тем недолговечно – в Twitter они «живут» даже меньше, чем в СМИ. В периоды, когда нет громких прецедентов, вытесняющих все остальные темы, проблема городского развития занимает лидирующее положение в Twitter. Риторика, связанная с этой проблематикой, обычно содержит в себе заметную критику в адрес чиновников и/или иронию. При этом «лидеры мнения» активно используют обращения к чиновникам, присутствующим в Twitter, с целью «призвать их к ответу». Явная ирония и упоминание конкретных чиновников, с точки зрения конструирования проблемы, предполагают не столько реакцию чиновников на критику в их адрес, сколько формирование определенного мнения у аудитории об этих чиновниках, которые в ее глазах становятся связанными с социальной проблемой городского развития. Индивидуализация причин проблемы – одна из стратегий конструирования социальных проблем [14, с. 66], и именно эта стратегия активно используется татарстанскими блоггерами в отношении данной темы. Городская администрация позиционируется как главное препятствие для развития комфортной городской среды Казани.

Отсутствие прецедентов и недраматичность проблемы не мешают поддерживать проблему городского развития. «Лидеры мнения» постоянно поддерживают интерес к теме с помощью фотографий городских улиц, которые служат неиссякаемым источником поводов для критики. Важным примечанием является то, что тема городского развития в татарстанском Twitter не депроблематизируется за счет иронии. Напротив, ирония способствует тому, чтобы

повторяющиеся сообщения, содержащие серьезную постановку вопроса, не привели к «усталости» аудитории от социальной проблемы. Аудитория Twitter охотно принимает и поддерживает проблему городского развития, поскольку она может подаваться в разном виде: она и знакома, и каждый раз нова, т.е. это конструирование нового в рамках знакомого – одна из стратегий проблематизации, которые выделила конструкционист Донилин Лазик [14, с. 66–67][*].

Контрриторика в отношении проблемы городского развития в Twitter отсутствует – аудитория принимает и проблематичный статус ситуации, и средства исправления, предлагаемые «лидерами мнения». Проблема видится в неэффективном управлении территорией города, ее причины полностью индивидуализируются и перекладываются на плечи конкретных чиновников, значит, самое эффективное средство борьбы с проблемой – их отставка. Что интересно, контрриторики нет и со стороны самих чиновников, более того, они поддерживают индивидуализацию причин проблемы. Так, например, лидер мнения, упоминая в сообщении аккаунт мэра Набережных Челнов, пишет: *«Многочисленные вывески на фасадах зданий вдоль проспектов – отдельная форма уродства. Архитектора в отставку»* (16 февраля, 21:56). На это следует ответ мэра: *«Правильно! На совещании в понедельник главного архитектора к отчету»* – так проблема с вывесками полностью сводится к конкретной персоне – архитектору города.

В конструировании проблем ЖКХ и детских садов более активную роль играют «лидеры мнения» Набережных Челнов, а не Казани. Стоит отметить, что популярные татарстанские блоггеры в большинстве случаев знакомы и виртуально, и лично и активно взаимодействуют друг с другом, потому границы между городами стираются. Однако в Набережных Челнах более высока степень непосредственного гражданского участия оффлайн, и конструирование проблем в Twitter носит лишь вспомогательную роль – Twitter выступает в качестве средства массовой информации, освещающего происходящие в реально-

[*] Здесь и далее по тексту используются обозначения стратегий проблематизации, предложенных Д. Лазик.

сти события. В данном случае речь идет о круглых столах по ЖКХ, инициируемых «Лигой дела»*, сборе подписей против повышения тарифов ЖКХ, пикете против подорожания оплаты за детские сады и других инициативах граждан в Челнах. В Twitter размещаются ссылки на онлайн-петиции, фотографии с места пикетов, транслируется ход мероприятий. Интерес «лидеров мнения» к проблеме детских садов может быть проинтерпретирован с помощью их социального портрета: будучи людьми в возрасте до 32 лет, большинство из них имеет малолетних детей, а потому проблема детских садов для них является личной заботой. Однако особенность лидеров мнения как агентов, имеющих активную гражданскую позицию, заключается именно в том, чтобы личные заботы приобретали характер социальных проблем и решались именно общественными усилиями, а не личными. Примечательно, что в отношении проблемы недоступности детских садов (нехватки мест, повышения платы) существует контрриторика, стремящаяся свести эту социальную проблему до масштаба личной заботы. К примеру, «лидер мнения», молодой папа, пишет о своей проблеме в терминах общесоциального явления: *«Рождаемость растет, а количество садиков – нет»* (26 февраля, 23:00), а его читатель комментирует это иным образом: *«За деньги решается все. Поможем, не переживай. В лучший садик».* У «лидеров мнения» как людей, достаточно обеспеченных экономически и обладающих обширным социальным капиталом, может возникать абстрагирование от проблем, подобных этой, поскольку они имеют варианты решения своих личных забот, не прибегая к массовому гражданскому протесту, поэтому их роль достаточно противоречива. С одной стороны, активная гражданская позиция заставляет их находиться в авангарде общественных проблем, воспринимать личные заботы как социальные проблемы и мобилизовать аудиторию. С другой стороны – их положение отличается от социально-экономического по-

* «Лига дела» – некоммерческая общественная организация, созданная в Челнах, а весной 2012 г. появившаяся и в Казани; проект, направленный на поддержку инициатив, консультирование и совместное решение городских вопросов. Сайт организации: ligadela.com

ложения большинства, затронутого данной проблемой, что не позволяет им относиться к ней так же остро, как большинство.

Темы ЖКХ и детских садов, в отличие от проблем городского развития и коррупции, не предполагают иронии, но критика власти и здесь является неотъемлемым элементом риторики. Здесь, как ни в каких других темах, преобладает такая стратегия проблематизации, как персонализация – использование историй личного характера.

«Партия власти как социальная проблема», или проблема монополизации власти в России, по праву может считаться ключевой в татарстанском Twitter, поскольку она так или иначе пронизывает все темы, позиционируемые популярными блоггерами как социальные проблемы. На примере рассмотренных выше социальных проблем видно, что их причины приписываются неэффективному управлению и восходят к политическим вопросам. Образ чиновника, конструируемый в Twitter, – это образ «вредителя», чья «антинародная» деятельность порождает социальные проблемы в самых разных сферах общественной жизни. Все эти темы неразрывно связаны друг с другом и являются элементами политического дискурса в татарстанском Twitter.

Наиболее ярко контрриторика проявляется в отношении политических тем в силу разных политических взглядов популярных блоггеров (от коммунистических до либеральных). Контрриторика выражается стратегиями песпективизации («*Это лишь Ваша точка зрения*»), неискренности («*У Вас есть корыстный политический интерес*») и истерии («*Ваши суждения иррациональны*»)[*]. Следует подчеркнуть, что в отношении политических тем в татарстанском Twitter никогда не используется контрриторика, выражающая бессилие или бессмысленность борьбы с проблемной ситуацией.

Таким образом, в татарстанском Twitter производится дискурс открытой социальной критики, который можно назвать антиправительственным. Проблема монополизации власти в России является ключевой в Twitter и пронизывает

[*] Здесь и далее используются обозначения стратегий депроблематизации, предложенные П. Ибаррой и Дж. Китсьюзом.

все остальные темы. Она остро воспринимается «лидерами мнения» как представителями среднего социального слоя, требующими более активного политического участия в своем государстве. Можно говорить о социальной обусловленности риторики популярных блоггеров: ими конструируются, в основном, те проблемы, которые имеют непосредственное отношение к интересам данного социального слоя. По этой причине их конструкционистская сила довольно ограничена: несмотря на то, что большинство поднимаемых ими проблем созвучно потребностям широких слоев населения (ЖКХ, детские сады, городская среда), «лидеры мнения» далеки от массового «базового слоя» [7, с. 10] России. Подтверждением этой гипотезы стала попытка контролируемого исследовательского «вмешательства» в повестку дня татарстанского Twitter.

Вмешательство в повестку дня татарстанского Twitter: опыт социологического эксперимента. Одним из ключевых в данном исследовании стал вопрос о том, что делает ту или иную тему в Twitter популярной и влиятельной: содержание сообщений, которыми она выражается, или авторитет источника информации. С социологической точки зрения это может рассматриваться как частный случай противопоставления двух современных подходов к пониманию общественного мнения: подхода Н. Лумана, в котором имеет значение не субъект, а тема, содержание, и подхода Ю. Хабермаса, где ключевая роль отводится элите как субъекту общественного мнения [9]. Если следовать концепции Лумана, то решающая роль в Twitter признается за контентом, перед которым все пользователи равны, следовательно, не имеет значения, кто именно конструирует проблему в Twitter, если тема отвечает интересам и ценностям аудитории – только от этого будет зависеть популярность темы и успешность ее конструирования. Согласно же концепции Хабермаса, субъектом общественного мнения является элита – наиболее информированные члены общества, способные высказывать и обсуждать мнение и делать его открытым для широкой аудитории. В Twitter такой элитой можно считать популярных блоггеров, обладающих наибольшим символическим капиталом или, по выражению Бурдье, владеющих средствами производства мнений. Именно они формируют общественное мне-

ние, а, значит, для успешного конструирования проблемы необходим такой источник, который принадлежал бы к «элите», т.е. был достаточно информирован, имел право на выражение своей позиции и мог рассчитывать на ее признание.

Иными словами, ключевой вопрос эксперимента был поставлен так: сможет ли заведомо популярный источник («лидер мнения») успешно сконструировать (т.е. сделать заметной и обсуждаемой) проблему, не соответствующую привычной повестке дня татарстанского Twitter?

Данный эксперимент можно назвать полевым (происходит в естественных для участников интернет-коммуникации условиях) и последовательным (контрольная группа отсутствует; одна и та же группа выступает в качестве контрольной до введения экспериментального фактора и в качестве экспериментальной группы после его введения). Экспериментатор вмешивается в естественный ход событий с помощью «лидера мнения», который предпринимает контролируемую и управляемую попытку изменить повестку дня в татарстанском Twitter по просьбе исследователя.

В качестве искусственно конструируемой проблемы необходимо было выбрать такую тему, которая существенно отличалась бы от привычной повестки дня, не была ориентирована непосредственно на интересы среднего класса и имела слабое освещение в СМИ.

Бездомность как социальное явление показалась наиболее подходящей темой для подобного эксперимента. Бездомность можно считать «темой-табу» или «невидимой темой» в публичном пространстве по двум причинам: механизм социального исключения и отсутствие громких информационных поводов, которые могли бы вынести эту тему в СМИ и другие публичные арены. Обращение к проблеме было решено конструировать, связав с возможной «высылкой» бездомных из Казани в преддверии спортивных соревнований, а также включив ее в привычную тему городского развития. В сообщениях «лидера мнения» по теме была использована также ссылка на статью в «Вечерней Казани» о центре поддержки бездомных [11] и личный опыт («*Периодически вижу людей, внимательно разглядывающих, а потом разбирающих мусорные баки…*»).

Комментарии аудитории, которые были получены на экспериментальные сообщения «лидера мнения», зачастую носили ироничный характер. Бездомность в них оказалась представлена как «нормальный» элемент социальной жизни, к которому можно относиться спокойно. Эти сообщения можно рассматривать как контрриторическую стратегию натурализации (бездомность естественна, неизбежна, нормальна). Существование бездомных аудиторией татарстанского Twitter признается, однако отвергается драматизм в представлении этой ситуации, отношение к самим бездомным нейтральное.

Тема не получила широкого обсуждения в татарстанском Twitter и на следующий день была вытеснена другой, более интересной для аудитории. В связи с открытием велосезона «лидерами мнения» обсуждалась неприспособленность Казани для езды на велосипеде, отсутствие велодорожек и небезопасность дорог. Эта тема оказалась социально «ближе» аудитории и ее стилю жизни, кроме того, она соответствует сезонным интересам и гармонично вписывается в излюбленную тему городского развития, в которой всегда есть «готовые идеи»[*].

Социальная дистанция, существующая между «лидерами мнения» (представителями среднего слоя) и социально незащищенными группами, объясняет безрезультатность попыток конструирования в Twitter проблем, связанных с «социальным дном» российского общества. Проблематизация бездомности, которая была осуществлена «лидером мнения» в качестве эксперимента в татарстанском Twitter, не получила большого отклика у аудитории. Более того, эта тема была «развернута» и подана в ином ключе другими «лидерами мнения» и политиками – бездомные были представлены не как незащищенная группа, нуждающаяся в помощи и поддержке, а как нежелательные «элементы» городской среды, с которыми нужно бороться с помощью изоляции и высылки. Таким образом, важна не только способность темы попасть на публичную арену Twitter (которая для тем, подобных бездомности, является минимальной), но и

[*] «Готовые идеи» – термин П. Бурдье из работы «О телевидении», под которым понимаются «идеи, усвоенные всеми, банальные, общие, не вызывающие возражений».

то, какие именно интерпретации этой темы будут более успешны в рамках этой публичной арены.

Данный экспериментальный кейс демонстрирует препятствия, существующие для определенных тем, для попадания на публичную арену Twitter. Однако нельзя полностью отвергнуть гипотезу о значении авторитетности источника сообщения, т.е. о роли «лидера мнения» в конструировании проблемы, поскольку в Twitter эта тема вызвала больше интереса, чем статьи о бездомных за тот же период в СМИ. Отражение той или иной темы «лидером мнения» является своеобразной «гарантией», что она может быть интересна не только СМИ, но и обычным людям.

Блогосфера в целом и сеть микроблоггинга Twitter в частности представляют собой новый тип публичной арены, на которых возможно конструирование социальных проблем. Исследования татарстанского сегмента Twitter позволяют выделить некоторые общие особенности данной публичной арены.

Во-первых, наиболее активное ядро татарстанского Twitter («лидеры мнения») социально может быть охарактеризовано как средний слой – это люди, обеспеченные в экономическом и культурном отношении, жители крупных городов, активные пользователи мобильного интернета.

Во-вторых, социальный портрет «лидеров мнения» во многом определяет повестку дня в татарстанском Twitter. Конструируются, в основном, те проблемы, которые имеют непосредственное отношение к интересам среднего класса: проблемы предпринимательства, комфортабельной городской среды и подобное. Несмотря на это, большинство поднимаемых ими проблем созвучно потребностям широких слоев населения (например, ЖКХ, детские сады, коррупция). Однако конструирование проблем, связанных с «социальным дном» российского общества (например, бездомность), в татарстанском Twitter затруднено из-за существующей социальной дистанции между «лидерами мнения» и социально незащищенными группами населения.

В-третьих, в татарстанском Twitter производится дискурс открытой социальной критики, который можно считать антиправительственным. Проблема

монополизации власти в России является ключевой в Twitter и пронизывает все остальные темы. Она воспринимается остро «лидерами мнения» как представителями среднего социального слоя, требующими более активного политического участия в своем государстве.

Риторика блоггеров и других популярных интернет-пользователей является обширным источником социальной информации. Twitter можно считать новой публичной ареной гражданского общества, где большую роль играют «лидеры мнения», обладающие символической властью запускать процессы конструирования социальных проблем. Поэтому изучение происходящих здесь процессов и настроений имеет значение для понимания состояния становящегося среднего класса и гражданского общества в России, в том числе в Республике Татарстан.

Литература

1. Бакулев Г.П. Массовая коммуникация: Западные теории и концепции // М.: Аспект Пресс, 2005. – 176 с.

2. Бест Дж. Социальные проблемы // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение: Хрестоматия / Сост. И.Г. Ясавеев. – 2007. – С.26–54.

3. Блумер Г. Социальные проблемы как коллективное поведение / Пер. И. Ясавеева // Контексты современности – II: Актуальные проблемы общества и культуры в западной социальной теории: Хрестоматия / Сост. и общ. ред. С.А. Ерофеева; Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – С. 150–159.

4. Бурдье П. О телевидении и журналистике / Пьер Бурдье. – М.: Прагматика культуры, 2002. – 159 с.

5. Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология. – 2002. – № 5. – С.60–74.

6. Девятков А.В., Макарычев А.С. Новые медиа и сетевая субъектность в России // Вестник Института Кеннана в России. Вып. 22. – М., 2012. – С. 7–12.

7. Заславская Т.И. Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. – 1997. – № 2. – С. 5–23.

8. Качественные методы. Полевые социологические исследования / И. Штейнберг, Т. Шанин, Е. Ковалев, А. Левинсон; под ред. И. Штейнберга. – СПб.: Алетейя, 2009. – 352 с.

9. Новейший философский словарь. Статья «Общественное мнение». [Электронный ресурс]. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/847/ОБЩЕСТВЕННОЕ (10.09.2015).

10. Попов Н.П. Главные социальные проблемы России последнего десятилетия [Электронный ресурс]. – URL: http://www.indem.ru/PUBLICATII/Popov/GlSocProbl.pdf (10.09.2015).

11. Плотникова И. Грядет великое переселение бомжей // Вечерняя Казань. – 2013. – 17 апреля.

12. Спектор М., Китсьюз Дж. Конструирование социальных проблем // Контексты современности – II: Актуальные проблемы общества и культуры в западной социальной теории: Хрестоматия / Сост. и общ. ред. С.А. Ерофеева; Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – С.160–163.

13. Хилгартнер С., Боск Ч.Л. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение: Хрестоматия / Сост. И.Г. Ясавеев. 2007. – С.145–184.

14. Ясавеев И.Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. – Казань: Изд-во Казан.ун-та, 2004. – 200 с.

15. Drezner D. W., Farrel H. The power and politics of blogs [Электронный ресурс]. – URL: www.danieldrezner.com/research/blogpaperfinal.pdf (10.09.2015).

7.3. Профессиональная самореализация молодежи: перспективы востребованности на рынке труда

Выпускники высших профессиональных учебных заведений, основы трудовых ориентаций которых закладывались еще в начальной школе, зачастую приобретают специальности, не востребованные современным производством,

в результате трудоустраиваются не по профилю подготовки или заняты трудом, не требующим высокой квалификации. Все большее распространение получает молодежная безработица, перспектива которой является постоянной угрозой для самореализации молодежи в обществе риска. Возникает непредсказуемость перехода молодежи в сферу труда, усиливаются риски депрофессионализации и нисходящей социально-профессиональной мобильности. Подобная перспектива может ожидать и выпускников 2014 года. Опрос старшеклассников средних школ г. Казани (1224 чел.) в апреле-мае 2014 г. показал наличие проблем, связанных с одним из значимых этапов в жизни молодого человека – выбором профессии, когда возникают неопределенности в процессе социального старта. В российском обществе традиционно сложилось так, что получение высшего профессионального образования рассматривается молодежью едва ли не как единственный способ обустройства собственной жизни. Мнения выпускников казанских школ свидетельствуют о том, что тенденция, направленная на приобретение молодежью высшего образования, сохраняется: абсолютное большинство (96%) выпускников казанских школ планируют продолжить обучение. В то же время, как свидетельствуют статистические данные, более половины выпускников этого года (из 700 тысяч выпускников страны) выбрали для сдачи на ЕГЭ обществознание, то есть планируют, как и многие выпускники прошлых лет, стать экономистами, юристами, управленцами. Однако востребованы в обществе специалисты совершенно другого профиля – в сфере услуг, промышленности, транспорта, строительства. В результате многие выпускники высших учебных заведений не могут устроиться на работу по специальности. Подтверждается тенденция, характерная для российского рынка труда: стране требуются инженеры и квалифицированные рабочие на производстве, а молодые люди продолжают получать профессии менеджера, экономиста, филолога, историка, юриста. Выпускники вузов вынуждены устраиваться на работу не по специальности, появились новые термины: профессиональная миграция, или поствузовская мобильность.

О востребованности специалистов того или иного профиля можно судить на основе исследования, проведенного Региональным центром содействия трудоустройству и адаптации к рынку труда выпускников учреждений высшего профессионального образования, Первые места в рейтинге востребованных профессий занимают специалисты по продажам, торговле, инженерные специалисты и IT-специалисты, представители рабочих профессий. Специалисты-гуманитарии, а также юристы, экономисты, управленцы, не занимают лидирующие позиции в рейтинге профессий [I].

Основная проблема – несоответствие получаемой в вузе профессиональной подготовки наличию рабочих мест по этой специальности. В результате часть молодых людей оказывается за гранью трудоустройства, то есть в числе безработных, социально не защищенных групп.

По данным Росстата за 2013 год, уровень безработицы среди молодежи значительно выше, чем в старших возрастных группах, – молодые люди 20–29 лет составляют 39,91% от общего числа безработных, лица в возрасте 50 лет и старше –19,14% [II]. Кроме того, существует тенденция нарастания переизбытка специалистов гуманитарного профиля и недостатка специалистов технического профиля; спрос на специалистов гуманитарных специальностей находится на низком уровне.

На региональном рынке труда отсутствие спроса на какие-либо профессии приводит к тому, что многие выпускники учебных заведений находят работу не по специальности. Для других единственной возможностью трудоустроиться является переподготовка. Ежегодно из числа всех выпускников каждый четвертый становится кандидатом на переподготовку, получая вторую профессию. Пятая часть молодых специалистов увольняется уже в первый год работы из-за неудовлетворенности характером выполняемого труда [1].

Выпускники учебных заведений занимают определенную нишу на рынке труда. С одной стороны, они только вступают в него и зачастую не соответствуют многим требованиям, предъявляемым к работнику. Это приводит к тому, что значительная часть молодежи оказывается на низших профессионально-

должностных ступенях. Поэтому современная молодежь вынуждена быть более мобильной в профессиональном отношении, гибко реагировать на изменяющиеся условия, пытаться адаптироваться к рыночным преобразованиям. Ученые называют несколько причин, порождающих неравное положение выпускников на рынке труда по сравнению с опытными работниками [III].

– Отсутствие трудовой истории, следовательно, репутации, делает молодежь при найме на работу менее предпочтительной, чем старшее поколение.

– Отсутствие опыта: по сравнению с работниками старших возрастных групп у молодых людей, как правило, низкая квалификация, не сформированы необходимые навыки и умения. Полученное образование дает преимущественно знания, составляющие основу профессиональных компетенций, а навыки и умения приобретаются постепенно, по мере накопления опыта.

– Недостаточная включенность молодежи в профессиональные и социальные сети ограничивает ее доступ к рабочим местам.

– Невостребованность полученного образования на рынке труда делает молодежь неконкурентоспособной.

О наличии вакансий для молодых специалистов можно судить на основе исследования группы компаний HeadHunter (hh.ru) совместно с порталом CAREER.RU, проведенном в городах-миллионниках России в начале 2014 г. [IV], Оказалось, что первое место по этому показателю занимает Москва, последнее – Омск. Казань в этом списке занимает четвертое место из 15 городов – 2,3% вакансий для выпускников, т.е. каждая 17-я вакансия ориентирована на молодых специалистов. Больше всего вакансий в 2013 году было по направлениям: «Продажи» (25%), «Консультирование» (11,4%), «Административный персонал» (11,3%)

Почти во всех вакансиях упоминается наличие высшего образования, но с разным процентным соотношением по городам. Наивысший показатель от общей доли наблюдается в Казани (82%), наименьший зафиксирован в Перми (53%). Чаще всего в вакансиях для выпускников встречалось наличие технического образования (37% вакансий), на втором месте – экономическое образова-

ние (31%), на третьем месте – юридическое образование (13% вакансий). Спрос на молодых специалистов гуманитарного направления составляет всего 7% от общего количества вакансий [V]. Поэтому молодому специалисту технического профиля трудоустроиться легче, чем выпускнику гуманитарной специальности: тенденции рынка труда свидетельствуют о том, что растет спрос на выпускников технических специальностей.

Приоритеты по финансированию и поддержке со стороны вузов отдаются подготовке специалистов в области техники и высоких технологий. Дегуманитаризация высшего образования постепенно ведет к дегуманизации общества. «Гуманитарная катастрофа» – такое название получил длительный (на протяжении последних 10–15 лет) процесс сокращения гуманитарного образования и, следовательно, его востребованности в обществе. Подход к общественному развитию с сугубо утилитарных позиций чреват в недалекой перспективе усилением антигуманистических тенденций в развитии общества. Вспышки насилия, агрессии, в том числе немотивированной, уже сегодня стали нередким явлением в жизни российского общества. В связи с этим актуализируется усиление гуманитарной составляющей в подготовке специалистов, в том числе специалистов технического профиля.

Таким образом, неопределенность возможностей самореализации молодых людей возникает в результате несоответствия их стремлений обрести желаемый социальный статус ресурсам, имеющимся у различных социальных институтов. При недостаточной со стороны общества, его институтов социальной поддержке процессов самоопределения и самоутверждения молодежи, отсутствии последовательной и четкой государственной политики по подготовке кадров усиливается социально-стратификационное неравенство. Происходит ограничение возможностей для восходящей мобильности отдельных категорий молодежи, что порождает риски социального исключения. Существование социально-стратификационных рисков обусловливает неконкурентоспособность части молодежи. Неопределенность социально-профессионального статус ведет к возникновению риска кризиса идентичности в молодежной среде. В данной

ситуации распространяется стратегия конформизма. При ограниченности практического опыта у молодежи конформистская модель поведения становится доминирующей: уже в юношеском возрасте человек оказывается в ситуации выбора, когда поступать в соответствии с нормами данного общества – значит жить, не достигая того успеха, который декларируется как общественный идеал, а достижение успеха в общепринятом в данном социуме смысле предполагает зачастую нарушение социальных норм. Все это в совокупности становится фактором потенциальной неустойчивости, конфликтогенности и дисбаланса в обществе.

Преодоление негативных тенденций возможно лишь при наличии комплексной скоординированной государственной политики по регулированию трудовой мотивации в молодежной среде, оптимизации структуры образования, в том числе внедрении компетентностного подхода, при котором усиливается практико-ориентированность обучения [2, 122], грамотной профориентационной работе, восстановлении престижа человека труда и наличии эффективных социальных программ по поддержке молодежи.

Источники

I. Исследование проблем и перспектив трудоустройства выпускников вузов на современном рынке труда. Управление по воспитательной и социальной работе. Региональный центр содействия трудоустройству и адаптации к рынку труда выпускников учреждений высшего профессионального образования [Электронный ресурс] // Управление по социальной и воспитательной работе. – URL: http://job.petrsu.ru/site/article/42 (дата обращения: 12.07.2014).

II. Тенденции на рынке труда (аналитический материал) [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_30/IssWWW.exe/Stg//%3Cextid%3E/%3Cstoragepath%3E::%7Cd04/tab4-2.xls (дата обращения: 10.07.2014).

III. Рощин С.Ю., Маркова К.В. Выбор каналов поиска работы на российском рынке труда (научный доклад на Консорциуме экономических исследова-

ний и образования) [Электронный ресурс] // Консорциум экономических исследований и образования. Серия "Научные доклады". – URL: http://www.hse.ru/data/469/349/1234/WP_04-05r.pdf (дата обращения: 10.07.2014).

IV. Рынок труда для молодых специалистов в городах-миллионниках [Электронный ресурс] // Группа компаний Head.Hunter. – URL: http://career.ru/article/14578 (дата обращения: 20.07.2014).

V. Осепян А.К., Шаталин И.Д. Трудоустройство выпускников-гуманитариев: реальность и перспективы [Электронный ресурс] // Всероссийская научно-методическая конференция «Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры» (Ежегодная научно-методическая конференция ОГУ). – URL: conference.osu.ru/assets/files/conf_reports/conf8/521.doc (дата обращения: 01.07.2014).

Литература

1. Шерер И.Н.Социально-экономическая трансформация регионального молодежного рынка труда: монография. – М.: Изд-во: Зерцало-М ИКД, 2011. – 191 с.

2. Тузиков А.Р., Соловарова Ю.Н., Зинурова Р.И. Компетентностный подход и дистанционные технологии в профессиональной подготовке и переподготовке менеджеров / Монография. – Казань: КГТУ, 2008. – 152 с.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Глобальные вызовы и кризисные явления в обществе выступают дестабилизирующими факторами, детерминирующими неустойчивость общества и неоднозначные социальные динамики, непредсказуемость и разнонаправленность поведения различных социально-демографических групп населения.

Анализ воспроизводственных процессов в Республике Татарстан в целом и в социально-территориальном ракурсе в том числе свидетельствует о том, что коренного перелома в воспроизводстве населения пока не произошло. Демографические процессы в республике носят неоднозначный характер: в одних поселениях – городских и сельских – воспроизводственные процессы имеют положительную динамику, в других – продолжается убыль населения. Сложные, противоречивые процессы, происходящие в современном татарстанском обществе, детерминируют многообразие моделей воспроизводственных процессов.

Нарастание кризисных явлений в жизни семьи, падение ценностей семейного образа жизни, ослабление социально-нормативной регуляции в обществе, социальная аномия, с одной стороны, укрепление основ государственности, устойчивость в развитии общества, с другой, объясняют вариативность поведенческих стратегий жителей республики. Процессы брачности/разводимости имеют изменчивый характер, наблюдается значительная дифференциация показателей демопроцессов в различных городских и сельских поселениях, уровень рождаемости остается низким, не обеспечивающим простого воспроизводства населения. Позитивная динамика – естественный прирост населения, наблюдающийся в отдельных городах, прежде всего в столице республики, а также в отдельных муниципальных районах, пока не носит долговременного характера, может объясняться ситуативными обстоятельствами. Коренной перелом возможен при эффективной демографической политике, при возрождении семьи как социального института, а также устойчивой социально-демографической группы, при распространении и укоренении в татарстанском обществе модели

трех-четырехдетной семьи, что позволит обеспечить замещение поколений татарстанцев в режиме простого воспроизводства.

Сохранение стабильности социально-политического развития республики во многом определяется характером межэтнических и межконфессиональных отношений. В Республике Татарстан, считающейся образцом мирного сосуществования различных этнических и конфессиональных групп, местного населения и приезжих, под влиянием ряда внутренних и внешних факторов начали появляться проблемные зоны. Это касается противоречий внутри конфессионального развития, способных породить риски и угрозы мирному сосуществованию народов региона. На передний план также выходят проблемы, связанные с активизацией миграционного потока и характером отношений местного населения и приезжих, формированием и тиражированием образа «других» – тех, кто отличается от большинства населения региона по вероисповеданию, языку, этничности, цвету кожи, стране происхождения (прежде всего мигрантов из-за рубежа). В характере освещения некоторыми СМИ миграционного притока в страну усматривается один из механизмов конструирования массовых фобий и враждебных стереотипов, разжигания межэтнической, межконфессиональной и расовой нетерпимости. Все это предполагает необходимость особого внимания со стороны организаций, занимающихся обеспечением безопасности на территории региона, а также детального анализа складывающейся ситуации со стороны специалистов, изучающих проблемы социокультурного характера.

В обществе риска актуализируются проблемы социального самочувствия различных групп населения. Уязвимой оказывается молодежь, которая в силу своих возрастных, социальных, психологических особенностей в большей степени, чем другие социальные и возрастные группы, восприимчива к переменам, происходящим в обществе. Именно от самоопределения молодежи, ее установок, ценностных ориентаций во многом зависят модернизационный потенциал и перспективы развития общества. Дальнейшие исследования в этом направлении могут внести ясность в понимание проблем молодежи в российском обществе.

Обеспечение устойчивого городского развития является одной из наиболее обсуждаемых и актуальных проблем в современном обществе. Сложившиеся городские системы становятся неустойчивыми, не обеспечивающими комфортную среду для жизнедеятельности человека, растет антропогенная нагрузка на трансформирующуюся урбоэкосистему. Все это актуализирует необходимость пересмотра многих теоретических и практических установок и поиска новых идей и путей решения проблем региона**,** способных обеспечить гармоничное развитие его жителей.

Информация об авторах

Ахметова Симбуль Абдулловна – доцент кафедры общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций К(П)ФУ, кандидат философских наук.

Гайфуллина Раушания Фаритовна – доцент кафедры фундаментальных основ клинической медицины, заместитель директора Института фундаментальной медицины и биологии К(П)ФУ, кандидат медицинских наук.

Гузельбаева Гузель Яхиевна – доцент кафедры общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций К(П)ФУ, кандидат социологических наук.

Егорова Лилия Георгиевна – доцент кафедры общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций К(П)ФУ, кандидат социологических наук.

Ермолаева Полина Олеговна – доцент кафедры общей и этнической социологии К(П)ФУ, начальник отдела качественных исследований ГБУ «Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан», кандидат социологических наук.

Ефлова Мария Юрьевна – доцент кафедры общей и этнической социологии, заместитель директора Института социально-философских наук и массовых коммуникаций К(П)ФУ, кандидат социологических наук.

Игнашин Владимир Александрович – аспирант кафедры общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций К(П)ФУ

Ишкинеева Гузель Фаридовна – аспирантка кафедры общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций К(П)ФУ.

Ишкинеева Фарида Фалесовна – доцент кафедры общей и этнической социологии, заведующая лабораторией социологических исследований Института социально-философских наук и массовых коммуникаций К(П)ФУ, кандидат социологических наук.

Кавеев Тимур Наилевич – аспирант кафедры общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций К(П)ФУ.

Кавеева Аделя Динаровна – аспирантка кафедры общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций К(П)ФУ.

Минзарипов Рияз Гатауллович – заведующий кафедрой общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций, первый проректор К(П)ФУ, доктор социологических наук.

Низамова Лилия Равильевна – доцент кафедры общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций К(П)ФУ, кандидат социологических наук.

Носкова Елена Петровна - старший научный сотрудник отдела качественных исследований ГБУ «Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан».

Нурутдинова Аида Наилевна – доцент кафедры общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций К(П)ФУ, кандидат социологических наук.

Озерова Карина Адгамовна – аспирантка кафедры общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций К(П)ФУ.

Научное издание

ПОЛИЭТНИЧНЫЙ РЕГИОН В XXI ВЕКЕ:
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Подписано в печать 25.12.2015.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Формат 60x84 1/16. Гарнитура «Times New Roman». Усл.печ. л. 14,42.
Уч.-изд. л. 14,4. Тираж 100 экз. Заказ 69/12

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательства Казанского университета

420008, г. Казань, ул. Профессора Нужина, 1/37
Тел. (843) 233-73-59, 233-73-28